

RESPUBLICA LITERARIA

№4 2025

Respublica Literaria

2025. Т. 6. № 4.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Гун Нань (Хэйлунцзянский университет, КНР)

Editorial council:

Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Gun Nan (Heilongjiang University, China)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Берестов И. В. Аутентизм как методология историко-философского исследования..	5
Бровкин В. В. Политические взгляды Гераклита.....	26
Бутаков П. А. Эпистемологические проблемы поучительных историй.....	41
Вольф М. Н. Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации.....	53
Гагинский А. М. К генеалогии Ereignis: Хайдеггер в ближайшем контексте.....	68
Доманов О.А. Вещи, свойства, отношения в теоретико-типовой онтологии.....	83
Шевченко А. А. «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки	93
Шиян Т. А. Возникновение философии как проблема исследования культуры	99

СОЦИОЛОГИЯ

Зазулина М. Р. Территориальное общественное самоуправление в условиях сопроизводства общественных благ: региональные кейсы.....	117
Скрипкина Т. К. Специфика агентности аудитории в современной русской медиасреде.....	138

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жигунова М. А. Сохранность историко-культурного наследия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	153
Хишигдулам Н., Изгарская А. А. Векторы интеграции системы образования Монголии: к проблеме эволюции российско-монгольского партнерства	159

ПРАВО

Артемова А. Н. Правосубъектность искусственного интеллекта с позиции экономического анализа права.....	176
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Родин К. А. Неистовство нуля ... Рецензия на книгу Ника Ланда «Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм»	184
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абрамова М. А., Арутюнова Е. М., Щеголькова Е. Ю. Этничность в отношениях между людьми: факты и факторы влияния.....	190
Петров В. В. Исторический опыт организации научных исследований: социальный контекст.....	196

CONTENTS

PHILOSOPHY

Berestov I. V. Authentism as a Methodology of Historico-Philosophical Studies.....	5
Brovkin V. V. Political Views of Heraclitus.....	26
Butakov P. A. Epistemological Problems of Didactic Fiction.....	41
Volf M. N. Russian Plato vs. Russian Aristotle: Modes of Cultural Appropriation.....	53
Gaginsky A. M. Heidegger's Ereignis: a Prolegomena.....	68
Domanov O.A. Things, Properties, Relations in Type-Theoretical Ontology.....	83
Shevchenko A. A. Ai "Hallucinations" as a New Form of Epistemic Mistake	93
Shiyan T. A. The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies	99

SOCIOLOGY

Zazulina M. R. Local Communities in the Context of Co-production of Public Goods: Regional Cases.....	117
Skripkina T. K. Specificity of Audience Agency in the Modern Russian Mediascape	138

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Zhigunova M. A. Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the example of Siberia).....	153
Khishigdulam N., Izgarskaya, A. A. Integration Vectors of the Mongolian Education System: To the Problem of the Evolution of Russian-Mongolian Partnership.....	159

LAW

Artemova A. N. The Legal Personality of Artificial Intelligence from the Perspective of the Economic Analysis of Law.....	176
---	-----

REVIEW

Rodin K. A. Frenzy of the Zero ... A Review of Nick Land's "The Thirst for Annihilation: Eorges Bataille and Virulent Nihilism"	184
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Abramova M. A., Arutyunova E. M., Shchegolkova E. Yu. Ethnicity in Human Relations: Facts and Influencing Factors.....	190
Petrov V. V. Historical Experience in Organizing Scientific Research: Social Context	196

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

АУТЕНТИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья является критическим откликом на статью Т. А. Шияна «Возникновение философии как проблема исследования культуры». В своей статье Т. А. Шиян предлагает новую методологию для исследования инокультурных феноменов, которую он называет «аутентизмом». В настоящей статье я показываю, что историко-философские исследования философских текстов минувших эпох (являющиеся инокультурными феноменами) не могут проводиться с использованием предлагаемой Т. А. Шияном методологии. Этот вывод я основываю на том, что в разработанной Т. А. Шияном методологии: 1) отсутствует процедура выявления значений лексических единиц древних философских текстов; 2) отсутствует анализ выявленных в современных дискуссиях о методологии истории философии недостатков антикваризма / историцизма / контекстуализма (разновидностью которых является аутентизм); 3) не учитывается специфика философского текста, на значение лексических единиц которого нельзя указать; это значение может определяться только через систему убеждений написавшего текст философа, но к этой системе у интерпретатора нет доступа.

Ключевые слова: Т. А. Шиян, аутентизм, презентизм, методология истории философии, историцизм, контекстуализм, апроприационизм, семантический холизм, ментальный холизм, семантика философских текстов.

Для цитирования: Берестов, И. В. (2025). Аутентизм как методология историко-философского исследования. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 5-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.5-25

AUTHENTISM AS A METHODOLOGY OF HISTORICO-PHILOSOPHICAL STUDIES

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. This paper is a critical reply to T. A. Shiyan's paper "The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies". In his paper, T. A. Shiyan proposes a new methodology for studying alien cultural phenomena, which he calls "authenticism". In this paper, I show that historical and philosophical studies of philosophical texts of bygone eras (which are alien cultural phenomena) cannot be conducted using the methodology proposed by T. A. Shiyan. I ground this conclusion on the fact that T. A. Shiyan: 1) lacks for an procedure by which the meanings of lexical units of a philosophical texts are determined; 2) lacks for an analysis of the shortcomings of antiquarism / historicism / contextualism (of which authenticism is a kind); these shortcomings have been repeatedly described in modern discussions about the methodology of the history of philosophy; 3) does not take into account the specificity of a philosophical text, although the meaning of lexical units of such a text cannot be specified; this meaning can only be determined through the belief system of the philosopher who wrote the text, but the interpreter does not have access to this system.

Keywords: T. A. Shiyan, authenticism, presentism, methodology of the history of philosophy, historicism, contextualism, appropriationism, semantic holism, mental holism, semantics of philosophical texts.

For citation: Berestov, I. V. (2025). Authenticism as a Methodology of Historico-Philosophical Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 5-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.5-25

Изложение аутентизма как методологии историко-философского исследования Т. А. Шияном

Настоящая статья посвящена обсуждению статьи Т. А. Шияна «Возникновение философии как проблема исследования культуры», опубликованной в настоящем выпуске журнала *Respublica Literaria* [Шиян, 2025]. В своей статье Т. А. Шиян говорит о методологии исследования и описания одной культуры представителями другой, иновременной, культуры. Полученные результаты Т. А. Шиян использует для того, чтобы обосновать выбор из нескольких альтернатив одного ответа на вопрос о происхождении философии. В настоящей статье я намерен коснуться только вопроса о методологии исследования культуры (при этом основное внимание я уделю даже еще более узкой теме – вопросу о методологии истории философии), вопроса же о происхождении философии я касаться не буду.

В разд. 3 своей статьи Т. А. Шиян выделяет «центральную проблему, встающую при описании явлений иных и / или иновременных культур». Эта проблема, вероятно, состоит в том, что у нас имеется несколько альтернативных методов описания таких явлений – например, презентизм / антикваризм, представленные в статье «Презентизм и антикваризм – две картины прошлого» [Кузнецова, 2009, с. 165], доводы в пользу которых равноубедительны. В трактовке А. И. Кузнецовой, сторонники презентизма «оценивают историческое событие науки только с точки зрения современного уровня научного знания», а сторонники антикваризма «ставят целью восстановить событие в его исторической подлинности и уникальности» [Кузнецова, с. 165].

Далее Т. А. Шиян цитирует некоторые работы, написанные М. Н. Вольф, А. В. Косаревым и мною, представляя используемое нами разведение двух методологических подходов к истории философии – апроприационизма (присваивающего подхода) и историзма (контекстуализма) [Вольф, 2017, с. 244; Вольф, Косарев, 2016, с. 228; Берестов, 2021, с. 7-8]. В соответствии с приведенными Т. А. Шияном цитатами из этих работ, контекстуалисты требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты же требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии¹.

Далее в разд. 3 своей статьи Т. А. Шиян переходит к описанию своего собственного подхода к корректному описанию некоторой культуры исследователем, который принадлежит другой культуре.

¹ При этом исследование контекста написания текста не является обязательным: апроприационист «признает только самый минимальный набор ключей, необходимых интерпретатору, чтобы каким-то минимальным образом понять текст» [Вольф, Берестов, 2020а, с. 60].

«Если, описывая физическую или химическую реальность, мы соотносим с ней слова и смыслы, в ней в принципе отсутствующие, то, описывая другую культуру, мы имеем дело с объектом уже самоописанным, самоистолкованным (хотя в некоторых случаях мы и имеем право говорить о ложном самоописании). Поэтому мы можем и должны строить собственный анализ и описание другой культуры, опираясь на ее самоописание. В этом требовании имеется и серьезная онтологическая подоплека, поскольку социальные объекты существуют только постольку, поскольку представители исследуемого сообщества (носители культуры) осознают эти объекты в качестве существующих» [Шиян, 2025, разд. 3].

Ниже Т. А. Шиян предлагает собственное «улучшение терминологии» для обозначения противостоящих друг другу лагерей в методологии исследования одной культуры исследователем, принадлежащим другой культуре. Термин «апроприационизм» ему не нравится в силу «языкового безвкусица» (вряд ли эту критику можно отнести также и к термину «присваивающий подход», часто используемому М. Н. Вольф), а также в силу «узости связываемого с ним содержания (прагматизм, полезность)». Здесь стоит отметить, что апроприационизм предлагает связывать древний философский текст с дискуссиями других авторов, даже писавших на другом языке и в другие эпохи, в том числе с современными дискуссиями. Никакого ограничения «прагматизмом» или «полезностью» для кого-либо у получающейся в результате интерпретации философского текста нет. Также интерпретатор этого текста не обязан преследовать прагматические цели или стремиться к полезности своей интерпретации для чего-либо. Поэтому последнее замечание Т. А. Шияна мне трудно понять.

Термин «апроприационизм» уже используется в дискуссиях о методологии *истории философии* [см.: Lærke et al., 2013, p. 3; Берестов и др., 2019, с. 15], поэтому М. Н. Вольф и я, когда присоединились к этим дискуссиям, также стали его использовать. Т. А. Шиян же обсуждает проблему описания объектов одной культуры исследователем, принадлежащим другой культуре. Конечно, в обоих случаях возникает проблема интерпретации текстов, но методология апроприационизма есть одна из методологий *историко-философского* исследования, а не *культурологического* исследования (или исследования в области *истории культуры*). У историко-философского исследования есть своя специфика, и методология историко-философского исследования обязана ее учитывать, о чем я подробнее напишу ниже, в Обсуждении Тезиса (9).

Термины «антикваризм», «историцизм», «контекстуализм» также не нравятся Т. А. Шияну из-за своей узости, использования только в некоторых направлениях, школах, традициях культурологических или исторических исследований. Т. А. Шиян делает следующий вывод:

«Мне кажется, что подошел бы термин “аутентизм”, указывающий на исследовательскую установку получения максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления, независимо от его предполагаемого существования в современности или в прошлом исследователя. Такой подход требует опоры на самоописание исследуемой культуры и постоянной проверки рассматриваемых объектов на существование. Таким образом, в качестве

скорректированного варианта вышеописанных оппозиций я предлагаю оппозицию аутентизма и презентизма, где **аутентизм** (жирный шрифт Т. А. Шияна. – И. Б.) (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** (жирный шрифт Т. А. Шияна. – И. Б.) – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры» [Шиян, 2025, разд. 3].

Замечу, что Т. А. Шиян ничего не пишет (по крайней мере, в [Шиян, 2025]) о том, употреблялся ли термин «аутентизм» ранее, и если употреблялся, то какие значения этому термину придавались и какие дискуссии с использованием этого термина велись.

Со ссылкой на А. Тарского (без указания работы), Т. А. Шиян далее проводит различие между **объектным языком** (семантические свойства которого исследуются) и **метаязыком** (языком исследователя, на котором тот описывает объектный язык). Ссылаясь также и на “Principia mathematica” А. Н. Уайтхеда и Б. Рассела² (без указания страниц), Т. А. Шиян утверждает, что для описания любого семиотического объекта необходимо иметь знаковые средства более высокого уровня. Также Т. А. Шиян требует четко различать язык описания, используемый исследователем, и язык самоописания описываемой исследователем культуры. При этом язык описания

«... должен включать в себя специальные семиотические средства для аутентичного писания реалий предметной культуры (специальную терминологию, понятийный аппарат и иные средства) (курсив Т. А. Шияна. – И. Б.). В качестве таких специальных средств могут выступать либо напрямую лексика языка предметной культуры (и иные знаковые средства из нее), либо специально построенный аппарат языка описания, представляющий в этом языке знаковые средства предметной культуры. Такой аппарат обычно формируется путем транслитерации средствами родного или латинского алфавитов, транскрипции, калькирования ...» [Шиян, 2025, разд. 4].

Т. А. Шиян далее проводит различие между эмпирическими и теоретическими терминами, ссылаясь на Венский кружок и на [Крафт, 2003]. По Т. А. Шияну, эмпирические термины могут быть «остенсивно» определены. Предложения, содержащие только эмпирические термины и логические связки, называются эмпирическими. Примеры эмпирического предложения – в такое-то время, в таком-то месте, такая-то стрелка, такого-то прибора отклонилась с такой-то отметки до такой-то отметки; в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то. Видно, что Т. А. Шиян при разведении теоретических и эмпирических терминов не принимает во внимание зависимость значений эмпирических терминов от теории, в рамках которой формулируются эмпирические предложения. Иначе говоря, им не принимаются во внимание бурные дискуссии второй половины XX в. о теоретической нагруженности эмпирических терминов и эмпирических предложений.

² См. русский перевод в трех томах [Уайтхед, Рассел, 2005-2006].

Завершая разд. 4, Т. А. Шиян пишет в последнем абзаце этого раздела:

«... корректное исследование иной (иновременной) культуры – дело «рекурсивное» (некоторые называют это кругом или спиралью), подразумевающее постоянные переходы между несколькими фазами исследования и описания. Переход (1) от эмпирических данных (терминов, утверждений) исследователя к языку самоописания исследуемой культуры, (2) от критики терминов самоописания предметной культуры к выработке исследователем предметно (эмпирически) ориентированной терминологии описания, (3) от теоретических и предметно ориентированных терминов языка описания назад к их проверке и соотнесению с эмпирическими данными и терминами самоописания предметной культуры» [Шиян, 2025, разд. 4].

Ниже я кратко сформулирую методологические тезисы Т. А. Шияна и кратко их прокомментирую.

Обсуждение Тезиса (1)

- (1) Центральная методологическая проблема в исследовании объектов иных культур (имеющаяся также и в историко-философских исследованиях) – проблема выбора между методологией аутентизма и методологией презентизма (как их определяет Т. А. Шиян: **аутентизм** (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры).

Как я уже писал выше, методологические подходы к исследованию иных культур не исчерпываются аутентизмом и презентизмом. Например, одним из методологических направлений в истории философии (я полагаю, что философия некоторого сообщества из некоторой эпохи является частью культуры этого сообщества из этой эпохи) является апроприационизм. Апроприационист *не «проецирует»* свои представления на древнего философа, он лишь полагает, что значением древнего философского текста является та роль, которую аргументы из этого текста играют или могут играть в современных философских дискуссиях [Берестов и др., 2019, с. x-xii, 9-15, 93-101].

Таким образом, попытка Т. А. Шияна свести апроприационизм к презентизму несостоятельна в силу их определений. Замена термина «апроприационизм» на термин «презентизм» не является всего лишь «улучшением терминологии», как полагает Т. А. Шиян в разд. 3, но является заменой одного понятия на существенно отличающееся от него понятие. Так что дилемму «аутентизм либо презентизм» вряд ли можно считать удачной формулировкой «центральной методологической проблемы» в исследовании объектов иных культур, поскольку дилемма «аутентизм либо презентизм» является *ложной дилеммой*.

Обсуждение Тезиса (2)

- (2) Ни один из видов апроприационизма, общая характеристика которых состоит в том, что они не предлагают реконструировать то, что древний философ думал «на самом деле», а также не предлагают приписывать современные представления или собственные концепции историка философии древнему философу, но лишь рекомендуют встраивать аргументы из древних философских текстов в современные философские дискуссии, не является одной из приемлемых историко-философских методологий и не может быть одной из альтернатив, выбрать между которыми предлагается в формулировке *центральной методологической проблемы в исследовании объектов иных культур* из Тезиса (1).

В статье Т. А. Шияна не содержится аргументов, доказывающих неприемлемость *любых* видов апроприационизма, общая характеристика которых понимается так, как она описана в Тезисе (2). В соответствии с моим подходом [Берестов и др., 2019, с. 90-145; Берестов, 2021, с. 29-96], неприемлемыми можно считать те разновидности апроприационизма и контекстуализма, которые настаивают, что *философский текст имеет значение одного и только одного типа*, а именно, ту роль, которую играет выраженная в этом тексте философская аргументация в современных философских дискуссиях (разновидность апроприационизма), либо то значение лексических единиц текста, которое реконструируется историком философии с помощью ближайшего *контекста написания* этого текста, т. е. с учетом тех текстов, написанных учителями философа, написавшего рассматриваемый философский текст, учениками этого философа, его критиками, последователями и современниками, а также *содержания* этих текстов; при этом принимаются во внимание социальные, культурные, политические ситуации, в которые был вовлечен автор текста (разновидность контекстуализма). Но допущение *философский текст имеет значение одного и только одного типа* может быть отброшено [Там же], и те виды апроприационизма, которые отбрасывают это допущение, не подвержены приведенной критике.

Также неприемлемой можно назвать ту разновидность апроприационизма, которая приписывает древним авторам современные концепции. Эту разновидность апроприационизма можно назвать презентизмом. Но такое приписывание, опять-таки, не требуется для того, чтобы методология была признана одной из апроприационистских методологий, и далеко не все виды апроприационизма осуществляют это приписывание. В том виде апроприационизма, который я предлагал развивать в предыдущих работах, это приписывание просто невозможно осуществить. А именно, в формальной семантике, которую я разрабатывал на основе «перспективалистской семантики» В. Эдельберга, объекты систем убеждений любых двух различных агентов (например, автора философского текста и другого философа или историка философии, осмысляющего этот текст) различны [Берестов, 2018, с. 76-77; Берестов, 2019, с. 71-72; Берестов и др., 2019, с. 113; Берестов, 2021, с. 63-64; 144].

Обсуждение Тезиса (3)

- (3) Презентизм – как методология исследования объектов иных культур – не приемлем.

С Тезисом (3) я не спорю. В соответствии с определением Т. А. Шияна, презентист приписывает автору, принадлежащему другой культуре, свои собственные представления или представления своей собственной культуры, т.е. утверждает, что именно эти представления и являются тем, что этот автор думал «на самом деле». Я не знаю, как можно было бы обосновать Тезис (3).

Обсуждение Тезиса (4)

- (4) Аутентизм – как методология исследования объектов иных культур – приемлем.

Приемлемость аутентизма с моей точки зрения сомнительна, что можно показать с помощью нескольких аргументов. Довольно общие аргументы в пользу сомнительности методологии аутентизма связаны с самой претензией аутентизма реконструировать то содержание, которое автор инокультурного текста «на самом деле» вкладывал в свой текст. Эта характеристика аутентизма роднит его с историцизмом и контекстуализмом, как они понимались в [Берестов, 2021, с. 8-9, 36-37, 40-54]. Этого достаточно, чтобы аутентизм наследовал те основные недостатки историцизма и контекстуализма, которые обсуждаются в современных дискуссиях о методологии истории философии. Обсуждая Тезис (4), я приведу только общие аргументы, стремящиеся показать сомнительность аутентизма, основывающиеся на тех аргументах против историцизма и контекстуализма, которые анализировались в [Берестов, 2021, с. 42-47]. Другие аргументы в пользу сомнительности методологии аутентизма связаны с частностями аутентизма, описанными в Тезисах (5)–(8): эти аргументы я приведу ниже при обсуждении этих тезисов.

Общие аргументы, показывающие сомнительность таких направлений, как аутентизм, контекстуализм, историцизм, общей характеристикой которых является стремление реконструировать то, что думал автор анализируемого философского текста «на самом деле» (или представить максимально близкую или правдоподобную реконструкцию того, что думал автор «на самом деле»), можно представить в следующем виде.

- (a) *У интерпретатора древнего философского текста **нет оснований** для отождествления тех значений лексических единиц, которые интерпретатор приписывает тексту древнего философа, с теми значениями, которые им приписывал сам автор этого текста.*

Действительно, объекты, конструируемые философом, не могут быть заданы остенсивно, они определяются только через другие объекты в системе убеждений этого философа. Поэтому у интерпретатора нет доступа к этим объектам, ему доступны слова в написанном философом тексте, но не значения слов. Классическое обоснование невозможности передать с помощью слов значения слов в силу того, что мы слышим произнесенные и видим написанные, но значение, которое вкладывает в написанные или

произнесенные слова автор текста или говорящий, не воспринимается ни одной нашей познавательной способностью, было представлено Горгием Леонтийским³. Учет других текстов, составляющих релевантный контекст исследуемого философского текста, просто делает анализируемый текст больше и не решает проблемы. Так что составление интерпретатором философского словаря с переводом слов из текста исследуемого философа на язык интерпретатора (в терминологии Т. А. Шияна – с языка *самоописания* на язык *описания*) невозможен.

- (b) У интерпретатора древнего философского текста **нет объектов**, с которыми могли бы быть отождествлены те значения лексических единиц, которые им приписывал сам автор этого текста.

Действительно, поскольку объекты философской системы древнего философа определяются только друг через друга и не могут быть определены остенсивно, система философских убеждений древнего философа является холистической⁴, а значит, в силу *Принципа нестабильности* (*Instability Principle*) незначительное различие в характеристиках одного объекта означает различие во всех конституентах всей холистической системы⁵. Поскольку системы убеждений современного интерпретатора древнего философского текста и автора этого текста различаются, ни один объект из системы убеждений интерпретатора не совпадает с каким-либо объектом из системы убеждений автора⁶.

- (c) Но что, если признать, что интерпретатор может описать любой возможный мир с любыми объектами, их свойствами и отношениями? Пусть интерпретатор **описал** такой мир в соответствии с текстом древнего философа; но в силу того, что философские объекты не могут быть заданы остенсивно, не может быть обосновано, что какая-либо **интерпретация** лексических единиц из этого описания совпадает с той их интерпретацией, которую придавал им автор этого текста, о чем говорилось в п. (a).

³ См. трактат Псевдо-Аристотеля «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» (*De Melisso Xenophane Gorgia, MXG*): *MXG cap. VI*, 980a19-980b8, § 21-22. Ссылки на *MXG* даются по [Bekker, 1831]. Исправленное издание древнегреческого текста *MXG* [см. в: Вольф, 2014а, с. 232-234; русский перевод см. в: Вольф, 2014а, с. 235-238]. Перевод *MXG* на рус. яз. и необходимые комментарии приведены также в статье [Вольф, 2014б]. В указанных работах М. Н. Вольф также приведен детальный анализ весьма сложной аргументации трактата и ее философский анализ. Обсуждение того, что для передачи читателю значения знака недостаточно передать сам знак [см.: Вольф, Берестов, 2020б, с. 12; Вольф, Берестов, 2020а, с. 65].

⁴ Это означает признание *ментального холизма*; варианты ментального холизма отстаиваются в [Harrell, 1996; Neal 1994; Block 1986; Block, 1993; Block, 1994; Harman 1973; Esfeld, 1998; Esfeld, 2001].

⁵ О *Принципе нестабильности* см. подробнее в [Jackman, 1999]. О том, что система убеждений человека является холистической, и, в силу этого, удовлетворяет *Принципу нестабильности* [см.: Esfeld, 2001, pp. 26; 49-50].

⁶ Этот аргумент тоже восходит к Горгию, *MXG VI*, 980b19, § 26: «... никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой». См. также: «... никто не понимает слово “кошка” так, как его понимаю я, если он или она не разделяет все мои убеждения» [Neal, 1994, p. 330]. В результате, для успешной интерпретации текста необходимо, чтобы сознание интерпретируемого автора полностью заместило сознание интерпретатора [Вольф, Берестов, 2020б, с. 35; Вольф, Берестов, 2020а, с. 65-66], что вряд ли реализуемо.

Можно ли рассматривать аргументы (а), (b) и (с) вместе с Тезисом (3) о неприемлемости презентизма в качестве довода в пользу апроприационизма⁷? Рассмотрим любопытный аргумент, стремящийся показать, что признание нереализуемости аутентизма (контекстуализма, историцизма) влечет признание нереализуемости апроприационизма.

(d) Допустим, что на основании аргументов (а), (b) и (с) мы заключили, что значение лексических единиц текста древнего философа невозможно установить. Значит, все, что у нас есть – знаки на бумаге, лишенные какого-либо содержания. Следовательно, мы не можем установить аргументацию древнего философа. Следовательно, мы не можем применить аргументацию древнего философа в современных философских дискуссиях, как того требует апроприационизм.

Этот довод весьма интересен: он обращает критику апроприационистов, направленную на контекстуалистов, на самих апроприационистов, и, кажется, чем успешнее критика апроприационистов и чем сильнее их доводы, тем надежнее апроприационисты опровергают сами себя. Однако и на этот аргумент можно ответить, если принять такой способ наделения слов аргументирующего философского текста значением, который можно назвать весьма радикальной версией апроприационизма. Я постараюсь написать ответ кратко, не погружаясь в технические подробности [технические детали изложены, напр., в: Берестов, 2018; Берестов, 2019; Берестов и др., 2019, с. 90-145; Берестов, 2021, с. 29-96].

Значение термина из философского текста можно построить как множество S объектов, частично упорядоченных отношением \prec , " $a \prec b$ " читается как «объект b вторичен по отношению к объекту a ». Каждый объект в S есть упорядоченная пара из философской работы или ее фрагмента, в которой обсуждается понятие, выраженное философом с помощью некоторого термина и самого этого термина. Иначе говоря, каждый объект в S есть функция от контекста употребления философом некоего термина к этому термину, причем всем терминам из области значения этой функции соответствует одно и то же понятие⁸. В разных контекстах философ может выражать одно и то же (с точки зрения интерпретатора) понятие различными терминами. «Термином» здесь может быть не только существительное («благо»), определенная дескрипция («высшее благо», «сущее поскольку оно сущее»), но и более сложные конструкции: предложение или упорядоченный набор предложений, выражающих тезис, аргумент, посылку, правило вывода, аргументационную схему, опровержение аргумента (тезиса), подтверждение аргумента (тезиса). Если термин a используется в аргументе b , а аргумент b опровергается аргументом c , то производным значением термина a является множество S , в котором присутствуют три объекта a, b, c , такие, что $a \prec b \prec c$ ⁹. Можно определить и другие типы значений терминов.

⁷ Некоторые из доводов в пользу апроприационизма уже были представлены выше, в Обсуждении Тезиса (2).

⁸ Иной способ придания базового значения лексическим единицам философского текста, описывающего систему убеждений агента, так, чтобы это базовое значение только от этого текста и не зависело от обстоятельств написания этого текста, других текстов, а также от того содержания, которое вкладывал в текст его автор, представлен в [Вольф, Берестов, 2020б, с. 21-31].

⁹ Замечу, что принятие указанного способа построения производного значения позволяет удовлетворить желание многих аналитических философов расположить философские позиции внутри «логического

Понятно, что так определенное значение термина зависит от формального языка, на который переводятся исходные философские тексты, а также от того, как интерпретатор решает вопрос о тождестве и различии понятий, выраженных различными терминами, от того, какие философские тексты различных философов используются для построения значения и многих других факторов; коротко говоря, значение термина зависит от избираемой интерпретатором модели для избранного интерпретатором формального языка. И так определенное значение термина не есть то, что вкладывал в него сам автор философского текста, но зависит от интерпретатора¹⁰. Тем не менее, предложенный способ конструирования значения термина позволяет отклонить вывод из (d), что для апроприациониста значение не может быть сконструировано, поскольку чтобы поместить значение текста древнего философа в современные дискуссии, необходимо иметь в своем распоряжении значение этого текста, а оно недоступно. Этот вывод из (d) преодолевается посредством отказа назначать термину древнего философа в качестве значения то, что этот философ думал «на самом деле», и того, что значением термина объявляется сам этот термин – точнее, его эквивалент на формальном языке интерпретатора. Формальный язык здесь – нечто вроде *Lingua universalis*, язык, позволяющий обсуждать тексты, написанные на различных языках.

Обсуждение Тезиса (5)

- (5) С использованием методологии аутентизма возможно получить *максимально аутентичный образ исследуемого инокультурного явления*, для чего используется эмпиристская методология изучения текста инокультурного автора.

Получение *максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления* выглядит проблематичным.

Во-первых, исследователь имеет дело со своей предметной областью, обусловленной его собственным научным или культурным контекстом, предметная же область автора исследуемого текста совершенно иная. Поэтому исследователь не может говорить о тех же объектах, что и исследуемый или автор интерпретируемого текста, не может выразить то, что имел в виду автор исследуемого текста «на самом деле» из-за холистичности философской системы философа, который не может *указывать* на свои объекты, а может лишь *описывать* их, и потому текст, выражающий философскую систему философа, имеет лишь *узкое содержание*, *narrow content* (т. е. интерпретацией лексических единиц такого текста являются только ментальные объекты), и лишен *широкого содержания*, *wide content* (т. е. интерпретацией лексических единиц такого текста не могут быть референты

пространства»: «Взгляд на аналитическую философию как на располагающую “позиции” внутри логического пространства поднимает вопрос о том, откуда эти “позиции” появились. “История темы” является частью ответа» [Sorell, 2005, p. 59]. При построении *производного значения* «логическое пространство» следует понимать как «пространство аргументации», а «историю темы» как историю конструирования аргумента из его конститuent – из понятий, тезисов, аргументов.

¹⁰ Обсуждение неизбежности вклада интерпретатора (читателя) в процесс наделения текста смыслом обсуждает Р. Рорти в [Eco et al., 1992, p. 93; см. также: Вольф, Берестов, 2020а, с. 61-62].

из реального мира)¹¹. Эти доводы изложены во многих исследованиях¹², в том числе в цитируемой Т. А. Шияном работе А. И. Кузнецовой [Кузнецова, 2009, с. 180, 184, 187]. См. также Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b), выше.

Во-вторых, даже если допустить, что исследователь способен сконструировать *любые* объекты для моделирования предметной области автора исследуемого текста, это не поможет выяснить то значение, которое должно быть назначено лексическим единицам интерпретируемого текста; см. аргумент (d) в Обсуждении Тезиса (4) выше.

В-третьих, выражение «максимально аутентичный образ» подразумевает, что у нас есть критерии, в соответствии с которыми полученный образ является максимально аутентичным. Означает ли это, что мы должны сравнить то, что думал автор текста «на самом деле» с полученными образами и выбрать наиболее близкий образ (если таковой существует)? Если на этот вопрос дается ответ «да», то стоит обратить внимание на следующее. Чтобы сравнить что-то с чем-то, нам должны быть доступны сравниваемые объекты. Это означает, что мы должны знать, что думал автор интерпретируемого текста «на самом деле». Но это невозможно в силу предыдущих двух пунктов. Следовательно, ответ «да» неприемлем. Если же на предложенный вопрос дать ответ «нет», то нужны другие ясные критерии «максимальной аутентичности» образа. Таких критериев в статье Т. А. Шияна нет.

Обсуждение Тезиса (6)

(6) В соответствии с аутентистской методологией, характеризующие социальную реальность **объекты** (любого порядка, т.е.: [1] единичные объекты или объекты первого порядка, не являющиеся свойствами и отношениями какого-либо порядка; [2] свойства объектов первого порядка и отношения между объектами первого порядка; [3] свойства объектов первого порядка и свойств первого порядка и отношений первого порядка, отношения между объектами первого порядка и свойствами и отношениями первого порядка; [4]...), являющиеся значениями лексических единиц инокультурного текста, **существуют только постольку, поскольку автор этого текста осознает их в качестве существующих**; этот тезис основывается на определении аутентизма из Тезиса (1).

Замечу, что следствием такого подхода Т. А. Шияна, на мой взгляд, является запрет на существование отношений между объектами разных культур, кросс-культурных связей между такими объектами. Действительно, отношение между объектами разных культур

¹¹ Подробнее об узком содержании и широком содержании, существующих подходах к ним и полемике о них [см.: Моисеева, 2016; Field, 1978, p. 44; Fodor, 1973; Block, 1986].

¹² Среди реальных фигур, признающих холистичность каждой философской системы, выраженной в тексте, можно назвать Марка Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом» [Бивир, 2010, с. 121] и утверждающего, что для контекстуалистов Дж. Покока и Кв. Скиннера философские понятия «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», так что эти авторы также «отрицают наличие исконных проблем в истории идей» [Бивир, 2010, с. 121], т.е., как можно предположить, каждая проблема со своим контекстом образует для этих авторов холистическую систему, такую, что каждый объект одной системы отличается от любого объекта другой системы, см. Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b), выше. Также среди историков философии, предположительно признающих холистичность философских систем или их групп, можно назвать Джона Германа Рэндалла, утверждающего, что «проблемы одного столетия, в конечном счете, не имеют отношения к проблемам другого» [Randall, 1962, p. 7].

в соответствии с теоретико-модельным подходом может быть представлено как множество, состоящее из *n*-ок объектов разных культур, и такие множества не были описаны авторами, которые писали тексты в рамках своих культур. Такие множества создает лишь интерпретатор текстов разных культур, и он их создает именно тем, что описывает отношения между объектами разных культур так, как эти отношения ему видятся. Тем самым интерпретатор создает «новые объекты» или «фиктивные объекты», которые Т. А. Шиян создавать запрещает.

Применительно к философским текстам различных эпох это означает, что мы можем лишь *цитировать* текст древнего философа, и переложение его на современный язык, комментирование, истолкование, исследование содержащейся в этом тексте аргументации неприемлемо постольку, поскольку все это *соотносило* бы язык древнего текста и его объекты с современным языком и его объектами, а такие *отношения* не выражены в исходном тексте. Более того, исходный текст не может *пересказываться* даже на том языке, на котором он написан, ведь любой пересказ явно не выражен в исходном тексте.

Коротко говоря, для истории философии следствием подхода Т. А. Шияна является то, что Клод Паначчио резюмирует в трех тезисах, с его точки зрения излагающих «обобщенную» позицию историцистов и контекстуалистов:

1. *Радикальный холизм* – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями¹³.
2. *Радикальный релятивизм* – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.
3. *Радикальный дисконтинуизм* – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы [см.: Рипассио, 1994, pp. 19; позиция К. Паначчио излагается по: Флаш, 2009, с. 235].

Обсуждение Тезиса (7)

- (7) В результате применения аутентистской методологии получается *интерпретированный* текст исследователя, написанный на *языке описания* исходного инокультурного текста, являющегося *метаязыком* по отношению к языку исходного текста (т. е. к *языку самоописания* иной культуры), и на этом *языке описания* описываются объекты, максимально точно совпадающие с теми объектами, которые *сам* автор исходного текста приписывал лексическим единицам своего текста.

Замечу, что в теоретико-модельном подходе, разработанном на основании разведения А. Тарским (на которого ссылается Т. А. Шиян) объектного языка и метаязыка, формулы *одного и того же* объектного языка могут быть проинтерпретированы в рамках *различных* моделей. Язык без модели является *неинтерпретированным*. Если в теоретико-модельном подходе метаязык служит для назначения значений лексическим единицам объектного языка, то у Т. А. Шияна, как кажется, метаязык не имеет этой функции, на нем просто пересказывается текст, написанный на объектном языке.

¹³ Также о холистичности системы убеждений философа см. Обсуждение Тезиса (4), аргумент (b) и Обсуждение тезиса (5) выше.

Насколько я понял подход Т. А. Шияна, современному исследователю текстов иных культур разрешено на своем языке описания составлять эмпирические предложения вида «в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то (следует цитата на оригинальном языке рукописи, т. е. на языке самоописания культуры в терминологии Т. А. Шияна)». Также современному исследователю разрешено составлять теоретические предложения, содержащие теоретические термины, вырабатываемые на основании значения эмпирических терминов (вероятно, можно сказать, что они вырабатываются в процессе изучения оригинальных текстов). И здесь сразу же стоит заметить, что предписание Т. А. Шияна (разд. 3) не вводит посредством определений либо другими способами новые объекты, помимо тех, о которых идет речь в оригинальном тексте, невыполнимо. Ведь домены значений эмпирических терминов и теоретических терминов не пересекаются.

Но гораздо более обескураживающим является то, что, по Т. А. Шияну, современный исследователь, используя аутентистскую методологию, может получить текст на интерпретированном языке описания. При этом никакого метода выяснения значения терминов на языке самоописания культуры в статье Т. А. Шияна не предлагается. Прочитать древнюю рукопись не означает передать ее смысл, дать интерпретацию входящим в нее терминам; передать слова не означает передать их смысл, как отметил еще Горгий¹⁴. Таким образом, то предложение, которое Т. А. Шиян приводит в качестве примера эмпирического предложения, не подразумевает, что цитате из древней рукописи, присутствующей в этом предложении, дана какая-либо интерпретация. Если же у эмпирических терминов отсутствуют значения, то невозможно построить и значения теоретических терминов, ведь значения последних основываются на значениях эмпирических терминов.

Итак, аутентист может описать состояние источников, указать на различия в сохранившихся рукописях, указать, кто и где использовал сходные по написанию термины и фрагменты текста. Но метода, позволяющего выявить смысл текста, у аутентиста нет.

Обсуждение Тезиса (8)

- (8) В соответствии с аутентистской методологией, в процессе конструирования исследователем своего интерпретированного текста на языке описания многократно выдвигаются, проверяются, отбрасываются и выдвигаются новые гипотезы о терминологии этого текста, а также о значении терминов этого текста и исходного текста.

Многое из того, что следует сказать об аутентистской методологии, уже сказано выше, в Обсуждении Тезиса (7). Т. А. Шиян рассуждает так, как будто значения терминов текста на языке самоописания уже известны исследователю. Но они не даны, и как их выявить Т. А. Шиян не пишет. Не имея этих значений, невозможно проверить, являются ли значения терминов языка интерпретатора, «лишними» объектами, невозможно уточнить значения терминов на языке самоописания с помощью других текстов, невозможно с использованием

¹⁴ См. MXG VI, 980a19-980b8, § 21-22; об этом уже шла речь выше, в Обсуждении Тезиса (4), аргумент (a).

всего этого подобрать адекватные термины на языке описания и назначить им значение, максимально близкое к значению терминов на языке самоописания, и т. д. Методология, имеющая своей целью выявление значений терминов, может быть связана, например, с герменевтикой и неизбежным герменевтическим кругом, «вчувствованием», каковой метод в «Презентизм и антиквариизм – две картины прошлого» [Кузнецова, 2009, с. 180] справедливо обвиняется в отсутствии критериев того, привел ли этот метод к успеху и в отсутствии ясного описания того, как именно следует действовать, чтобы «вчувствоваться», и т. д.

Замечу, что новейшую версию герменевтики предлагает Э. Бетти, для которого интерпретация является общегуманитарным *научным* методом, который, с точки зрения Э. Бетти, дает «объективные» результаты (в отличие от собственно философских методов, которые не используются в других дисциплинах), защищенные от дальнейших возражений [Бетти, 2011, с. 2]. По Э. Бетти, герменевтика «должна иметь характер науки, но не философии, и, следовательно, не должна быть причислена ни к какой философской системе» [цит. по: Россиус, 2015, с. 131; см. также обсуждение герменевтики Э. Бетти в: Вольф, Берестов, 2020а, с. 60-61]. Видно, что Э. Бетти преследует цель создать *универсальный* научный или «объективный» общегуманитарный метод, тогда как Т. А. Шиян преследует цель создать *ограниченный по изучаемым явлениям* научный или «объективный» общегуманитарный метод, а именно – ограниченный изучением текстов иных культур. Э. Бетти строит свой метод «романтической герменевтики», полемизируя с «философской герменевтикой» Х.-Г. Гадамера, тогда как Т. А. Шиян вообще не упоминает герменевтику. Ниже я еще коснусь оценки эффективности использования предлагаемого Э. Бетти метода интерпретации текстов для интерпретации философских текстов.

Методы, подобные герменевтике, нестроги и имеют много известных недостатков, но, кажется, без них трудно обойтись историцистам, контекстуалистам и аутентистам при интерпретации философских текстов. Однако Т. А. Шиян не присоединился к уже известным методам определения значения философского текста и не предложил своего метода, хотя без этого аутентизм не является конкурентом уже известным методам – историцизму, контекстуализму, апроприационизму.

Обсуждение Тезиса (9)

- (9) Специфика философских текстов (какова бы она ни была) не препятствует наличию *общепризнанных* критериев, в соответствии с которыми философские тексты: а) можно признать осмысленными – т. е. такими, что составляющие их лексические единицы имеют *некоторое* значение (не обязательно имеется процедура, позволяющая его определить); б) составляющие их лексические единицы имеют *определяемое* значение, которое может быть реконструировано или построено интерпретатором при наличии благоприятных обстоятельств, дополнительной информации, дополнительных текстов на том же языке.

Насколько я могу судить, Тезис (9) подразумевается Т. А. Шияном, поскольку он разрабатывает свою методологию для исследования иных культур, в том числе для исследования философских текстов минувших эпох. Тезис (9) есть необходимое условие для

истинности утверждения Т. А. Шияна о том, что существует некоторый общегуманитарный метод (а именно, аутентизм), позволяющий исследовать феномены иных культур (по отношению к культуре исследователя).

Известно возражение П. Кинга против возможности представить контекстуалистскую интерпретацию философского текста через интерпретацию других текстов, составляющих контекст этого исходного текста¹⁵. Также известны возражения, указывающие на невозможность для контекстуалистов как-либо соотносить друг с другом содержание философских текстов различных эпох, обсуждать, оспаривать и защищать тексты одной эпохи историком философии, работающим в другую эпоху, описывать содержание текстов одной эпохи на языках настоящего времени, с использованием современного концептуального аппарата. Все это сугубо философские аргументы. Как было отмечено в [Вольф, Берестов, 2020а, с. 63-64], теории интерпретации (истолкования) текстов, предлагаемые Э. Бетти и У. Эко,

«... оказываются чувствительны к ряду скептических, сугубо философских аргументов. На наш взгляд, эти аргументы касаются в целом слабых мест герменевтики, независимо от их конечных целей. Другие гуманитарные науки могут или игнорировать эти скептические аргументы, или, чувствуя проблему, считать ее тем не менее решаемой».

То же можно сказать также и о подходах историцизма и контекстуализма вообще. Эти подходы не могут не включать в себя тот или иной вариант герменевтики. То, что Т. А. Шиян ничего не пишет о необходимости герменевтики, не освобождает аутентиста от необходимости как-то объяснить, как именно мы приходим к постижению смысла инокультурного текста; никакими *эмпирическими предложениями*, описывающими инокультурные текстовые документы и другие артефакты, этого достичь невозможно. И возможно, что для других – по отношению к философии и ее истории – гуманитарных наук очерченные проблемы с интерпретацией текста могут быть обойдены. Можно принять, что древний текст является осмысленным, если и только если составляющие его символы повторяются в соответствии с некоторыми принятыми в лингвистике критериями. В этом случае нет нужды как-то понимать текст, понимать значение составляющих его символов.

Далее, работая в области *нефилософских* наук, исследователь может признавать осмысленными (хотя, может быть, ложными или не истинными, или не могущими быть оцененными на истинность) древние научные теории. При этом исследователь может быть убежден в том, что референты у некоторых терминов в текстах, выражающих эти теории, отсутствуют, или исследователь может не иметь в своем распоряжении формально-семантической теории для этих текстов. Философы же, разумеется, могут признавать древние научные теории бессмысленными.

¹⁵ По П. Кингу, мы не можем осмысленно высказываться об убеждениях философов минувших эпох: если значения их текстов определяются ближайшими к ним текстами *et vice versa*, то как современный историк философии может определить их значение, ведь значение ни одного из текстов, окружающих исследуемый текст, не известно ему непосредственно, а значит, он вынужден использовать для получения значения одного текста значения других текстов из контекста этого текста и т. д. (что грозит бесконечным регрессом), а для получения значений текстов из контекста он вынужден использовать все еще неизвестное ему значение исходного текста (что грозит порочным кругом)? [King, 1995, pp. 210-212, 228].

Т. Кун в работе «Структура научных революций» [Кун, 2009] утверждал, что различные – скажем, физические – теории могут быть несоизмеримыми (*incommensurable*), но это не означает, что тексты, описывающие эти теории, признаются *физиками* бессмысленными. Философы, конечно, могут признавать бессмысленными их все.

Математики могут создавать теории, выраженные в текстах, которые они отнюдь не считают бессмысленными. При этом *философы* математики могут спорить о том, существуют ли математические объекты, и для них утверждение об осмысленности этих текстов и утверждения о значении используемых в этих текстах символов не являются бесспорными. Таким образом, в *нефилософских* науках можно говорить об осмысленности текста даже без наделения значением его лексических единиц.

Исследователи, работающие в *нефилософских* науках, могут признавать, что перевод некоторых *нефилософских* текстов возможен, поскольку они содержат термины, указывающие на вещи, о которых у нас (как и у автора текста) есть знание через знакомство или через непосредственное указание. Правда, известные рассуждения У. В. О. Куайна [Quine, 2013] показывают, что у нас никогда нет гарантии окончательного установления значения лексических единиц инокультурной устной речи (то же можно сказать и о написанном тексте), даже если нам указывают на предметы для объяснения их значения. Но *нефилософские* науки могут руководствоваться своими критериями для признания текста осмысленным, и своими методами для выявления значений его лексических единиц. Философы же обязаны принимать рассуждения У. В. О. Куайна всерьез, а это делает невозможным принятие *общепринятых* критериев для установления значений лексических единиц текста.

Ситуация с интерпретацией философских текстов даже хуже, чем та, что описана в работах У. В. О. Куайна, поскольку на значение лексических единиц философского текста не может *указать* ни его автор, ни его читатель. Кроме того, философы способны ввести несколько видов бессмысленности (как сделал Л. Витгенштейн), затем выдвинуть аргументы в пользу признания любого философского текста (и не только философского) бессмысленным в любом значении слова «смысл», а также доказывать, что содержание любого текста недостижимо – по крайней мере, для всех, кто не является его автором.

Конечно, философы могут создать (и создали) множество теорий интерпретации философских и нефилософских текстов, но все они не являются бесспорными, не защищены от возражений со стороны других теорий и изложенных выше скептических возражений. Значит, упомянутый выше *общегуманитарный научный* метод интерпретации текстов Э. Бетти, который, с точки зрения Э. Бетти, дает «объективные» результаты, защищенные от дальнейших возражений [Бетти, 2011, с. 12], следует признать не работающим при интерпретации *философских* текстов. На тех же основаниях следует признать не работающим при интерпретации философских текстов других эпох и аутентизм Т. А. Шияна.

Замечу, что апроприационизм не имеет претендующего на общее признание критерия, в соответствии с которым устанавливается осмысленность интерпретируемого философского текста. Также апроприационизм не имеет претендующего на общее признание способа, позволяющего выявить значения лексических единиц философского текста. При этом апроприационизм – в отличие от историцизма, контекстуализма, аутентизма – не претендует на обладание таким критерием и таким способом.

Предпринятый в настоящей статье анализ проблем, возникающих при интерпретации философских текстов других эпох, проведен в настоящей статье в соответствии с методологическими подходами, начавшими развиваться после «семантического поворота», совершенного, согласно А. Коффе, в 1925–1935 гг. рядом группировавшихся вокруг Вены исследователей (Л. Витгенштейн, А. Тарский, Р. Карнап, М. Шлик, К. Поппер и Х. Райхенбах), положивших начало «логическому позитивизму» [Коффа, 2019, с. 8]. Таким образом, в настоящей статье предпринята попытка выявить ту роль, которую «семантический поворот» играет в современных дискуссиях о канонах в методологии истории философии.

Список литературы/ References

Берестов, И. В. (2018). Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы. *Вестник Томского государственного университета*. Вып. 436. С. 69-81. DOI: 10.17223/15617793/436/8.

Berestov, I. V. (2018). Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part I: A Statement of the Problem. *Tomsk State University Journal*. Iss. 436. Pp. 69-81. DOI: 10.17223/15617793/436/8. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2019). Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов. *Вестник Томского государственного университета*. Вып. 438. С. 62-73. DOI: 10.17223/15617793/438/8.

Berestov, I. V. (2019). Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings. *Tomsk State University Journal*. Iss. 438. Pp. 62-73. DOI: 10.17223/15617793/438/8 (In Russ.)

Берестов, И. В. (2021). *Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций*. Дис. ... д-ра филос. наук (на правах рукописи). Новосибирск. 409 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (дата обращения: 01.10.2025).

Berestov, I. V. (2021). *Parmenides' Argumentation against the Plurality of Beings in the Light of Ancient Greek and Modern Conceptualizations*. Doctor's thesis. Novosibirsk. 409 p. [Online]. Available at: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Под общ. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ. xviii, 242 с.

Berestov, I. V., Volf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytical History of Philosophy: Methods and Studies*. Volf, M. N. (ed.). Novosibirsk. xviii, 242 p. (In Russ.)

Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. с нем. Е. В. Борисова. М. 143 с.

Betty, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Humanities*. Borisov, E. V. (transl.). Moscow. 143 p. (In Russ.)

Бивир, М. (2010). Роль контекстов в понимании и объяснении. *История понятий, история дискурса, история менталитета*. Под общ. ред. Х.Э. Бедекера. Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение. С. 112-152.

Bivir, M. (2010). The Role of Contexts in Understanding and Explanation. In Bödecker, H. E. (ed.) *History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality*. Transl. from German. Moscow. Pp. 112-152. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2014а). *Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях: учебное пособие*. Новосибирск: РИЦ НГУ. 249 с.

Volf, M. N. (2014a). *Sophistics. Gorgias of Lentini: The Treatise "On the Non-Existent, or On Nature" in Modern Interpretations*. A Textbook. Novosibirsk. 249 p. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2014б). Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод. *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 8. № 2. С. 152-169.

Volf, M. N. (2014b). Gorgias' "On Not-being or On Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: Its Formal Structure and a Translation from Ancient Greek into Russian. *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 8. No. 2. Pp. 198-216. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2017). Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257.

Volf, M. N. (2017). Contemporary Debates about the History of Philosophy: The Tug-of-War Between Text and Context. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 15. No 2. Pp. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2020а). Сверхинтерпретация или апроприация? *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 58-68. DOI: 10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020a). Overinterpretation or Appropriation? *Respublica Literaria*. Vol. 1. No. 1. Pp. 58-68. DOI: 10.47850/RL.2020.1.1.58-68. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Берестов И.В. (2020б). Проблема в теории аргументации: можно ли убедить собеседника? (Коммуникативно-прагматическое решение). *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Проблемы визуальной семиотики*. № 4(26). С. 9-40. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-9-40.

Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020b). The Problem in the Theory of Argumentation: Is It Possible to Convince the Interlocutor? Communicative-Pragmatic Solution. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. Iss. 4 (26). Pp. 9-40. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-9-40. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2016). Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. Вып. 4(36). С. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23.

Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2016). Neo-Sophistic Rhetoric in View of the Methodology of the History of Philosophy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Iss. 4 (36). Pp. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23. (In Russ.)

Коффа, А. (2019). *Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу*. Под ред. Л. Весселс. Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 528 с. (Сер. Библиотека аналитической философии).

Koffa, A. (2019). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*. Wessels, L. (ed.), Tselischev, V. V. (transl.). Moscow. 528 p. (In Russ.)

Крафт, В. (2003). *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма*. М.: Идея-Пресс.

Kraft, V. (2003). *The Vienna Circle. The Emergence of Neopositivism*. Moscow.

Кузнецова, Н. И. (2009). Презентизм и антикваризм – две картины прошлого. *Arbor Mundi*. Вып. 15. С. 164-197.

Kuznetsova, N. I. (2009). Presentism and Antiquarism – Two Pictures of the Past. *Arbor Mundi*. Iss. 15. Pp. 164-197. (In Russ.)

Кун, Т. (2009). *Структура научных революций*. Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: АСТ. 317 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1962 г.)

Kuhn, T. S. (2009). *The Structure of Scientific Revolutions*. Naletov, I. Z. (transl.). Moscow. 317 pp. (In Russ.)

Моисеева, А. Ю. (2016). Что нам дает концептуально-ролевая семантика? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 2(34). С. 104-109. DOI: 10.17223/1998863X/34/12.

Moiseeva, A. Y. (2016). What Does Conceptual-Role Semantics Give Us? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No 2(34). Pp. 104-109. DOI: 10.17223/1998863X/34/12. (In Russ.)

Уайтхед, А. Н., Рассел, Б. (2005-2006). *Основания математики*. В 3-х т. Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет». Т. 1. 722 с.; Т. 2. 738 с.; Т. 3. 460 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1910–1913).

Whitehead, A. N., Russell, B. (2005-2006). *Principia Mathematica*. In 3 vols. Yarovoy, G. P., Radaev, Yu. N. (eds.). Samara. Vol. 1. 722 p.; Vol. 2. 738 p.; Vol. 3. 460 p. (In Russ.)

Флаш, К. (2009). Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований. *Логос*. № 4-5 (72). С. 224-246.

Flasch, K. (2009). How to Write the History of Medieval Philosophy? On the Discussion between Claude Panaccio and Alain De Libera on the Philosophical Value of Historical-Philosophical Research. *Logos*. No. 4-5(72). Pp. 224-246. (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2025). Возникновение философии как проблема исследования культуры. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 99-116.

Shiyan, T. A. (2025). The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 99-116.

Bekker, I. (ed.). (1831). De Xenophane, de Zenone, de Gorgia. In *Aristoteles. Aristotelis opera*. Berolini. Reimer. Vol. 2. Pp. 202-206.

Block, N. (1986). Advertisement for a Semantics for Psychology. In French, P. et al. (eds.). *Midwest Studies in Philosophy*. Vol. 10. Iss. 1. Minneapolis, MN. University of Minnesota Press. Pp. 615-678.

Block, N. (1993). Holism, Hyper-Analyticity and Hyper-Compositionality. *Philosophical Issues*. Vol. 3. Pp. 37-72. (Ser. Science and Knowledge)

Block, N. (1994). An Argument for Holism. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 94. Pp. 151-169.

Eco, U., Rorty R., Culler, J., Brooke-Rose, Ch., Collini, S. (ed.). (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge. Cambridge University Press. 151 p.

Esfeld, M. (1998). Holism and Analytic Philosophy. *Mind*. Vol. 107. No. 426. Pp. 365-380.

Esfeld, M. (2001). *Holism in Philosophy of Mind and Philosophy of Physics*. Dordrecht. Springer Science+Business Media. xiv, 366 p. (Synthese Library: Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Vol. 298).

Field, H. (1978). Mental Representation. *Erkenntnis*. Vol. 13. No. 1. Pp. 9-61.

Fodor, J. A. (1973). *The Language of Thought*. New York. Crowell. x, 214 p.

Harman, G. (1973). *Thought*. Princeton (NJ, USA). Princeton University Press. 199 p.

Harrell, M. (1996). Confirmation Holism and Semantic Holism. *Synthese*. Vol. 109. No. 1. Pp. 63-101.

Heal, J. (1994). Semantic Holism: Still a Good Buy. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 94. Pp. 325-339.

Jackman, H. (1999). Moderate Holism and the Instability Thesis. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 36. No. 4. Pp. 361-369.

King, P. (1995). Historical Contextualism: The New Historicism? *History of European Ideas*. Vol. 21. No. 2. Pp. 209-233.

Lærke, M., Smith, J. E. H., Schliesser, E. (eds.). (2013). *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. N. Y. Oxford University Press. 384 p.

Panaccio, C. (1994). De la reconstruction en histoire de la philosophie. In Boss, G. (éd.). *La philosophie et son histoire: essais et discussions*. Zürich. Éditions du Grand midi. Pp. 294-312.

Quine, W. V. O. (2013). *Word and Object*. Foreword by Patricia Smith Churchland; preface to the new edition by Dagfinn Føllesdal. Cambridge, Massachusetts; London, England. MIT Press. xxx, 277 p.

Randall, J. H. (1962). *The Career of Philosophy. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment*. New York. Columbia University Press. 983 p.

Sorell, T. (2005). On Saying No to History of Philosophy. In Sorell, T., Rogers, G. A. G. (eds.) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York. Oxford University Press. Pp. 43-59.

Сведения об авторе / Information about the author

Берестов Игорь Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>.

Статья поступила в редакцию: 05.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Berestov Igor – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>.

The paper was submitted: 05.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

УДК 1 (091)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕРАКЛИТА

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о политических предпочтениях Гераклита. Установлено, что критика Гераклита была направлена на все основные виды государственного устройства Греции VI–V вв. до н. э. Гераклит негативно высказывается о тирании, олигархии, радикальной демократии. Показано критическое отношение Гераклита к умеренной демократии и аристократии духа. В статье отстаивается версия о том, что Гераклит был сторонником монархии. В пользу данной версии говорят следующие аргументы. Во-первых, царское происхождение Гераклита. Во-вторых, акцент в высказываниях Гераклита на идее превосходства одного над всеми. В-третьих, соответствие между монархическими взглядами Гераклита и отдельными положениями его космологии и теологии. В-четвертых, приверженность Гераклита ценностям, наиболее характерным для монархического строя.

Ключевые слова: Гераклит, монархия, умеренная демократия, аристократия духа, олигархия, тирания.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2025). Политические взгляды Гераклита. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 26-40. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.26-40

POLITICAL VIEWS OF HERACLITUS

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. The article examines the question of Heraclitus' political preferences. It has been established that Heraclitus' criticism was directed at all the main types of state structure in Ancient Greece in the 6th–5th centuries BC. Heraclitus speaks negatively about tyranny, oligarchy, and radical democracy. Heraclitus' critical attitude toward moderate democracy and aristocracy of the spirit is shown. The article defends the version that Heraclitus was a supporter of monarchy. The following arguments support this version. First, Heraclitus's royal origin. Second, Heraclitus's emphasis on the idea of the superiority of one over all. Third, the correspondence between Heraclitus's monarchical views and certain provisions of his cosmology and theology. Fourth, Heraclitus's commitment to the values most characteristic of a monarchical system.

Keywords: Heraclitus, monarchy, moderate democracy, aristocracy of the spirit, oligarchy, tyranny.

For citation: Brovkin, V. V. (2025). Political Views of Heraclitus. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 26-40. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.26-40

Введение

В данной статье мы рассмотрим вопрос о политических предпочтениях Гераклита. Годы жизни Гераклита (ок. 540–480 до н. э.) пришлось на становление тех видов государственного устройства, которые определяли политическое развитие Греции на протяжении всего

классического периода (V–IV вв. до н. э.). Речь идет о демократии и олигархии. Возможно, что во время жизни Гераклита данные понятия еще не закрепились в политическом словаре древних греков. Однако в это время уже активно заявляли о себе как демократические силы, так и сторонники олигархии. Кроме этого, Гераклиту должны были быть хорошо известны такие политические понятия как тирания, царская власть и аристократия. В научной литературе сложились две основные точки зрения по интересующему нас вопросу. Согласно первой точке зрения, Гераклит выражал интересы аристократии. В рамках второй точки зрения Гераклита рассматривают в качестве мыслителя демократической ориентации.

По мнению Э. Целлера, Гераклит «ненавидит и презирает демократию, которая не умеет подчиняться лучшему и не терпит никакого превосходства» [Zeller, 1881, p. 99]. Т. Гомперц отмечает, что «в гражданских войнах того периода» Гераклит «оказался на стороне аристократов и защищал их дело с яростью, соразмерной презрению, которым, как он полагал, он мог осыпать своих противников» [Gomperz, 2009, p. 23]. О том, что Гераклит испытывал глубокое презрение к большинству, и его политические взгляды, «очевидно, были прямо противоположны демократическим», говорит У. К. Ч. Гатри [Гатри, 2015, с. 671]. Комментируя политические фрагменты Гераклита, М. Маркович говорит: «Его политическая позиция, по-видимому, была явно аристократической и консервативной. Она основывалась на его аристократической этике войны» [Marcovich, 1997, p. 530]. Т. М. Робинсон, комментируя фрагмент 104 (DK), отмечает, что презрение Гераклита к толпе или черни носит тотальный характер. Высказывание Гераклита о том, что «много плохих, мало хороших», возможно, являлось популярной среди аристократов поговоркой, и это «не оставляет сомнений в его собственных социальных предпочтениях» [Heraclitus, 1987, p. 149].

Ф. Х. Кессиди отмечает противоречивый характер общественно-политических взглядов Гераклита, связывая это не только с напряженной борьбой между демосом и родовой знатью, но также с личными отношениями, сложившимися у философа со своими согражданами. Тем не менее, согласно Ф. Х. Кессиди, Гераклит являлся «идеологом умеренной аристократии» [Кессиди, 1982, с. 177]. В высказываниях Гераклита чувствуется полемика «с общественным мнением своего времени, согласно которому носителем истины является “большинство” людей» [Там же, с. 175]. Гераклит критикует недостатки радикальной демократии, которые приводят к власти тиранов. Ф. Х. Кессиди полагает, что для Гераклита истинные законы «выражают всеобщий интерес и соотносятся с их объективной основой (единым “божественным” законом)» [Там же, с. 174]. Эти законы не могут быть установлены произвольным мнением большинства граждан. Говоря о «наилучших» (aristos), Гераклит имеет в виду «наилучших» «по духу, знаниям и исполнению законов, а не по происхождению» [Там же, с. 173].

Среди современных исследований, в которых отстаивается версия об аристократической ориентации Гераклита, обращают на себя внимание работы П. Л. Карабущенко, М. Ю. Лаптевой и Я. М. Робица. Как пишет П. Л. Карабущенко: «Гераклит – аристократ не только по своему рождению, но и по своим этическим и политическим взглядам. Он враждебно относится к демократической власти, пришедшей в его родной город на смену власти старинной родовой аристократии» [Карабущенко, 2017, с. 190]. Однако немногих «наилучших» Гераклит выделяет не по знатному происхождению, а по приобщению к мудрости. П. Л. Карабущенко отмечает: «О политических взглядах Гераклита можно судить по его отношению к толпе (демосу) и родовой аристократии (“элите крови”). С последней он порвал, отказавшись от всех

полагающихся ему как аристократу привилегий, а ко второй так и не пристал, посчитав ее еще более несовершенной» [Там же, с. 193]. Неприятие Гераклитом демократии связано с многочисленными пороками народа. Политический идеал философа заключается во власти лучших – мудрецов, обращенных к Логосу. Таким образом, Гераклит является одним из основоположников «философии элитности». Согласно М. Ю. Лаптевой, политические взгляды Гераклита и Гермодора были глубоко аристократическими. Гераклит выступает с резкой критикой тирании, демократии и олигархии. Тирания – это господство дерзости и самомнения. Демократия – это власть черни. Олигархию отличает «жадность к плотским радостям и стяжательство» [Лаптева, 2008, с. 102]. М. Ю. Лаптева пишет: «Традиционное аристократическое представление о “вечной славе”, питающейся традиционной воинской доблестью, дополняется Гераклитом новым качеством – славой справедливого правителя и законодателя, приносящего полису благо» [Там же, с. 103].

Я. М. Робич полагает, что версия о демократической ориентации Гераклита имеет право на существование. Однако большинство фрагментов Гераклита все же свидетельствует в пользу версии о его аристократических предпочтениях. Как отмечает Я. М. Робич, «Гераклит никогда и нигде не критикует действительно лучших» [Robitzsch, 2018, p. 421]. При этом сохранилось немало критических высказываний Гераклита в отношении многих. По мнению Я. М. Робича, политическая мысль Гераклита состоит из двух главных положений. Во-первых, «существует общий элемент, в котором все участвуют, logos, и это единственный критерий, к которому мы можем обратиться, когда принимаем решения» [Ibid., p. 422]. Во-вторых, «постижение логоса – это интеллектуальное усилие и что существует разница между тем, что делают многие, и тем, что делают немногие, лучшие» [Ibid.]. Если последние способны постигать логос и поступать в соответствии с ним, то первые – нет. Согласно Я. М. Робичу, под «лучшими» Гераклит понимает не тех, кто имеет знатное происхождение, а представителей интеллектуальной элиты: «Согласно такому пониманию “лучших”, тот, кто стремится отстранить от процесса принятия политических решений тех, кто не понимает истинной природы вещей, выступает за аристократическую идеологию» [Ibid.].

Представление о приверженности Гераклита аристократическим ценностям широко распространилось в научных кругах. Однако отдельные исследователи усомнились в данном представлении. В результате появилась точка зрения о демократическом характере политических предпочтений Гераклита. Так, Г. Властос соглашается с тем, что тирады Гераклита «против “многих” достаточно логично вытекают из его основного убеждения в их философской невежественности», но «презрение философа к глупости толпы не свойственно» ему [Vlastos, 1993, p. 72]. Как пишет Г. Властос, «Гераклиту свойственна, скорее, доктрина “общего”: истина – это “общее”; мир – “общее”; и в государстве “общим” является закон» [Ibid., p. 73]. Согласно Г. Властосу, Гераклит, вероятно, разделял демократическую концепцию государства как сообщества, в котором господствует общее правосудие. Именно эта идея лежала в основе реформ Солона и позднее сохранялась в качестве неотъемлемой части демократического устройства. Г. Властос полагает, что во времена Гераклита главный вопрос в демократической политике заключался в том, «стремиться ли к радикальному уравнительному правлению жребия и “правлению по очереди” или же придерживаться прежней демократии, основанной, как у Солона, не на равном достоинстве, а на общем правосудии» [Ibid.]. Гераклит, вероятно, склонялся к последнему, отдавая предпочтение умеренной демократии солоновского типа.

К представлению об умеренном характере политических предпочтений Гераклита примыкает точка зрения А. В. Лебедева. По мнению исследователя, главный политический интерес Гераклита заключался в преодолении разобщенности между греческими полисами. Отталкиваясь от учения о едином Логосе, Гераклит «предлагает революционное для своего времени преобразование полисного плюрализма в федеральный монизм» [Лебедев, 2014, с. 130-131]. Согласно А. В. Лебедеву, в политической философии Гераклит придерживался «центризма», «который был руководящим принципом в деятельности и размышлениях Солона» [Там же, с. 131]. Вероятно, Гераклит, как и Солон, был убежден в необходимости принятия справедливых законов, направленных на преодоление внутренних конфликтов и обеспечение политической стабильности. Как пишет А. Ф. Лосев, «творчество Гераклита представляет собою удивительную смесь аристократического и демократического образа мышления» [Лосев, 2000, с. 408]. С одной стороны, Гераклит «был противником всего недодуманного, всего компромиссного, всего слабого, жалкого, трусливого, беспомощного и поверхностного» [Там же]. Из этого вытекает его аристократизм. С другой стороны, Гераклит отрицает всю мифологию, «он твердо учит о всеобщем равенстве вещей, одинаково переходящих одна в другую, несмотря ни на какие их преимущества» [Там же]. А это уже является одной из характеристик демократического мышления.

Представления Гераклита об аристократии, олигархии, демократии, тирании

Во время жизни Гераклита одной из самых распространенных форм государственного устройства в Греции была тирания. Описывая эти времена, Фукидид сообщает, что «только в Сицилии тираны достигли большого могущества» [Фукидид, 1981, с. 12]. Во всех других частях греческой ойкумены тираны не совершили ничего значительного. Они заботились лишь о собственной власти. Как пишет Фукидид, господство тирании препятствовало развитию Эллады и поэтому она не могла «совершить ничего великого» [Там же]. Как известно, в греческой философии сложилось негативное отношение к тирании. В нашем распоряжении имеются некоторые сведения и высказывания Гераклита, в которых тирания подвергается явной или косвенной критике. Прежде всего обращает на себя внимание сообщение Климента Александрийского о том, что Гераклит «убедил тирана (τύραννον) Меланкома отречься от своей власти» [Климент Александрийский, 2003а, с. 114]. Как пишет Г. Берве, о тиране Меланкоме у нас нет никаких сведений. Согласно Г. Берве, вероятно этот тиран пришел к власти в Эфесе в конце V в. до н. э. Возможно «он был одним из трех тиранов, которым благоволили персы, а возможно, даже получил власть из их рук» [Берве, 1997, с. 128]. Нельзя сказать, что данный эпизод однозначно свидетельствует о неприятии Гераклитом тирании. Нам не известны обстоятельства этой истории и мотивы Гераклита. Но в целом, версия об отрицательном отношении Гераклита к тирании может находить в данном сообщении некоторое подтверждение.

Чтобы понять, почему Гераклит отрицательно относился к тирании, следует обратиться к его морально-этическим высказываниям. Как передает Диоген Лаэртский, Гераклит говорил, что «спесь (ὑβρις) гасить нужнее, чем пожар» и «самоумнение (οἷσις) называет он падучей болезнью (νόσος)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333, 335]. Согласно Стобею, Гераклит подчеркивает важность таких добродетелей, как воздержанность и умеренность в желаниях: «Всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными [ограничивать

свои желания] (σωφρονεῖν)» и «целомудрие [самоограничение] – величайшая добродетель (σωφρονεῖν ἀρετὴ μέγιστη)» [Лебедев, 2014, с. 188]. Гераклит выступает с резкой критикой человеческих пороков. В одном из фрагментов Гераклит говорит, что «порочные люди (ἄνθρωποι κακοὶ) – противники правдолюбцев» [Там же, с. 213]. Также стоит упомянуть о письме Гераклита персидскому царю Дарию. На наш взгляд, несмотря на то что письмо является подложным, его содержание вполне может отражать умонастроения Гераклита. Отклоняя предложение Дария посетить его с визитом, Гераклит пишет: «Я же все дурное выбросил из головы, пресыщения (κόρον) всяческого избегаю из-за смежной с ним зависти (φθόνω) и по отвращению к спеси (ὑπερηφανίῃν)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 336]. Если суммировать все эти высказывания, то можно сделать следующий вывод. Гераклит решительно осуждает такие пороки, как спесь, наглость, самомнение, невоздержанность. Примечательным здесь является то, что данные пороки в древнегреческом обществе традиционно приписывались тиранам.

У ведущих политических философов Древней Греции Платона и Аристотеля можно обнаружить подробное описание тирании. По мнению Платона, тиран находится во власти различных вожделений (ἐπιθυμία) и страстей (ἔρως). Согласно Платону, тирания зарождается в душе человека в результате укоренения в ней пороков. Человек «становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи» [Платон, 2007а, с. 427]. Усиливаясь, вожделения толкают человека на совершение преступлений, сначала против родных, а далее против сограждан и государства. Платон отмечает, что поведение тирана отличается дерзостью (τόλμα) [Там же, с. 429]. Душа тирана «преисполнена рабством и низостью (δουλείας τε καὶ ἀνελευθερίας)» [Там же, с. 433]. А власть усугубляет пороки тирана и «неизбежно делает его завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым; он поддерживает и питает всяческое зло (πάσης κακίας)» [Там же, с. 437].

Рассматривая вопрос о причинах падения тираний, Аристотель отмечает, что жизнь тиранов, «полная наслаждений, вызывает презрение к ним, что и предоставляет много удобных поводов для покушений» [Аристотель, 1983, с. 557]. Кроме этого, ненависть и гнев часто возбуждаются «наглым (ὑβρίν) поведением тиранов», что приводит к их свержению [Там же, с. 558]. Аристотель пишет, что для тиранов характерно надменное поведение и стремление предаваться непрерывным физическим наслаждениям напоказ [Там же, с. 563]. Как говорит Аристотель, «тирания любит все дурное (πονηρόφιλον)», поэтому тираны своими действиями причиняют обиды, вселяют страх, возбуждают ненависть, вызывают презрение [Там же, с. 561]. При этом Аристотель упоминает и могущественных тиранов, которым удавалось долго оставаться у власти. Однако, несмотря на отдельные случаи, тирания, согласно Аристотелю, представляет собой наихудший вид государственного устройства. Как мы видим, у тиранов были выражены в наибольшей степени те качества, которые осуждает Гераклит. И это не оставляет сомнений в его отношении к тирании.

В вопросе об отношении Гераклита к аристократии имеется одна сложность. Дело в том, что мы не знаем точно, кого имеет в виду Гераклит, говоря о лучших. В условиях Древней Греции под аристократией традиционно понималась высшая знать. Это были представители крупного землевладения. Но в высказываниях Гераклита мы не найдем ни единого упоминания о представителях древних родов. Гераклит достаточно часто говорит о лучших (ἄριστος) и немногих (ὀλίγος), противопоставляя их большинству или толпе (πολλοί). Но следует ли из этого, что Гераклит понимает под лучшими именно

представителей знати? Как мы показали выше, современные исследователи все чаще склоняются к версии о том, что под лучшими Гераклит понимает тех, кого можно назвать представителями интеллектуальной элиты. Это мудрецы и философы, обращенные к Логосу. Мы полагаем, что в вопросе о политических предпочтениях Гераклита не следует ограничиваться рассмотрением его отношения к тем, кто обладает интеллектуальным и нравственным превосходством.

Если говорить об отношении Гераклита к аристократии в ее традиционном понимании, то необходимо сказать следующее. Гераклиту приписывается высказывание, в котором можно увидеть критику аристократических ценностей: «Почести (τιμαί) поработают богов и людей» [Лебедев, 2014, с. 213]. Платон в характеристике тимократии отмечает, что это государственное устройство находится между аристократией и олигархией. Одной из аристократических черт в тимократическом государстве является почитание правителей (τιμᾶν τοὺς ἄρχοντας). Как говорит Платон, тимократического человека отличает также властолюбие (φιλαρχία) и честолюбие (φιλοτιμία). Согласно Аристотелю, одной из главных аристократических ценностей является почет. Даже распри в аристократиях «происходят отчасти вследствие того, что в них лишь немногие пользуются почетными правами (τιμῶν μετέχειν)» [Аристотель, 1983, с. 541]. Рассуждения Платона и Аристотеля о почестях позволяют лучше понять Гераклита. В стремлении к почестям проявляется слабость человека, его зависимость от высокого положения. Вероятно, именно с этим связано то, что Гераклит не удостоивает положительной оценки власть родовую знати.

В пользу версии о том, что под аристократией Гераклит понимает власть философов и мудрецов, косвенно говорят несколько его высказываний. Согласно Клименту Александрийскому, Гераклиту принадлежат следующие слова: «Чрезвычайно многого знатоками (μάλα πολλῶν ἱστορας) должным быть любомудрые мужи (φιλοσόφους ἄνδρας)» [Климент Александрийский, 2003б, с. 225]. Мы полагаем, что под «чрезвычайно многим» Гераклит имеет в виду не только мироздание и сферу божественного, но также и общество. Вероятно, по мнению Гераклита, философы и мудрецы должны хорошо разбираться в вопросах общественно-политического развития. И соответственно, именно они должны руководить государством – создавать законы, занимать руководящие должности, вершить правосудие. В другом высказывании Гераклита, которое приводит Климент Александрийский, также говорится о том, что добродетель и мудрость присущи немногим: «Многие плохи, а немногие хороши (πολλοὶ κακοί, ὀλίγοι δὲ ἀγαθοί)» [Там же, с. 180]. Вероятно, если бы Гераклит хотел подчеркнуть превосходство знати над толпой, он бы выразился иначе. Но Гераклит, как мы видим, противопоставляет не столько знать народу, сколько немногих добродетельных невежественной массе. Нельзя не упомянуть и об известном высказывании Гераклита: «Всех тех эфесцев до одного стоит повесить, которые изгнали Гермодора, самого полезного (ὀνήϊστον) среди них человека, говоря: пусть не будет среди нас самого полезного (ὀνήϊστος); если же такой человек найдется, то пусть он живет в другом месте и среди других людей» [Страбон, 1964, с. 600]. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что Гераклит называет Гермодора не лучшим (ἄριστος), а самым полезным (ὀνήϊστος). Тем самым подчеркивается не происхождение и знатность человека, а его полезность для государства.

Как мы видим, версия о том, что Гераклит был сторонником представления о власти мудрецов и философов, не лишена оснований. Однако в данной теории имеется слабое место. Дело в том, что Гераклиту приписываются высказывания, которые плохо согласуются

с представлением о власти интеллектуальной элиты. Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит был негативно настроен по отношению ко многим известным поэтам и мудрецам. Так, Гераклит говорит: «Многознайство уму не научает (πολυμαθίη νόον οὐ διδάσκει), иначе оно научило бы и Гесиода с Пифагором, и Ксенофана с Гекатеем». Ибо есть «единая мудрость – постигать Знание, которое правит всем чрез все». Также и Гомеру, говорил он, поделом быть выгнану с состязаний и высечену, и Архилоху тоже» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333]. Сдержанной похвалы Гераклит удостоивает лишь Бианта [Лебедев, 2014, с. 212]. Примечательно, что Пифагор заслужил репутацию блестящего законодателя и политического деятеля, которому удалось вести «государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия, что значит “владычество лучших”» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 308]. Гекатей же, как сообщают Геродот и Диодор Сицилийский, успел принять участие в Ионийском восстании. Сообщается, что он давал мудрые советы восставшим согражданам и убедил персидского сатрапа Артаферна смягчить наказание ионийцам [Геродот, 1972, с. 248, 274; Диодор Сицилийский, 2012, с. 99-100]. Судя по всему, и Архилох принимал активное участие в политической жизни.

И вот всех этих личностей, обладавших огромным авторитетом в древнегреческом обществе, уважаемых за их мудрость, знания и политический опыт, Гераклит называет глупцами. Если Гераклит отвергал авторитет уважаемых философов и поэтов, то версия о приверженности Гераклита аристократии духа выглядит уже неубедительно. И сомнения усиливаются, если учесть, что сам Гераклит отказался от участия в государственных делах. Как передают источники, «просьбою эфесцев дать им законы (νόμους)» Гераклит «пренебрег, ибо город был уже во власти дурного правления (πονηρᾷ πολιτεία)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333]. На наш взгляд, добровольное политическое изгнание Гераклита свидетельствует о его понимании того, что политику делают политики, а не чистые интеллектуалы. Одного ума и способности слышать Логос для успешной политической деятельности недостаточно. Жизнь Гераклита является хорошим тому подтверждением.

Об отношении Гераклита к олигархическому строю можно судить на основании одного фрагмента, в котором философ высказывается о стремлении к богатству: «Да не оскудеет у вас богатство (πλοῦτος), Эфесцы, дабы вы изобличались в вашей порочности! (πονηρευόμενοι)» [Лебедев, 2014, с. 211]. По мнению исследователей, в данном фрагменте представлено не подлинное высказывание Гераклита, а, вероятно, перефразированная цитата [Marcovich, 1967, p. 544; Heraclitus, 1987, p. 163]. Хорошо известно, что богатство в древнегреческой политической мысли ассоциировалось с олигархией. Так, Аристотель и Платон отмечают, что богатство (πλοῦτος) является основой и главной ценностью олигархии [Аристотель, 1983, с. 492; Платон, 2007а, с. 396]. Также известно, что отношение к алчности и сребролюбию в античной философии было строго отрицательным. В вопросе об отношении Гераклита к олигархии следует учитывать еще одно важное обстоятельство. Во время жизни Гераклита ионийские полисы были известны своим богатством. Как сообщают античные авторы, жители Эфеса, Милета, Колофона утопали в роскоши и наслаждениях. Согласно Афинею, эфесцев отличала любовь к «вожделенной роскоши (τρυφήν)» [Афинею, 2010, с. 216]. И Афинею добавляет, что роскошь способствовала в ионийских полисах росту социальной напряженности, которая переросла в острые внутренние конфликты [Там же, с. 214, 217]. Гераклит собственными глазами мог наблюдать эти процессы и поэтому к власти богатых он не мог относиться равнодушно и тем более положительно.

Переходя к рассмотрению вопроса об отношении Гераклита к демократии, следует отметить, что формирование данного государственного строя пришлось как раз на время жизни философа. В то время, когда Гераклит находился в расцвете жизненных сил (ок. 504-501 до н. э.), в Афинах проходили реформы Клисфена, в результате которых сформировалось первое демократическое государство. Из разных источников нам известно, что рубеж VI–V вв. до н. э. в Древней Греции ознаменовался подъемом народных масс и активным вовлечением их в политическую борьбу. Гераклит с его проницательным и критическим умом не мог не заметить тенденции, связанной с демократизацией древнегреческого общества. И он не просто заметил эту тенденцию, но и выразил к ней свое отношение. Причем сделал он это в свойственной ему резкой манере. Практически во всех высказываниях Гераклита, где упоминаются многие, толпа (πολλοί) или народ (δῆμος), звучит неприкрытая злоба и жесткая критика. Типичное высказывание Гераклита о народных массах выглядит следующим образом: «Большинство (πολλοί) живет как животные, меряя счастье желудком, влечением и половым членом» [Климент Александрийский, 2003б, с. 180].

Здесь необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о месте народа в демократической мысли Древней Греции. Приведем несколько примеров. Так, Протагор, выступая с демократических позиций, в диалоге с Сократом доказывает, что всех людей боги наделили чувством стыда и правды. Когда люди «приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государствам» [Платон, 2006, с. 212]. Протагор полагает, что если каждый человек причастен добродетели, то он имеет право выступать в суде, в народном собрании и давать советы. В рассуждениях Протагора проявляется эгалитаризм. Другой пример – надгробная речь Перикла, в которой звучат слова в поддержку демократии. Перикл подчеркивает важность равноправия. В его выступлении нет и следа непочтительного отношения к народным массам и большинству: «Так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством (δημοκρατία). В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам» [Фукидид, 1981, с. 80].

Еще один пример – это обсуждение государственного строя Персии между Дарием, Мегабизом и Отаном, в котором последний высказывается в поддержку демократического строя. Мы не будем касаться вопроса подлинности данного разговора. Отметим лишь то, что Отан высказывается о народе с большим уважением. Приведем отрывок из этой речи: «Что до народного правления, то оно, прежде всего, обладает преимуществом перед всеми [другими] уже в силу своего прекрасного имени – “исономия” (ἰσονομίην). Затем народоправитель не творит ничего из того, что позволяет себе самодержец. Ведь народ управляет, [раздавая] государственные должности по жребию, и эти должности ответственны, а все решения зависят от народного собрания» [Геродот, 1972, с. 164]. Невозможно представить, чтобы сторонники демократии в Древней Греции, неважно кто – философы или государственные деятели, высказывались о народе с таким пренебрежением, как Гераклит. Для них народ являлся, выражаясь современным языком, целевым электоратом. Сторонники демократии опирались на народ, они отстаивали его интересы. В высказываниях же Гераклита народ предстает в виде невежественной и порочной массы, незаслуживающей уважения. Гераклит не доверяет народу и считает опасным его участие в политике. Таким

образом, критика Гераклитом большинства носит не только морально-этический характер. Согласно Гераклиту, низменные страсти делают большинство граждан не только плохими людьми, но и негодными участниками политической жизни.

Как мы показали во Введении, некоторые исследователи относят Гераклита к числу сторонников умеренной демократии, критика которого касалась крайностей и радикальных проявлений демократического строя. Мы согласны с тем, что Гераклит осуждает тот вид демократии, который можно назвать радикальным. Это хорошо видно на примере его известного высказывания о том, что «за закон народ должен биться (μάχεσθαι χρὴ τὸν δῆμον ὑπὲρ τοῦ νόμου), как за городскую стену» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333]. Хорошее представление о демократии дает Аристотель: «Встречается также переход и от отеческой демократии к современной (πατρίας δημοκρατίας εἰς τὴν νεωτάτην). Там, где должности замещаются путем избрания, не на основании имущественного ценза, а выбирает народ (δῆμος), демагоги (δημαγωγοὺντες), стремясь захватить должности в свои руки, достигают того, что народ становится выше самих законов (νόμων)» [Аристотель, 1983, с. 537]. При господстве такой крайней демократии «решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон» [Там же, с. 496]. Очевидно, что даже мысль о власти народного собрания во главе с демагогами вместо господства закона для Гераклита была неприемлема.

Однако мы полагаем, что и к убежденным сторонникам умеренной демократии Гераклита отнести нельзя. Вспомним проклятия, которыми Гераклит осыпает сограждан: «Поделом бы эфесцам, чтобы взрослые у них все передохли (ἄξιον Εφεσίοις ἡβηδὸν ἀποθανεῖν πᾶσι), а город оставили недоросткам, ибо выгнали они Гермодора, лучшего меж них, с такими словами: “Меж нами никому не быть лучшим, а если есть такой, то быть ему на чужбине и с чужими”» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333]. Обратим внимание на два момента. Во-первых, Гераклит желает смерти всем гражданам Эфеса, т. е. подавляющему большинству. Во-вторых, Гераклит осуждает изгнание некоего Гермодора, которого называет лучшим, или, если быть более точным, наиболее полезным. Хорошо известно, что демократический строй печально прославился такой процедурой как остракизм. Вот что об этом пишет Аристотель: «На этом основании государства с демократическим устройством (δημοκρατούμεναι πόλεις) устанавливают у себя остракизм (ὀστρακισμὸν): по-видимому, стремясь к всеобщему равенству (ισότητά μάλιστα), они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом (ὑπερέχειν δυνάμει), опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую значение в государстве» [Аристотель, 1983, с. 472]. Здесь важно подчеркнуть, что практика изгнания неугодных политиков установилась в Афинах еще при Клисфене в самом конце VI в. до н. э. И все это время вплоть до середины V в. до н. э. в Афинах господствовал умеренный демократический строй. Это говорит о том, что даже умеренной демократии были присущи такие практики, которые вызывали у Гераклита не просто несогласие, а откровенный гнев.

Гераклит и монархическое правление

Как мы установили, Гераклит испытывал критическое отношение ко всем основным видам государственного устройства. Безусловно, это отношение было неодинаковым. Наиболее резкое неприятие Гераклит испытывал к тирании и радикальной демократии.

Умеренную демократию и аристократию духа Гераклит, видимо, оценивал гораздо менее однозначно. Но и эти виды государственного устройства далеко не во всем устраивали философа. Следует ли из этого, что Гераклит не имел представления о совершенном государственном строе? Как мы покажем далее, представление об идеальном политическом устройстве у Гераклита существовало, и оно было связано с монархией. Первым, хотя и достаточно слабым аргументом в пользу версии о монархических предпочтениях Гераклита является его происхождение. Сообщается, что Гераклит «уступил своему брату царскую власть (βασιλείας)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 334]. Вероятно, Гераклит имел царское происхождение. Нам не известно, почему Гераклит отказался от царского титула. Существует мнение о том, что этим шагом Гераклит мог продемонстрировать свои демократические взгляды. Но, на наш взгляд, данный поступок скорее свидетельствует о его монархических симпатиях. Как передает Страбон, ионийское переселение на побережье Малой Азии возглавлял «Андрокл, законный сын афинского царя Кодра» [Страбон, 1964, с. 592]. Считается, что Андрокл основал Эфес, который был царской столицей ионийцев.

А далее Страбон сообщает весьма интересную деталь. Потомкам Андрокла в Эфесе, носившим царский титул (βασιλεύς), были «присвоены известные почести (τιμαίς), как например: первое место на играх, ношение пурпурной одежды как знака царского происхождения и жезла вместо скипетра, а также [распорядительство] на празднике жертвоприношения в честь Элевсинской Деметры» [Там же]. Сообщения о том, что Гераклит отличался надменным характером, осуждал стремление к почестям и критически относился ко многим религиозным действиям, позволяет предположить то, что его принципиально не устраивала роль «свадебного генерала». Царский титул, который не давал его обладателю реальной политической власти, в глазах Гераклита, видимо, не имел никакой ценности. Но это может говорить не о том, что Гераклит не являлся сторонником царской власти, а, наоборот, о том, что Гераклит слишком серьезно относился к вопросу о царской власти и считал недопустимым низводить монарха до уровня распорядителя празднеств.

Исследователи давно обратили внимание на высказывания Гераклита о власти одного лучшего над многими. Но чаще всего их интерпретировали в пользу версии о приверженности Гераклита аристократии. На наш взгляд, эти высказывания могут не менее убедительно свидетельствовать о монархической тенденции. В одном высказывании Гераклит заявляет: «Один для меня десять тысяч, если он наилучший (εἷς ἐμοὶ μύριοι, ἂν ἄριστος ᾦ)» [Лебедев, 2014, с. 211]. Гераклит говорит не о немногих (ὀλίγοις) лучших, а об одном (εἷς) лучшем. И этот наилучший противопоставляется большому множеству или десяти тысячам (μύριοις). Мы полагаем, что Гераклит, говоря о большом множестве, мог иметь в виду население всего государства. Численность многих греческих полисов того времени как раз не выходила за пределы десяти тысяч человек. В другом высказывании Гераклит почти в повелительном тоне произносит: «Закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного (νόμος καὶ βουλῇ πείθεσθαι ἑνός)» [Климент Александрийский, 2003б, с. 212]. Сложно отрицать то, что данное высказывание по духу ближе всего к монархической системе ценностей. На то, что политические предпочтения Гераклита были ближе к монархии, а не к аристократии, указывает еще одно обстоятельство. Представители аристократии традиционно тяготеют к консервативным настроениям и взглядам. Главной целью аристократических кругов является сохранение своего привилегированного положения. Это подталкивает их отстаивать консервативные установления. Но во взглядах Гераклита не просматривается особого консерватизма. Как мы показали выше, Гераклит

не высказывается в защиту родовой знати. Более того, он активно критикует некоторые религиозные практики греков, тем самым выступая против устоявшихся традиций. На наш взгляд, ближе всего к политическому идеалу Гераклита находится образ могущественного и добродетельного монарха, способного к законодательной и реформаторской деятельности.

В пользу данной версии говорят те высказывания Гераклита, в которых превозносятся военная доблесть и стремление к славе. В одном из них Гераклит говорит: «Души убитых Аресом чище тех, что <умерли> в болезнях» [Лебедев, 2014, с. 189]. Смерть от старости или от болезни Гераклит считает менее достойной, чем смерть в бою. В другом высказывании говорится о том, что «принесших себя в жертву Аресу и боги чествуют, и люди» [Климент Александрийский, 2003б, с. 13]. Гераклит положительно отзываясь о героизме, проявленном на войне. Цари в Древней Греции были прежде всего военными вождями, и слова Гераклита как нельзя точно отражают мировоззрение сторонников царской власти. Не последнее место во взглядах Гераклита занимает фигура великой личности, героя: «Кому более предначертано судьбой, тому лучший достается удел» [Там же, с. 27]. Нельзя не заметить определенную склонность Гераклита к принципам элитарности и социальной иерархии. Но во главе социальной структуры у него стоят не представители родовой знати или мудрецы, а могущественные и добродетельные правители, стремящиеся к свершению великих дел. Приведем еще одну цитату: «Предпочитают же лучшие одно-единственное превыше всех бренных вещей – вечную славу (κλέος)» [Там же, с. 180].

Важно отметить, что политические представления Гераклита в определенной степени соотносятся с его космологическими и теологическими взглядами. Мы полагаем, что монархические предпочтения Гераклита могут проявляться в его высказываниях о господстве Разума во вселенной и о войне как главном принципе мироздания. Под Разумом Гераклит, вероятно, понимает божественный Закон, который управляет всеми установлениями в мире: «Ибо все человеческие законы зависят, как от кормильца, от одного – божественного. Он господствует неограниченно по своему изволению, и он довлеет всем человеческим законам, и все их превозмогает» [Лебедев, 2014, с. 212]. В высказываниях Гераклита в различных формулировках звучит мысль о том, что Разум управляет всем: «Единая мудрость – постигать Знание (γνώμη), которое правит всем чрез все (ἐκὺβέρνησε πάντα διὰ πάντων)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 333]. Версия о монархических предпочтениях Гераклита вполне согласуется с его представлением о войне как высшем законе мироздания: «Полемос (Война) (Πόλεμος) – отец всех существ и царь (βασιλεύς) всех существ, одних он обращает в богов, других в людей, одних делает рабами, других – свободными» [Лебедев, 2014, с. 155]. Обращает на себя внимание то, что Гераклит уподобляет войну царской власти, которая полновластно распоряжается судьбами богов и людей. В другом высказывании говорится о том, что «айон (Время) – ребенок, играющий в шашки: царство ребенка! (παῖδός ἢ βασιληΐη)» [Там же]. Разумеется, данные высказывания могут пониматься по-разному. Но если рассматривать их в контексте политической мысли, то нельзя не признать, что в значительной степени они соответствуют именно монархическим представлениям.

Как мы знаем из истории, для греческого сознания в архаический и классический периоды было характерно господство республиканских ценностей. Но от монархических идеалов греки никогда полностью не отказывались. Размышления о добродетельном монархе всегда преследовали выдающиеся греческие умы. Царская власть воспевалась поэтами, философами, риториками. В «Илиаде» Одиссей произносит: «Нет в многовластии блага

(οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη); да будет единый властитель, царь нам да будет единый (βασιλεύς)» [Гомер, 2008, с. 23]. В трагедии Софокла «Антигона» звучат слова в защиту единовластия: «Правителю повиноваться должно во всем – законном, как и незаконном» [Софокл, 1970, с. 204]. Платон называет монархию «единственным безупречно правильным государственным строем» [Платон, 2007б, с. 73]. Аристотель называет монархию самым божественным (θεῖος) «из всех видов государственного строя» [Аристотель, 1983, с. 489]. Согласно Исократу, царская власть (βασιλεία) «из всех человеческих занятий» – «самое сложное, требующее наибольшей предусмотрительности» [Исократ, 2013, с. 22]. Но хорошего царя ожидает и самая достойная награда – слава и бессмертная память. У всех этих авторов монархия ассоциируется с такими ценностями, как исключительная добродетель, политическая мудрость, военная доблесть, стремление к свершению великих дел и славе. Как мы показали, приверженность этим ценностям хорошо просматривается и у Гераклита.

Заключение

Говоря о политической мысли Гераклита, исследователи в основном обращают внимание на две тенденции – умеренно-демократическую и духовно-аристократическую. В ходе проведенного исследования мы установили, что политическим идеалам Гераклита не соответствует в полной мере ни ограниченная демократия, ни аристократия духа. Было показано, что в политических взглядах Гераклита отчетливо просматривается еще одна тенденция, которую можно назвать монархической. В пользу версии о монархических предпочтениях Гераклита говорят следующие аргументы. Во-первых, царское происхождение Гераклита. Во-вторых, акцент в высказываниях Гераклита на идее превосходства одного над всеми. В-третьих, соответствие между монархическими взглядами Гераклита и отдельными положениями его космологии и теологии. В-четвертых, приверженность Гераклита ценностям, наиболее характерным для монархического строя. Политические предпочтения Гераклита позволяют сделать вывод о том, что даже в период расцвета полисной системы монархические идеалы не исчезли из интеллектуального поля Древней Греции.

Список литературы / References

Аристотель. (1983). Политика. Пер. С. А. Жебелев. *Аристотель. Сочинения: в 4 т.* Т. 4. Ред. А. И. Доватур. М. С. 375-644.

Aristotle. (1983). Politics. Zhebelev, S. A. (transl.). In Dovatur, A. I. (ed.). *Aristotle. The Essays. In 4 vols.* Vol. 4. Moscow. Pp. 375-644. (In Russ.)

Афиней. (2010). *Пир мудрецов*. (кн. IX–XV). Пер. Н. Т. Голинкевича. М.: Наука.

Athenaeus. (2010). *The Deipnosophists*. Golinkevich, N. T. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Берве, Г. (1997). *Тираны Греции*. Ростов н/Д.

Berve, H. (1997). *Tyrants of Greece*. Rostov-on-Don. (In Russ.)

Гатри, У. К. Ч. (2015). *История греческой философии: в 6 т. Т. I: Ранние досократики и пифагорейцы*. Пер. с англ. под ред. Л. Я Жмудя. СПб.: Владимир Даль.

Guthrie, W. K. C. (2015). *A History of Greek Philosophy. In 6 vols. Vol. I. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans*. Zhmudya, L. Ya. (transl., ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Геродот. (1972). *История в девяти книгах*. Пер. Г. А. Стратановского, ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука.

Herodotus. (1972). *The History*. Stratanovsky, G. A. (transl.), Utchenko, S. L. (ed.). Leningrad. (In Russ.)

Гомер. (2008). *Илиада*. Пер. Н. И. Гнедича, ред. А. И. Зайцева. СПб.: Наука.

Homer. (2008). *The Iliad*. Gnedich, N. I. (transl.), Zaitsev, A. I. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспаров, ред. А. Ф. Лосев. 2-е изд. М.

Diogenes Laertius. (1986). *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*. Gasparov, M. L. (transl.), Losev, A. F. (ed.). 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

Диодор Сицилийский. (2012). *Историческая библиотека. Книги VIII-X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей*. Ред. О. П. Цыбенко. СПб.: Алетея.

Diodorus Siculus. (2012). *Historical Library*. Tsybenko, O. P. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Исократ. (2013). К Никоклу. Пер. Э. Д. Фролова. *Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы*. Ред. Э. Д. Фролова. М.: Ладомир. С. 21-31.

Isocrates. To Nicocles. (2013). In Frolov, E. D. (ed.). *Isocrates. Speeches. Letters. Minor Attic Orators*. Moscow. Pp. 21-31. (In Russ.)

Карабущенко, П. Л. (2017). Политика и право в философско-элитологическом учении Гераклита Эфесского. *Правоведение*. Т. 61. № 2. С. 183-197.

Karabuschenko, P. L. (2017). Politics and Law in the Philosophical-Elitological Doctrine of Heraclitus of Ephesus. *Pravovedenie*. Vol. 61. No. 2. Pp. 183-197. (In Russ.)

Кессиди, Ф. Х. (1982). *Гераклит*. М.: Мысль.

Kessidi, F. H. (1982). *Heraclitus*. Moscow. (In Russ.)

Климент Александрийский. (2003а). *Строматы*. Т. 1 (кн. 1-3). Ред. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во Олега Абышко.

Clement of Alexandria. (2003a). *The Stromata*. Vol. 1 (books 1-3). Afonasin, E. V. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Климент Александрийский. (2003б). *Строматы*. Т. 2 (кн. 4-5). Ред. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во Олега Абышко.

Clement of Alexandria. (2003b). *The Stromata*. Vol. 2 (books 4-5). Afonasin, E. V. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Лаптева, М. Ю. (2008). Гераклит и Гермодор в политической истории архаического Эфеса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. №. 3. С. 98-106.

Lapteva, M. Yu. (2008). Heraclitus and Hermodorus in Political History of Archaic Ephes. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. No. 3. Pp. 98-106. (In Russ.)

Лебедев, А. В. (2014). *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов)*. СПб.: Наука.

Lebedev, A. V. (2014). *The Logos of Heraclitus: A Reconstruction of his Thought and Word (With a New Critical Edition of the Fragments)*. St. Petersburg. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (2000). *История античной эстетики. Ранняя классика*. М.: АСТ.

Losev, A. F. (2000). *The History of Ancient Aesthetics. Early Classics*. Moscow.

Платон. (2007а). Государство. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. С. 97-493.

Plato. (2007a). The Republic. Egunov, A. N. (transl.). In Losev, A. F., Asmus, V. F. (eds.). *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 1. St. Petersburg. Pp. 97-493. (In Russ.)

Платон. (2007б). Политик. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. С. 9-88.

Plato. (2007b). The Statesman. Sheinman-Topshtein, S. Ya. (transl.). In Losev, A. F., Asmus, V. F. (eds.). *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 2. St. Petersburg. Pp. 9-88. (In Russ.)

Платон. (2006). Протагор. Пер. В. С. Соловьева. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. С. 193-261.

Plato. (2006). Protagoras. Soloviev, V. S. (transl.). In Losev, A. F., Asmus, V. F. (eds.). *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 1. St. Petersburg. Pp. 193-261. (In Russ.)

Софокл. (1970). Антигона. Пер. С. Шервинского, Н. Познякова. *Античная драма*. Серия первая. Т. 5. Ред. С. Апта. М.: Худож. лит. С. 179-228.

Sophocles. (1970). Antigone. Shervinsky, S., Poznyakov, N. (transl.). In Apt, S. (ed.). *Ancient Drama. The First Episode*. Vol. 5. Moscow. Pp. 79-228. (In Russ.)

Страбон. (1964). *География*. Пер. Г. А. Стратановский, ред. С. Л. Утченко. Л.

Strabo. (1964). *Geography*. Stratanovsky, G. A. (transl.), Utchenko, S. L. (ed.). Leningrad. (In Russ.)

Фукидид. (1981). *История*. Пер. Г. А. Стратановского. Изд. подготовили:

Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л.

Thucydides. (1981). *The History of the Peloponnesian War*. Stratanovsky, G. A. (transl., ed.), Neihard, A. A., Borovsky, Ya. M. (eds.). Leningrad. (In Russ.)

Gomperz, T. (2009). *Heraclite*. Editions Manucius.

Heraclitus. (1987). *Fragments. A Text and Translation with a Commentary by T. M. Robinson*. University of Toronto Press.

Marcovich, M. (1967). *Heraclitus. Greek Text with a Short Commentary*. Merida, Venezuela. Los Andes University Press.

Robitzsch, J. M. (2018). Heraclitus' Political Thought. *Apeiron. A Journal for Ancient Philosophy and Science*. Vol. 51. No. 4. Pp. 405-426.

Vlastos, G. (1993). *Studies in Greek Philosophy. Vol. I. The Presocratics*. Graham, D. W. (ed.). Princeton University Press.

Zeller, E. (1881). *A History of Greek Philosophy. From the Earliest Period to the Time of Socrates*. In 2 vols. Vol. II. London. Longmans, Green, and Co.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025

После доработки: 20.10.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

The paper was submitted: 07.09.2025

Received after reworking: 20.10.2025

Accepted for publication: 02.12.2025

УДК 165

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОУЧИТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЙ

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
pavelbutakov@academ.org

Аннотация. Считается, что вымышленные поучительные истории имплицитно сообщают некую мораль, которая представляет собой пропозициональную истину о реальном мире. В работе рассматривается пять возможных эпистемологических претензий к данной концепции имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания: (1) история не содержит обоснования ее поучительного смысла; (2) слушатель не получает знания, если не уверен, что правильно понял намерения рассказчика; (3) в вымышленной истории нет когнитивного содержания; (4) знание, полученное слушателем из истории, не является для него новым пропозициональным знанием; (5) непонятно, как извлечь из истории пропозицию, если она не представлена в явном виде. Эти претензии сформулированы в виде серий аргументов и возможных возражений к ним. Значительная часть этих аргументов и возражений заимствована из аналитической философии литературы и адаптирована к обсуждению представленных эпистемологических проблем.

Ключевые слова: нарратив, передача знания, философия литературы, имплицитный смысл, пропозициональное знание.

Для цитирования: Бутаков, П. А. (2025). Эпистемологические проблемы поучительных историй. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 41-52. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.41-52

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF DIDACTIC FICTION

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
pavelbutakov@academ.org

Abstract. People usually believe that didactic fiction implicitly conveys propositional truths about the real world, known as the moral of the story. This paper presents five possible epistemological concerns with the idea of implicit narrative transmission of propositional knowledge: (1) narratives do not contain justification of their didactic meaning; (2) recipients gain no knowledge if they are uncertain of the author's intention; (3) fiction has no cognitive content or value; (4) whatever recipients gain from the story may not be new propositional knowledge; and (5) if a proposition is not explicitly stated in the story, it is unclear how it can be extracted. These concerns are presented as a series of arguments and possible objections. Most of the arguments and objections are drawn from the analytic philosophy of literature and adapted to the listed epistemological issues.

Keywords: narrative, transmission of knowledge, philosophy of literature, implicit meaning, propositional knowledge.

For citation: Butakov, P. A. (2025). Epistemological Problems of Didactic Fiction. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 41-52. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.41-52

Введение

Одним из древних и фундаментальных средств обучения являются вымышленные истории: притчи, басни, сказки, легенды и т. п. Принято считать, что в них скрыто некое важное содержание – сказка ложь, да в ней намек и урок. При этом для слушателя не составляет особого труда интуитивно извлечь эту скрытую истину из вымышленного повествования. Процесс обучения считается успешным, когда слушатель может выразить смысл истории в виде краткого суждения, например, сформулировать ее мораль или дать правильную оценку поступкам и характерам героев. Нас с раннего детства учат отличать в сказках добро от зла, находить мораль истории и делать правильные выводы.

Однако если попытаться проанализировать такой процесс обучения с эпистемологической точки зрения, то сразу же возникает полное недоумение. В общих чертах сценарий этого процесса выглядит так. Предположим, что некий человек – «рассказчик» – обладает неким знанием, которое может быть выражено в виде истинной пропозиции p . Проще говоря, рассказчик знает, что p . При этом другой человек – «слушатель» – не знает, что p . Рассказчик хочет, чтобы слушатель тоже знал, что p . Для этого рассказчик проговаривает слушателю ряд ложных пропозиций f_1, f_2, \dots, f_n . По окончании речи рассказчика слушатель тоже знает, что p . При таком изложении данный сценарий кажется абсурдным. Откуда слушатель узнал, что p , если рассказчик не произносил p ? Как слушатель мог узнать от рассказчика истину, если слышал от него только ложь? И как получилось, что слушатель узнал именно ту пропозицию, которую хотел передать ему рассказчик, а не какую-то другую? Эти вопросы выглядят вполне обоснованными.

Итак, данный процесс передачи знания интуитивно кажется эффективным и надежным, однако при попытке анализа он представляется невозможным. В связи с этим возникает желание уточнить суть теоретических претензий к данному процессу и сформулировать их в виде более ясных аргументов, а также попытаться защитить нашу интуитивную позицию, выдвинув возражения против этих аргументов. Для этого будет целесообразно отыскать в аналитической философской традиции уже имеющиеся эпистемологические аргументы против данной концепции имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания и возможные возражения против них. К сожалению, насколько я могу судить, в современной аналитической эпистемологии практически отсутствуют исследования имплицитного содержания поучительных историй. Анализом содержания вымышленных нарративов обычно занимается аналитическая философия литературы как раздел аналитической эстетики, и именно эта область исследований является наиболее богатым и перспективным источником интересующих нас эпистемологических аргументов. Однако заимствовать аргументы из философии литературы следует с некоторой осторожностью. Во-первых, аналитическая философия литературы представляет собой, скорее, междисциплинарное направление, в котором преобладают философия языка, онтология, эпистемология и логика, а также используются элементы психологии, антропологии, филологии и других гуманитарных наук. Поэтому зачастую вопросы познания обсуждаются в ней на фоне каких-то более общих проблем, напрямую не связанных с узкой эпистемологической проблематикой. Во-вторых, объектом исследования философии литературы преимущественно являются большие и сложные художественные произведения, а не краткие поучительные истории. Скрытый смысл басни

или притчи интуитивно ясен и однозначен, в то время как попытки понять, что конкретно хотел сказать своим произведением автор романа или пьесы, требуют немалых усилий и редко приводят к единогласному мнению. Поэтому аргументы, актуальные для философии литературы, могут оказаться неприменимыми для нашего исследования.

Данная статья не является обзором имеющейся литературы или рефератом на тему нарративной передачи знания. Цель работы состоит в том, чтобы выявить и систематизировать возможные направления полемики по исследуемой проблеме. В статье описаны следующие направления потенциальных дискуссий: проблема отсутствия обоснования передаваемого историей знания, незнание слушателем намерений рассказчика, отсутствие когнитивной ценности у вымысла, сомнение в том, является ли получаемое из истории знание пропозициональным и новым, и, наконец, непонимание механизма извлечения скрытого знания из истории.

1. Обоснование, формирование и передача знания

Первое направление критики концепции имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания связано с отсутствием какого-либо обоснования истинности смысла истории, в частности, эмпирического подтверждения (*evidence*) или дедуктивных аргументов. Напомню, что в нашем рабочем сценарии слушатель исходно не знает истинную пропозицию p , затем он слышит ложные пропозиции f_1, f_2, \dots, f_n , после чего он вдруг откуда-то знает, что p . В традиционной эпистемологии принято считать, что для того, чтобы знать, что p , недостаточно просто верить, что p , но нужно вдобавок иметь хоть какие-то доводы в поддержку ее истинности. В нашем сценарии доказательный арсенал слушателя не обогатился ничем кроме бесполезного набора ложных пропозиций. Получается, что даже если в итоге слушатель как-то сформировал в своем уме пропозицию p и поверил в ее истинность, ему все равно недостает обоснования для того, чтобы эта вера переросла в знание.

Какие здесь возможны возражения? Первая, – на мой взгляд, наиболее уязвимая – стратегия защиты состоит в том, чтобы все-таки попытаться отыскать какие-то подтверждения и аргументацию в услышанной истории. Например, эмпирическим подтверждением может быть личный опыт сопереживания вымышленному персонажу, а аргументация может быть не логической, а, например, риторической [Mikkonen, 2013, pp. 87-92]. Но в таком случае возникает непростой вопрос о том, насколько личные эмоциональные переживания и риторические приемы аргументации могут претендовать на достаточное обоснование знания.

Другой стратегией может быть отказ от JTB-концепции знания. Согласно этой наиболее авторитетной и популярной концепции, знание – это обоснованная истинная вера (*Justified True Belief* = JTB), и именно в рамках данной концепции знание всегда требует обоснования. Однако помимо JTB существуют и другие эпистемологические подходы к знанию, в которых бремя переносится с процедуры внутреннего обоснования на, например, надежность познавательных процессов или на эпистемические добродетели познающего субъекта. При такой стратегии претензия об отсутствии аргументов или эмпирического подтверждения автоматически теряет силу. Однако здесь сразу же возникает не менее сложная проблема того, насколько надежным или эпистемически добродетельным является доверие содержанию или автору вымышленной истории.

Наиболее успешной и, как мне кажется, единственно правильной стратегией будет рассматривать обсуждаемый сценарий как процесс не формирования, а передачи знания. Традиционно эпистемология рассматривала знание как нечто, что субъект формирует в себе сам. Но в последние десятилетия в связи с развитием эпистемологии свидетельства (*testimony*) утвердилось новое представление о том, что знание – это что-то, что может быть не только сформировано самостоятельно, но также принято в готовом виде от другого носителя¹. Концепция передачи знания является не какой-то новой альтернативой или конкурентом традиционным теориям, а вполне уместным и респектабельным дополнением к ним [см., напр.: Gresco, 2020]. В рамках этой концепции признается существование двух путей познания: либо формирование (*generation*) посредством собственных когнитивных способностей (восприятия, рассуждения и т. п.), либо передача (*transmission*) посредством социальных связей. В первом случае бремя эпистемической ответственности лежит на формирующем знание субъекте, а во втором – на распространителе знания.

Наиболее часто встречающимся в жизни и обсуждаемым в литературе способом передачи знания является свидетельство (*testimony*). Как выглядит сценарий свидетельской передачи знания? Исходно рассказчик знает, что p , а слушатель не знает, что p . Далее, рассказчик хочет, чтобы слушатель тоже знал, что p , и для этого произносит p . В итоге слушатель тоже знает, что p . Этот сценарий распространения знания повсеместно встречается в быту, в средствах массовой информации, в школе, в науке. В этом сценарии нет никакого обоснования, подтверждения или аргументации в защиту p , однако это не вызывает сомнений в том, что полученные сведения являются знанием. Надежность передаваемой информации обусловлена не содержанием речи рассказчика, а социальным контекстом, в котором происходит эта передача². Теперь вернемся к нашему сценарию нарративной передачи знания. Предположим, что эта передача точно так же происходит в неких социально одобренных условиях распространения знания. Чем же тогда отличается свидетельская передача знания от нарративной? Она отличается лишь тем, что при свидетельской передаче рассказчик произносит истинную пропозицию p , а при нарративной – ложные пропозиции f_1, f_2, \dots, f_x . Ни в том, ни в другом случае рассказчик не приводит никакого обоснования истинности p . И коль скоро в случае свидетельской передачи у нас не возникает претензий к отсутствию обоснования p , то по аналогии их не должно возникать и в случае нарративной передачи.

2. Намерения рассказчика

В предыдущем разделе мы определились с тем, что обучение посредством вымышленных историй следует рассматривать как процесс передачи знания. Однако здесь сразу же возникает новый аргумент против нашей концепции, связанный с тем, что слушателю неизвестно намерение рассказчика. Что если смысл истории неоднозначен, и в уме слушателя возникает сразу несколько версий того, что хотел сказать рассказчик? Как он сможет разобраться, какое именно знание ему пытаются передать? Возможна ли вообще передача знания в такой ситуации?

¹ Одним из родоначальников современной аналитической эпистемологии свидетельства является Майкл Велборн, который, опираясь на работы Дж. Л. Остина, выдвинул тезис, что «знание передаваемо, коммуницируемо» (“knowledge is transmissible, communicable”) [Welbourne, 1979, p. 3].

² Подробнее о необходимых для передачи знания социальных условиях [см.: Бутаков, 2017].

Конечно же, рассказчик иногда сам раскрывает свое намерение, завершая повествование открытой декларацией подразумеваемого смысла истории: «Мораль сей басни такова ...». Однако такая ситуация выходит за рамки нашего сценария и исследуемой проблемы, поскольку в ней рассказчик помимо ложных пропозиций f_1, f_2, \dots, f_x произносит истинную пропозицию p , и только после этого слушатель, услышав p , получает знание, что p . В этом случае происходит не имплицитная, а эксплицитная передача знания, больше напоминающая вышеупомянутую передачу посредством свидетельства.

В нашем исходном сценарии слушатель поверил в истинность p , услышав лишь ложные пропозиции f_1, f_2, \dots, f_x . Теперь предположим, что слушатель при этом не уверен, что рассказчик хотел передать ему знание именно пропозиции p , а не какой-то другой пропозиции, скажем, q . Является ли вера слушателя, что p , знанием? По-видимому, нет. Если рассказчик намеревался передать слушателю знание, что q , а слушатель при этом поверил, что p , то передача знания не состоялась. В таком случае получается, что слушатель самостоятельно сформировал веру, что p . А раз это была не передача знания, а формирование, то мы вновь возвращаемся к проблемам обоснования, описанным в предыдущем разделе. В этой ситуации эпистемически ответственный слушатель будет рассуждать так: «Я знаю, что рассказчик обладает каким-то знанием и пытается мне его передать. Но я не уверен, что именно он хотел мне сказать своей историей. Мне показалось, что он хотел сказать, что p . И я поверил, что p . Но моя вера, что p , ничем не обоснована. Я не могу апеллировать к знанию рассказчика, поскольку я не уверен, что он знает, что p . Поэтому даже если моя вера вдруг окажется не напрасной, и p на самом деле истинна, я все равно не знаю, что p ». Стоит заметить, что в такой ситуации даже неважно то, смог ли слушатель случайно угадать намерение рассказчика или нет. До тех пор, пока слушатель сомневается в том, какую именно мысль хотел передать ему рассказчик, возникшая в уме слушателя вера, что p , не может быть знанием, что p .

Эта проблема отчасти перекликается с одной из центральных дискуссий в аналитической философии литературы: спором анти-интенционалистов с интенционалистами. Анти-интенционалисты утверждают, что смысл художественного произведения не зависит от намерений его создателя, и интерпретация искусства не нуждается в отсылках к замыслу автора [Wimsatt & Beardsley, 1946]. Радикальные интенционалисты настаивают на том, что единственным смыслом произведения является лишь тот, который хотел вложить в него автор, поэтому достоверная интерпретация требует ссылок на дополнительные источники: культурный и исторический контекст, дневники автора и современников, другие произведения того же автора и т. п. [Hirsch, 1967]. При этом существуют и промежуточные позиции – умеренный интенционализм, гипотетический интенционализм, – в которых в разной степени допускаются как авторский замысел, так и независимые смыслы. Могут ли аргументы участников этой дискуссии помочь решению нашей проблемы? Боюсь, что нет. Безусловно, сама постановка проблемы необходимости учета намерения автора, является для нас весьма актуальной, однако непосредственные аргументы философов литературы будут неприменимы в нашей ситуации. Дело в том, что предметом их спора являются объемные и многогранные литературные произведения, не поддающиеся простому и однозначному толкованию. Все участники этого спора по умолчанию занимают позицию, согласно которой обсуждаемый текст порождает

множество возможных интерпретаций, и суть всей дискуссии сводится к выбору критериев оценки этих интерпретаций. Даже радикальные интенционалисты, полагающие, что единственно верной интерпретацией является та, которая соответствует замыслу автора, при этом признают, что этот замысел невозможно с уверенностью почерпнуть из самого текста, откуда и возникает необходимость обращения к внешним источникам. Применительно к нашему упрощенному сценарию эта дискуссия выглядит так: слушатель, ознакомившись с вымышленными пропозициями f_1, f_2, \dots, f_x , формирует в уме пропозиции p и q , каждая из которых, по его мнению, может претендовать на смысл текста. Если слушатель анти-интенционалист, то далее он по каким-то своим критериям выбирает из них p , после чего верит, что p . Поскольку анти-интенционалист не знает и не хочет знать намерения автора, то, как было показано выше, передача знания здесь не происходит, и вера слушателя не является знанием. Если же слушатель является радикальным интенционалистом, то он проводит дополнительное расследование и выясняет, что намерением автора была пропозиция p . В результате слушатель знает, что p . Однако в этом случае его знание является результатом не имплицитной передачи посредством вымышленной истории, а эксплицитного восприятия p от самого автора, подобно передаче знания посредством свидетельства или «морали сей басни», добавленной автором в конце истории. Получается, что ни интенционализм, ни анти-интенционализм не подходят для объяснения имплицитной передачи знания.

Итак, перед нами по-прежнему стоит задача защитить концепцию имплицитной нарративной передачи знания от аргумента про неизвестность намерений рассказчика. По-видимому, в вышеупомянутой ситуации, когда слушатель не может уверенно распознать главный смысл истории, никакой передачи знания действительно не происходит, и нам нет смысла защищать то, чего нет. Но такая ситуация возникает не всегда. Чаще всего смысл поучительной истории вполне прозрачен и однозначен, и у слушателя не возникает сомнений в правильности его интерпретации. Не следует забывать, что в нашем сценарии рассказчик *хочет* передать свое знание слушателю, поэтому он заинтересован в том, чтобы смысл его истории был ясен и очевиден. Рассказчик не станет как Шалтай-Болтай из «Алисы в Зазеркалье» вкладывать смысл в слова непредсказуемым образом, но будет придерживаться конвенции. Ведь передача знания – это, по сути, коммуникация, а всякая успешная коммуникация должна происходить в рамках общепринятых правил. Таким образом, если слушатель однозначно понял смысл истории, то у него есть надежные основания считать, что это и есть тот самый смысл, который намеревался передать ему рассказчик.

Наверное, упрямый скептик все равно может возразить, что каким бы ясным ни казался смысл истории, слушатель все равно никогда не будет до конца уверен, что правильно понял намерение рассказчика. Но это возражение мы просто проигнорируем. Подобные скептические возражения могут быть выдвинуты против любой процедуры познания. Например, при передаче знания посредством свидетельства мы точно так же никогда не можем быть до конца уверены, что правильно поняли сообщение рассказчика. Однако успешная передача не требует абсолютной степени уверенности, ей хватает достаточной степени. Точно так же и в нашем сценарии, если слушатель достаточно уверен в том, что правильно понял смысл истории, то аргумент про неизвестность намерений рассказчика теряет силу.

3. Когнитивное содержание историй

Следующее направление критики, также заимствованное из дискуссий в философии литературы, вызвано сомнением в том, есть ли у вымышленных историй объективная когнитивная ценность и когнитивное содержание. Когнитивисты считают, что есть. Анти-когнитивисты настаивают на обратном, приводя следующие аргументы. Во-первых, основная цель литературы связана не с познанием, а с эмоциями, и искать в ней какое-либо когнитивное содержание – значит использовать ее не по назначению [Lamarque & Olsen, 1994]. Даже если автор намеревался дополнительно вложить в свое произведение какое-то когнитивное содержание, и даже если публика смогла его оттуда извлечь, то это является случайным побочным эффектом, не заслуживающим внимания. Во-вторых, любое когнитивное содержание, которое может возникнуть в результате чтения художественного произведения, является продуктом индивидуального субъективного восприятия и не может быть приписано объективному содержанию произведения. В-третьих, анти-когнитивистам неясно, каким образом предполагаемое когнитивное содержание могло бы достигать конечной цели, то есть, быть усвоено слушателем. Ведь даже если слушатель способен распознать в истории некую идею, из этого вовсе не следует, что он согласится с ней и примет как свою [Lamarque & Olsen, 1994, p. 384]. Если когнитивное содержание истории не достигает цели, то она не имеет когнитивной ценности.

Наша концепция имплицитной нарративной передачи знания подразумевает когнитивистскую трактовку содержания поучительных историй, поэтому нам необходимо найти возражения против трех указанных аргументов анти-когнитивистов. На первый аргумент можно возразить, что даже если согласиться с тем, что первоочередной целью истории является воздействие на эмоции, это еще не доказывает отсутствия в ней когнитивного содержания, каким бы второстепенным оно ни было. Вдобавок, данный аргумент анти-когнитивистов, возможно, был бы более убедительным при обсуждении сложных драматических произведений, скажем, романа или поэмы, не имеющих очевидного когнитивного содержания. В нашем же случае речь идет о поучительных историях, главное содержание которых является дидактическим, т.е. когнитивным. Второй аргумент, связанный с субъективностью восприятия, может быть проверен эмпирическим путем. Если история вызывает разные интерпретации у разных слушателей, то ее объективная когнитивная ценность, безусловно, будет сомнительной. Но если большинство слушателей извлекает из истории один и тот же смысл, то это будет веским доводом в пользу объективности ее когнитивного содержания и, следовательно, неубедительности данного аргумента. Третий аргумент наносит удар по самому неясному и, вероятно, уязвимому аспекту процесса имплицитной нарративной передачи знания. У нас действительно нет четкого понимания того, каким именно образом слушатель из набора ложных пропозиций f_1, f_2, \dots, f_x ухитряется извлечь истинную пропозицию p , да еще и поверить в ее истинность. Автор аргумента полагает, что без понимания этого механизма мы не можем говорить о том, что когнитивное содержание истории достигло цели. С этим можно поспорить. Мы вполне можем напрямую убедиться в том, что слушатель понял идею истории, согласился и принял ее. Другими словами, мы можем знать, что содержание истории достигло своей конечной цели, даже если не знаем, каким путем оно ее достигло.

4. Новое пропозициональное знание

Итак, мы можем обоснованно полагать, что поучительные истории обладают когнитивным содержанием. Но здесь критики могут заявить, что усвоение этого когнитивного содержания не является получением нового пропозиционального знания. Чем же тогда, по мнению критиков, оно является? Во-первых, поучительная история может дать нам расширенное понимание какой-то идеи. Она не сообщает никакой новой информации, а устанавливает новые связи между теми пропозициями, которые уже содержатся в нашем сознании, или меняет наши приоритеты, наделяя большей или меньшей степенью важности какие-то уже имеющиеся сведения [Бутаков, 2024, с. 15-18]. Во-вторых, история может дать нам что-то вроде инсайта или озарения о том, как решить некую проблему. При этом мы, опять же, не узнаем ничего нового, но лишь обнаруживаем искомое решение среди того, что нам уже известно. В-третьих, содержанием истории может быть так называемая «художественная истина» – творческий образ реальности, который интуитивно воспринимается нами как нечто настоящее и важное. Такая истина с трудом поддается описанию словами. Даже если нам удастся выразить ее в виде одного предложения, например, «Весь мир театр» или «Красота спасет мир», то такое утверждение не будет иметь истинностного значения. Следовательно, художественная истина не может быть объектом знания в эпистемологическом смысле слова. В-четвертых, когнитивное содержание истории может быть знанием в эпистемологическом смысле, однако это знание будет непропозициональным. Например, мы можем узнать из истории, каково это – оказаться в некоторой ситуации, или узнать личность героя, особенности его характера и переживаний, понять внутренние мотивы его поступков [Там же, с. 20-21]. Такое знание не может быть выражено посредством пропозиции, то есть, оно не является пропозициональным. Наконец, в-пятых, даже если когнитивное содержание поучительной истории может быть знанием и может быть выражено пропозицией, то это будет некий тривиальный тезис наподобие «Доброта похвальна» или «Для получения результата нужно приложить усилия», который не является для слушателя новым знанием.

Защищаемая нами концепция имплицитной передачи знания требует, чтобы передаваемое знание было пропозициональным и новым для слушателя. Ведь, согласно нашему сценарию, сначала слушатель не знает, что p , а в конце знает, что p . Как мы можем возразить доводам критиков? Все перечисленные доводы не представляют никакой угрозы для нашей концепции, ведь они не доказывают того, что когнитивное содержание поучительной истории не может включать нового пропозиционального знания. Безусловно, иногда истории способствуют расширению понимания, приводят к озарению, сообщают некую художественную истину, знакомят нас с различными характерами и ситуациями или повторяют важные общеизвестные истины. Но это никак не исключает того, что помимо всего этого поучительные истории могут передать слушателю что-то еще, например, новое пропозициональное знание.

5. Извлечение имплицитной пропозиции

В заключение следует обратить внимание на эпистемическую процедуру извлечения истинной пропозиции из вымышленной истории. Поскольку, как уже было сказано, у нас нет ясных представлений о механизме данной процедуры, это делает ее наиболее уязвимым

местом для критики всей концепции имплицитной нарративной передачи знания. В данном разделе я приведу три аргумента из философии литературы, которые имеют отношение к данной проблеме.

Первый аргумент основывается на факте отсутствия общеизвестных представлений о правилах толкования поучительных историй [Mikkonen, 2013, p. 50]. В общих чертах, он выглядит так. *Посылка 1.* Если бы поучительные истории использовались для имплицитной передачи знания, то людям были бы известны универсальные правила извлечения имплицитного знания из историй. *Посылка 2.* Однако такие правила людям неизвестны. *Заключение.* Следовательно, поучительные истории не используются для имплицитной передачи знания.

Некоторые философы, защищая концепцию имплицитного пропозиционального знания, выдвигают возражение против *Посылки 2.* Они утверждают, что на самом деле принципы понимания смысла историй достаточно известны и понятны, по крайней мере, на интуитивном уровне. Эти принципы аналогичны принципам аргументации и правилам логики. Подобно тому, как в логическом аргументе заключение следует из посылок, так и в истории мораль является заключением, которое следует из повествования [Gallie, 1964, p. 24]. Если в философии или науке используется логическая или фактическая структура доказательства, то в литературе используется «драматическая структура» [Gibson, 2007, p. 4].

В ответ на это критики выдвигают другой аргумент. Сравнение выведения морали из истории с логическим выводом заключения из посылок некорректно. Это сравнение держится лишь на поверхностном сходстве и туманной терминологии. Чтобы утверждать о наличии каких-либо правил вывода, нужно их хоть как-то предъявить или описать, пусть даже неформально, а этого защитники имплицитного знания не делают [Margolis, 1965, p. 159]. Следовательно, у нас по-прежнему нет оснований говорить о существовании хоть каких-то универсальных принципов толкования историй.

Таким образом, без понимания механизма извлечения знания из истории мы не можем защититься от первого аргумента через отрицание *Посылки 2.* Однако вместо этого мы можем поспорить с *Посылкой 1*, т. е. с утверждением о том, что использование историй для передачи знания невозможно без знания универсальных правил. Мы вполне успешно пользуемся какими-то средствами, не зная принципов их работы. Мы можем вскипятить чайник, не зная законов электро- и термодинамики, можем рассуждать логично, не зная законов логики, и можем делиться своими мыслями, не зная правил коммуникации. Другими словами, наше незнание механизма извлечения знания еще не доказывает его отсутствие.

Третий аргумент против имплицитной передачи знания направлен на доказательство того, что история не может быть источником той пропозиции, которую слушатель, по его мнению, извлекает из нее. Во-первых, эта пропозиция не встречается в тексте истории. Во-вторых, эта пропозиция не является логическим следствием тех пропозиций, из которых состоит история. В-третьих, эта пропозиция состоит из абстрактных понятий и выражается терминами, которых в истории тоже нет. Например, если кто-то будет утверждать, что имплицитным содержанием романа Дж. Оруэлла «1984» является тезис о том, что тоталитаризм подавляет человеческую индивидуальность, ему можно возразить, что на страницах романа не встречается не только эта или похожие на нее фразы, но даже само слово «тоталитаризм» [Kieran & Lopes, 2006, p. xii]. Следовательно, история не может быть источником этой пропозиции.

Очевидно, что первые два замечания, по сути, являются не возражением против концепции имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания, а описанием этой концепции. Ведь имплицитность пропозиции как раз и заключается в том, что она не содержится в тексте в явном виде и не выводится из текста логическими средствами. Отсутствие в тексте использованных в формулировке пропозиции слов также не является серьезной претензией, поскольку одно и то же понятие может быть выражено разными терминами. Например, слово «тоталитаризм» в указанном тезисе можно заменить на «режим, при котором государство полностью распоряжается жизнью граждан», и от этого смысл пропозиции не изменится. Наиболее веским из перечисленных замечаний является то, что в тексте истории отсутствуют понятия, из которых состоит пропозиция. Чтобы уверенно ответить на вопрос о том, откуда в уме слушателя берутся эти понятия, нужно знать механизм извлечения имплицитной пропозиции из текста истории. Но, как уже было не раз замечено, у нас пока нет обоснованных представлений о том, как это происходит. Я полагаю, что эти понятия являются результатом мысленного обобщения тех конкретных вещей, событий и обстоятельств, которые описаны в истории³. Например, понятие тоталитаризма может быть сформировано в уме как «тип государственного режима, подобный описанному в романе “1984”». В любом случае, отсутствие какого-то понятия в тексте истории не исключает того, что эта история может послужить источником возникновения этого понятия в уме слушателя. Таким образом, данный аргумент не доказывает того, что история не может быть источником извлекаемой из нее пропозиции.

Заключение

Итак, мы сформулировали и рассмотрели пять проблемных вопросов к концепции имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания. Во-первых, каково обоснование этого знания? Во-вторых, как возможна передача знания, если слушатель не уверен, что правильно понял намерения рассказчика? В-третьих, есть ли в вымышленной истории ценное когнитивное содержание? В-четвертых, может ли знание, полученное из истории, быть выражено в виде ранее неизвестной слушателю пропозиции? И в-пятых, как можно извлечь из истории какую-то пропозицию, если она не представлена в истории в явном виде? Обсуждение данных вопросов представлено в статье в виде возможных аргументов против данной концепции и возражений на них. Значительная часть этих аргументов заимствована из аналитической философии литературы и адаптирована к обсуждению указанных эпистемологических проблем.

При этом в работе практически отсутствуют развернутые обоснованные ответы на поставленные вопросы, а большинство предложенных доводов в защиту концепции сводятся лишь к демонстрации несостоятельности направленных против нее аргументов. Этому есть два объяснения – интуитивное и теоретическое. С одной стороны, процесс получения знания из поучительных историй знаком нам с раннего детства, мы интуитивно считаем его эффективным и надежным и не испытываем внутренней потребности в каких-то дополнительных аргументах в его защиту. Поэтому нам кажется вполне достаточным лишь

³ Подробнее о понимании смысла истории через обобщение и другие процедуры [см.: Бутаков, 2024, с. 19; Бутаков, 2025].

отразить возможную критику. С другой стороны, содержательные ответы на поставленные вопросы невозможны без теории имплицитной нарративной передачи пропозиционального знания и понимания эпистемического механизма извлечения скрытых пропозиций из вымышленной истории. В нашем распоряжении пока нет ни подходящей теории, ни достаточного понимания этого механизма. Однако данное положение дел – это не повод для пессимизма, а, наоборот, мотивация для новых и перспективных исследований.

Список литературы / References

- Бутаков, П. А. (2017). Социальная верификация религиозного знания. *Эпистемология и философия науки*. Т. 53. № 3. С. 58-67. DOI: 10.5840/eps201753346
- Butakov, P. A. (2017). Social Verification of Religious Knowledge. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 53. No. 3. Pp. 58-67. DOI: 10.5840/eps201753346 (In Russ.)
- Бутаков, П. А. (2024). Нарративная передача знания. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23
- Butakov, P. A. (2024). Narrative Transmission of Knowledge. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23 (In Russ.)
- Бутаков, П. А. (2025). Имплицитное содержание нарратива Евангельских притч. *Schole*. Т. 19. № 2. С. 1190-1203. DOI:10.25205/1995-4328-2025-19-2-1190-1203
- Butakov, P. A. (2025). Implicit Narrative Meaning of the Gospel Parables. *Schole*. Vol. 19. No. 2. Pp. 1190-1203. DOI:10.25205/1995-4328-2025-19-2-1190-1203 (In Russ.)
- Gallie, W. B. (1964). *Philosophy and the Historical Understanding*. London. Chatto & Windus.
- Gibson, J. (2007). *Fiction and the Weave of Life*. Oxford. Oxford University Press.
- Greco, J. (2020). *The Transmission of Knowledge*. New York. Cambridge University Press.
- Hirsch, E. D. (1967). *Validity in Interpretation*. New Haven, CT. Yale University Press.
- Kieran, M., Lopes, D. M. (eds.). (2006). *Knowing Art: Essays in Aesthetics and Epistemology*. Dordrecht. Springer.
- Lamarque, P., Olsen, S. H. (1994). *Truth, Fiction, and Literature: A Philosophical Perspective*. Oxford. Clarendon Press.
- Margolis, J. (1965). *The Language of Art and Art Criticism: Analytic Questions in Aesthetics*. Detroit. Wayne State University Press.
- Mikkonen, J. (2013). *The Cognitive Value of Philosophical Fiction*. London. Bloomsbury.

Welbourne, M. (1979). The Transmission of Knowledge. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 29. No. 114. Pp. 1-9.

Wimsatt, W. K., Beardsley, M. C. (1946). The Intentional Fallacy. *The Sewanee Review*. Vol. 54. Pp. 468-488.

Сведения об авторе / Information about the author

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Butakov Pavel – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

УДК 1(091)

РУССКИЙ ПЛАТОН VS РУССКИЙ АРИСТОТЕЛЬ: РЕЖИМЫ КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ*

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rina.volf@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена методологическим основаниям сопоставления феноменов «русского Платона» и «русского Аристотеля». Автор предлагает отказаться от привычного нарратива о количественной оценке присутствия философов в русской культуре или «величины» каждого философа в пользу анализа различных режимов апроприации, через которые российская культура включала их идеи в процесс своего самоопределения. Ключевым методологическим ходом является различие между рецепцией как исторически обусловленным восприятием доктрин в их контексте, и апроприацией как целенаправленным, часто аисторичным присвоением идей для решения актуальных задач присваивающей культуры. Статья строится вокруг комментария, который рассматривается не как вторичный жанр, а как первичный механизм такой апроприации, активная форма философствования, преобразующая интуиции в дисциплинарные языки. На материале программной статьи Р. В. Светлова о «русском Платоне» демонстрируется, что платоновское наследие, интерпретированное как символический горизонт, задающий предельные вопросы, и понятое в качестве «начала философии», оформляется в этих рамках в сопоставлении с фигурой Аристотеля, которая тем не менее остается в тени «героизированного мифа» о Платоне. Обосновывается, что эта асимметрия обусловлена не внутренним превосходством платонизма, а разницей в режимах присвоения: платонизм стал культурным символом и экзистенциальным мерилем, тогда как аристотелизм был присвоен как методологический и логический инструментальный, необходимый для построения рациональных дискурсов, но лишенный аналогичной символической ауры. Тем самым «русский Платон» предстает продуктом длительной культурной работы комментария и героизации, а «русский Аристотель» – его тенью методологическим фундаментом. Статья заключает, что восстановление баланса между этими двумя «зеркалами» русской мысли требует осознания комментаторской природы самой философской традиции и перехода от однополярной (платоновской символической и духовной) модели самоописания к биполярной, учитывающей в равной мере ценность как символического горизонта, так и аналитического метода.

Ключевые слова: русский Платон, русский Аристотель, апроприация, рецепция, философский комментарий, символ, методология, самоопределение культуры, интеллектуальная культура, Р. В. Светлов.

Для цитирования: Вольф, М. Н. (2025). Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 53-67. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.53-67

RUSSIAN PLATO VS. RUSSIAN ARISTOTLE: MODES OF CULTURAL APROPRIATION*

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rina.volf@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01811, <https://rscf.ru/project/24-28-01811/>

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01811, <https://rscf.ru/project/24-28-01811/>

Abstract. The paper explores the methodological foundations for comparing the phenomena of the “Russian Plato” and the “Russian Aristotle”. The author proposes abandoning the conventional narrative of quantitatively assessing the presence of philosophers in Russian culture or the “significance” of each philosopher in favor of analyzing the various modes of appropriation through which Russian culture incorporated their ideas into its self-definition. A key methodological approach is the distinction between reception as the historically conditioned perception of doctrines, seen in their context, and appropriation as the purposeful, often ahistorical, appropriation of ideas to address the pressing challenges of an appropriating culture. The article centers on commentary, which is viewed not as a secondary genre, but as the primary mechanism of such appropriation, an active form of philosophizing that transforms intuitions into disciplinary languages. Using R. V. Svetlov's keynote article on the “Russian Plato”, it is demonstrated that Plato's legacy, interpreted as a symbolic horizon posing ultimate questions and understood as the “beginning of philosophy”, is shaped within this framework only by the figure of Aristotle, who nevertheless remains in the shadow of the “heroic myth” of Plato. It is argued that this asymmetry is due not to the intrinsic superiority of Platonism, but to the difference in the modes of appropriation: Platonism became a cultural symbol and existential yardstick, while Aristotelianism was appropriated as a methodological and logical toolkit necessary for constructing rational discourses, but lacking a similar symbolic aura. Thus, the “Russian Plato” emerges as the product of a long cultural process of commentary and heroization, while the “Russian Aristotle” emerges as its shadowy methodological foundation. The article concludes that restoring the balance between these two “mirrors” of Russian thought requires an awareness of the commentary nature of the philosophical tradition itself and a transition from a unipolar (Platonic symbolic and spiritual) model of self-description to a bipolar one that takes into account equally the value of both the symbolic horizon and the analytical method.

Keywords: Russian Plato, Russian Aristotle, appropriation, reception, philosophical commentary, symbol, methodology, self-determination of culture, intellectual culture, R. V. Svetlov.

For citation: Volf, M. N. (2025). Russian Plato vs. Russian Aristotle: Modes of Cultural Appropriation. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 53-67. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.53-67

В последние годы в отечественном интеллектуальном пространстве активно обсуждается вопрос оценки наследия Аристотеля в русской культуре. Толчком к его актуализации послужило празднование 2400 лет со дня рождения философа в 2016 г. Этот повод закономерно выдвинул аристотелевский вопрос с периферии историко-философских исследований на передний план, развернув умы российских антиковедов не только в направлении общей ревизии аристотелеведения в России, но и к общей ревизии культурных оснований и генезиса национальной философской традиции. Сегодня, спустя почти 10 лет, юбилейный импульс не только не угас, но, подняв волну качественно новых исследований и дискуссий, постепенно возвращает Аристотелю статус мощного интеллектуального ресурса для самосознания отечественной культуры.

В тоже время осмысление «русского Аристотеля» почти неизменно происходит через противопоставление уже устоявшемуся и концептуально оформленному образу «русского Платона». Такой ход риторически понятен: в русском культурном дискурсе к имени Платона привычно добавляется эпитет «Великий», а его образ, героизированный по многим параметрам, включая глубину его метафизических интуиций, религиозную и духовную устремленность, трагичность и драматичность как самого образа философа, так и его трудов, моральный идеализм, предвосхищение христианских истин, непревзойденный философский, нравственный, дидактический авторитет, культурную и историческую миссию и т. д., давно стал точкой отсчета и мерой оценки. На таком фоне наследие Аристотеля неизбежно уходит в тень и хуже распознается как цельный или даже необходимый фокус обсуждения.

Тому, что обсуждение Аристотеля в России выстраивается через диалог с «героическим мифом» о Платоне, есть вполне резонное объяснение. Устойчивый сам по себе, этот миф питается ставшими почти архетипическими для русской философской и духовной культуры фигурами В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева и усиливается харизмой советских и российских интеллектуалов-платоников, таких как С. С. Аверинцев, В. В. Библихин, а в последние десятилетия – Р. В. Светлов, благодаря которым закрепилась и поддерживается русская религиозно-философская и мистическая традиция прочтения платоновского наследия, что в немалой степени поспособствовало значительной символизации и доминированию платоновской линии. Несмотря на то, что Аристотель глубоко институционализирован и вписан в русскую интеллектуальную мысль и образовательную систему, научную рациональность, логику, теологию¹, отсутствие в аристотелизме яркой фигуры, сопоставимой по влиянию и харизме с исследователями-платониками, не позволило превратиться ему в сопоставимый по значимости с Платоном культурный символ, довольствуясь не до конца отрефлексированным культурой присутствием.

Несмотря на то, что в историографии XIX–XX вв. образы Платона и Аристотеля работают как культурные «линзы», через которые русская мысль пыталась осмыслить свои основания, она предпочла увидеть себя в платоновском зеркале «духа» нежели в аристотелевском зеркале «разума», что повлекло за собой нарратив об ограниченной рецепции Аристотеля, а порой и более радикальные заявления о том, что русского Аристотеля нет². Однако дистинкция «русский Платон vs русский Аристотель» – это не банальный спор о предпочтениях, это историко-философская саморефлексия русской интеллектуальной культуры, которая через разные типы рецепции и апроприации предлагает и различные способы аналитического самоописания. Если отказаться от привычного соблазна сравнивать Платона и Аристотеля как «величины», споря, кто из них более велик, и заменить методологически бесплодную оценку их присутствия в русской культуре посредством риторики «есть/нет», «больше/меньше» на анализ режимов присвоения этих двух философов и их наследия, то можно увидеть, что русская культура присваивала и Платона, и Аристотеля, но делала это по-разному, используя для их апроприации разные дисциплинарные языки.

Важно осознавать, что дистинкция значимости Платона и Аристотеля не является исключительно русским изобретением или искусственно сконструированной моделью. Она укоренена внутри традиции западноевропейской философии, многократно в своей истории воспроизводящей противопоставленные друг другу платоновский идеализм и аристотелевский эмпиризм. Знаменитый афоризм Уайтхеда, часто повторяемый на протяжении XX в., что вся история европейской философии представляет собой ряд подстрочных примечаний к Платону³, высвечивает естественный историко-философский контекст этой дистинкции. Она задается прежде всего асимметрией величин «Учитель –

¹ Приведем ряд исследований, которые наглядно отражают эту ситуацию: [Орлов, Егорова, 2025; Егорова, 2024; Минак, 2020; Орлова, Соловьев, 2016].

² Некоторые методологические соображения по этому вопросу были высказаны в статье [Вольф, 2024].

³ Приведем это высказывание в оригинале: «The safest general characterization of the European philosophical tradition is that it consists of a series of footnotes to Plato» [Whitehead, 1967, p. 63]. Нужно отметить, что Уайтхед оговаривает, что речь идет не о заимствовании систематической схемы мышления, а лишь о том, что работы Платона стали неисчерпаемым источником идей [Ibid]. Это важное замечание пригодится нам ниже.

Ученик», в которой ученик, как правило, мыслится вторичным, тем, кто повторяет и развивает уже заложенное в идеях учителя. Уайтхедовское прочтение не просто еще раз возвеличивает Платона – оно фактически заставляет видеть в наследии Аристотеля только «подстрочный комментарий». В известном смысле мы имеем дело с мифом, однако его значимость и культурная предрасположенность к принятию этого мифа о «платонической» природе всей западноевропейской, но особенно – русской интеллектуальной и духовной традиции не способствуют автономному прочтению фигуры Аристотеля.

Впрочем, можно увидеть и другую сторону этого афоризма, в рамках которой философский комментарий уже не прочитывается как что-то вторичное. Это происходит в тех случаях, когда «подстрочные комментарии» выступают как один из режимов присвоения философской мысли. Чаще всего в литературе обсуждают *рецепцию* Платона и Аристотеля, но мы намерены отойти от этого понятия, заменив его на понятие апроприации, принципиально разводя эти два понятия.

Рецепцию мы будем понимать через ее историко-философские критерии как двусоставную, где блок R (*Rezeptionsgeschichte*) содержит критерии «со стороны читателя», а блок W (*Wirkungsgeschichte*) – критерии «со стороны доктрины», эффекта, который она произвела [Вольф, 2024, с. 29-30]. И тот и другой блок подразумевают отклик культуры на доктрины, но при этом (R) является общим основанием как для эффективной исторической оценки (W), так и для апроприации (App). Однако их связь с (R) различна: (W) фиксирует трансформацию внутри культуры философского наследия, возникающую вследствие первичной рецепции, тогда как (App) представляет собой методологически мотивированное присвоение, вторичное по отношению к рецепции. (R) и (W) историчны и контекстуальны в отношении доктрин, к которым они обращаются. (App) неизбежно аисторична в отношении прошлого, поскольку не стремится воссоздать контекст, но использует входящие концепции и доктрины для собственных задач и нужд. Однако она глубоко исторична в отношении настоящего, поскольку отражает текущую историческую ситуацию самой культуры, ее исследовательские интересы и способы самопонимания⁴. Иными словами, историчность апроприации имеет другую природу, не реконструктивную (контекстуальную), а эффективную, это форма живой философии, рождающей новые смыслы в текущем моменте, черпая вдохновение в образцах прошлого, тогда как рецепция – это стремление вернуть контекст ушедшей эпохи.

Дальнейшее рассуждение мы выстроим как различение режимов апроприации Платона и Аристотеля в русской культуре. Для этого нам необходим какой-то показательный текст, который методологически «вводит» фигуру «русского Платона», чтобы на его примере понять, в каком именно аспекте мы могли бы на аналогичном методологическом уровне задать фигуру Аристотеля. В качестве такого текста мы обратимся к статье Р. В. Светлова, предваряющей антологию «Платон: pro et contra», и выступающей, по существу, программным заявлением к фигуре «русского Платона» [Светлов, 2001, с. 1-11]⁵.

⁴ Подробнее об апроприационизме как историко-философском подходе и противопоставляемом ему контекстуализму мы писали в: [Берестов, Вольф, Доманов, 2019, с. 9-26].

⁵ Вся серия книг «Pro et contra» в целом служит рассмотрению позиций «за» и «против» той или иной персоналии в русской культуре, как и платоновский том. Соответствующим образом, данная вступительная статья к платоновской антологии русской мысли вполне может рассматриваться как квинтэссенция таких оценок в отношении Платона. Ее преимущество состоит в краткости и четкости изложения, что позволяет без

Она формирует тот методологический ресурс, который позволяет понять, каким образом Платон выступает не только объектом рецепции, но и основой для культурного самосознания, и делает это посредством четырех тезисов.

1. Платонизм в русской культуре – одно из специфических проявлений отечественного восприятия (рецепции) наследия прошлого.

2. Платон – явление духовной культуры, духовный учитель и социальный мыслитель, тогда как Аристотель – предтеча «латинства» и западной цивилизации, особенно в аспекте успехов ее конкретных наук [Светлов, 2001, с. 6].

3. Платон для русской культуры – не просто философ, но и автор определенной мировоззренческой программы; для установления философской самостоятельности (автономии) от немецкой версии философствования выбиралась платонизирующая святоотеческая православная традиция, противопоставленная аристотелевски настроенному томизму в католицизме (*при этом не дается сравнения чистому аристотелизму не в форме томизма в протестантизме* – М.В.).

4. Восприятие платонизма как философии в узком смысле слова через традиционное восхваление как одного из высочайших, если не самое высочайшее, достижение европейского интеллекта⁶.

На Тезисы 2 и 3 мы отчасти ответили в других своих статьях (во всяком случае, в них можно увидеть вектор нашей линии аргументации [см.: Вольф, 2024; Вольф, 2025]). Развернутый ответ на Тезисы 1 и 4 мы предлагаем ниже.

Итак, следуя аргументации Р. В. Светлова, читать диалоги Платона нужно не как авторитетное заявление, произносимое Учителем с кафедры, а гораздо масштабнее – как проблемное поле и горизонт европейской мысли. В них не формируются непосредственно новые концепции, но осмысление заложенных в них направлений мысли инициирует формирование концептуальных решений. Тем самым платонизм в русской мысли предстает у Р. В. Светлова не только как одно из специфических проявлений восприятия наследия прошлого, это – один из способов ее самосознания [Светлов, 2001, с. 1-2]. Самосознание очевидно шире (и глубже) рецепции, и тогда правомерен вопрос: можно ли интерпретировать платоновские «проблемное поле и горизонт» через режим апроприации? Можем, если моделировать их следующим образом: проблемное поле задает интеллектуальный вызов, который инициирует поиск ответов на поставленные проблемы; поиск ответов оформляется в комментарии; комментариев, в конечном итоге, приводит к оформлению концепций. Именно так работает присвоение – апроприация, – когда культура развивает мысль, исходящую от Платона, в собственную систему идей.

Р. В. Светлов подчеркивает, что в любых формах диалогов после Платона представлены точки зрения, т. е. обоснованные мнения, подходы, аргументы, решения, и это уже не те исходные «жизненные установки», которыми питалась платоновская форма мышления. Жизненная реальность как практика порождала необходимость теоретических решений, и в диалогах зафиксирован этот переход от практики к теоретическим позициям, реализованный через различие между мышлением и умопостижением [Светлов, 2001, с. 2-3].

труда вычленив основные положения и выстроить внятную аргументацию вокруг них. Постараемся и в нашей дискуссии следовать предложенному серией форматом.

⁶ Такое видение обусловлено подборкой текстов для антологии, но, на наш взгляд, мы имеем дело здесь с *petitio principii* – скорее исходное представление о том, каков «русский Платон», обусловило подборку текстов.

Именно через эти формы восприятия конструируются разные познавательные способности, затем – выходы на онтологию, гносеологию, проблему связки «есть», категории, эпохэ и вопрос о становлении сути сущего (в мнении или мышлении), рациональное и эмпирическое познание. Все эти темы по совокупности – это те элементы смыслового каркаса, проблемного поля, на которые опирались последующие *комментарии* на Платона, и которые заложили начало европейского пути философии, на котором снова и снова переосмыслялось наследие Платона [Светлов, 2001, с. 4]. Из этого контекста становится ясно, почему именно Платон может быть назван «началом» европейской философии: он формулирует не набор доктрин, а саму структуру вопросов, концептуальный каркас, внутри которого разворачивается история европейской мысли.

Однако комментарий к диалогам Платона – это не механическое воспроизведение и пассивное повторение исходной платоновской мысли, чем могла бы быть рецепция. Здесь важно вспомнить замечание Уайтхеда о том, что диалоги Платона стали для европейской мысли неисчерпаемым источником идей, а не систематической схемой мышления [Whitehead, 1967, p. 63]. Такого рода идея может стать вдохновляющей, но не будучи концептуально оформленной, вряд ли может служить объектом рецепции. Комментарий оказывается формой ее разъяснения и концептуализации, служа переводу жизненных интуиций Платона на язык понятий и теоретических процедур. Примечательно, что в последующей традиции, – что особенно наглядно проявилось в неоплатонизме, – комментарий вовсе не пояснительный жанр, не внешнее приложение к диалогам, он становится полноценной формой философствования, в рамках которой создаются и развиваются новые доктрины.

Характерно, что Аристотель допускал переформулирование проблем в тех случаях, когда они не имели очевидного решения⁷. На первый взгляд это требование может показаться парадоксальным, особенно в тех случаях, когда тезис исходно сформулирован *как проблема*, или, иначе, как апория, принципиально не разрешимая в рамках исходных допущений. Но для Аристотеля именно сугубо апорийный подход – создание сознательно заблокированных путей поиска с целью подчеркнуть проблематичность – лишен философского смысла: задача философии состоит не в фиксации затруднений, а в нахождении и прояснении условий их разрешимости, т. е. в поиске эупорий. Проблема должна быть сформулирована таким образом, чтобы путь к ее решению стал мыслимым. Примечательно, что и сам Платон в диалогах регулярно оказывается участником процесса концептуализации, поскольку автокомментарии, пересборка аргументов, повторная постановка вопросов, альтернативные пути поиска и решения проблем являются устойчивыми чертами его стиля. Ярчайший пример тех случаев, где Платон не просто излагает мысль, но демонстрирует ее движение от проблематизации к возможному, а потом и к наиболее приемлемому решению – это диалог «Парменид», в котором представлены

⁷ Поскольку Аристотель определял поиск как формулировку проблем, то и понятно, что в зависимости от формулировки меняется направление и результат поиска. В «Топике», подробно разбирая природу проблем, способы их формулирования и решений, Аристотель замечает, что любое сказанное может принять вид положения или проблемы, и зависеть это будет только от способа выражения. «Меняя способ выражения, ты каждому положению можешь придать вид проблемы» (*Тор.* 1.15-35) и, соответственно, наоборот. Также об особенностях формулировки проблему у Аристотеля см.: [Орлов, 2013, с. 188 и далее].

аргументы «парусины» и «третьего человека»⁸ (*Parm.* 131 b-c и *Parm.* 132 a-b), впрочем, и весь диалог «Парменид» представляет собой виртуозную пересборку моделей рассуждения и аргументов, которые трудно назвать «жизненными интуициями».

Именно в такой традиции комментарий перестает быть объяснительным жанром и становится пространством, в котором постепенно формируются новые способы философского мышления, оформляясь в методы, схемы и процедуры аргументации. Он уже не столько проясняет исходные интуиции, сколько трансформирует их, создавая дисциплинарные языки – категории, типы доказательства, элементы логики и пр., оформляя стандарты философского анализа. В этом контексте Платон все еще остается началом философии, однако уайтхедовское употребление слова «комментарий» перестает звучать как пейоратив: он здесь не признак вторичности по отношению к сказанному Учителем, но институционализирующая процедура философствования, обеспечивающая поступательное развитие и даже прогресс всему предприятию.

Этот же контекст позволяет и фигуру Аристотеля увидеть в ином облике: он уже не «ученик в тени Учителя», но создатель базовых дисциплинарных языков, переводящих, в терминах Р. В. Светлова, платоновские интуиции о жизненных установках и способах бытия [Светлов, 2001, с. 2] в программы мышления – схемы аргументации, принципы доказательства, методы анализа. Так формируются условия философского профессионализма со своей собственной проблемной историей [Там же, с. 3]. Для Р. В. Светлова этот переход – от событийности живого диалога к концептуальным структурам и проблемной истории – предстает как своего рода мировоззренческая ограниченность [Там же]. Но, как мы показали выше, комментарий отнюдь не вторичен, он и есть основной механизм институционализации философии. Именно в силу этого аристотелевское требование переформулировать проблему так, чтобы она допускала решение, оказывается столь показательно. На уровне интуиций проблема так и остается апорией, и только на уровне языков и профессиональных установок она превращается в эупорию, т. е. становится разрешимой.

По той же причине, когда Платон комментирует сам себя, заново занимаясь постановкой проблем от диалога к диалогу, это уже не просто выражение жизненной реальности – это режим философского протокола, фиксирующего проблемы через попытки их решений, через создание специализированного языка и метода для их решений (гипотетический, *διαίρεσις* и пр.). Очевидно, что сам Платон не ограничивается «формированием теоретического горизонта», он делает попытки шагнуть за него, совершить переход от апории к эупории.

Именно такие шаги по превращению проблемы в методологическую процедуру позволяют объяснить, почему в средневековой арабской философии Аристотель получает эпитет «Первого учителя»⁹. Он становится не просто комментатором, но критерием и мерилom для всей последующей комментаторской традиции. Структура платоновского диалога на этом фоне проявляется по-новому: жизненные сцены и установки участников

⁸ Речь идет именно о платоновской формулировке аргумента: «... каждая идея уже не будет у тебя единою, но окажется бесчисленным множеством», а не о формулировке Аристотеля, проиллюстрированной им «третьим человеком».

⁹ По сопоставлению с аль-Фараби («Вторым учителем»), который удостоился этого прозвища «как логик и непревзойденный толкователь аристотелевских сочинений по логике» [Ибрагим, 2019, с. 995].

обретают философский смысл лишь в свете того, что Аристотель делает на уровне профессиональных условий мышления. Символично, что Платон при этом никогда не выступает как один из персонажей диалога, он всегда занимает мета-позицию по отношению к Сократу как его комментатор и архитектор проблемного пространства.

Как мы уже отмечали, в интерпретации Р. В. Светлова Платон предстает как «начало философствования», т. е. как «основание, которое не меняется, какие бы лики ни имело существо, вырастающее на нем, ... самоопределение по отношению к началу – это одна из кардинальнейших характеристик любой изучаемой культуры» [Светлов, 2001, с. 5]. В этом смысле Платон ответственен не столько за первичную доктрину, сколько за исходный проблемный горизонт – инвариантную точку, концептуальный каркас, от которых разворачивается философская рефлексия.

Фиксируя фундаментальное и универсальное начало как условие и необходимость постановки вопросов¹⁰, Р. В. Светлов безусловно прав. Однако в его тезисе есть принципиальная уязвимость: всякое обращение к началу неизбежно сопряжено с интерпретацией, а любая интерпретация влияет на исходные параметры и модифицирует их. Следовательно, понимание того, что именно признается началом, определяется рамками того культурного и интеллектуального горизонта, из которого совершается это обращение.

Возникает вопрос: что именно понимается под началом и каким образом определяется эта стартовая точка философствования, когда ее означающим выступает Платон? С одной стороны, в любом дискурсе о начале присутствует стремление уловить момент, когда философии еще не было, с другой – это момент, когда живая событийность диалога уступает место «точкам зрения», категориальным структурам и аргументам.

Если перенести эту логику в контекст российской рецепции Платона и Аристотеля, то особый интерес приобретает вопрос о самоопределении культуры по отношению к началу. Если Платон действительно мыслится как начало философии, то, отвечая на поставленные им вопросы, русская культура тем самым осмысливает и саму себя. В таком случае можно допустить, что речь идет о начале, прежде всего, как об инвариантной функции – способности задавать вопросы, очерчивать горизонт и предел мысли. При этом чувствительными к интерпретации, культурно обусловленными и исторически изменчивыми оказываются не вопросы, а ответы, возникающие внутри различных комментаторских и философских традиций.

Однако ракурс взгляда на начало, как кажется, существенно зависит от режимов присвоения и концептуальных словарей, посредством которых осуществляется исходная рецепция начала в конкретной культуре. Иными словами, начало не дано непосредственно: оно должно быть вовлечено в культурный оборот через комментарий, через те языки и дисциплинарные матрицы, которые делают его осмысленным и функциональным.

Культура обращается к началу в поисках собственного самоопределения. Но что именно она способна распознать как начало, интерпретируя те или иные тексты? Ее взгляд может быть направлен на разные уровни: на содержательный материал канона, на проблемный горизонт, задающий вопросы, или на процедуры обращения к началу – способы чтения, комментирования и интерпретации. Возникает вопрос: что именно культура идентифицирует как начало – содержание, проблематику или функцию обращения? И может

¹⁰ См. [Светлов, 2001, с. 3-4], где главные, ключевые пункты, определяющие специфику западной мысли, представлены как комментарий на интуиции Платона.

ли она вообще воспринять «изначального» Платона вне тех многочисленных слоев комментария и автокомментария, которые уже сопровождают его тексты и которые сама культура неизбежно производит? Это сомнительно, тем более что сам Платон, как мы отмечали выше, многократно пересматривает свои положения и основания. Жизненные установки участников диалогов, вероятно, при этом не подвергаются пересмотру, но в качестве комментатора самого себя Платон вынужден оценивать философские следствия из этих установок. В этом смысле Р. В. Светлов прав, указывая на то, что Платон вступает в историю философии как «начало». Однако он не учитывает значимость комментария и того, что Платон в философской конструкции (а не в жизненной ткани диалога) проявляется как собственный первый комментатор, но отнюдь не начало.

Для прояснения того, что именно культура распознает как начало, важно различить условия, в которых оно становится для нее видимым и осмысленным:

(А) Содержательный и текстовый канон – совокупность понятий, образов и текстов в их оригинальном контексте, в идеале – на исходном языке и в аутентичных исторических реалиях (*содержание*).

(В) Проблемный горизонт – набор предельных вопросов, инициирующих комментарии и задающих направление движения мысли; он формируется в зависимости от уровня и способа понимания канона (*проблема*).

(С) Процедуры обращения к началу – способы чтения, комментирования, интерпретации, апроприации, а также их субъект и контекст (*функция*).

На первый взгляд может показаться, что культура обращается к началу, непосредственно взаимодействуя с (А), однако это взаимодействие носит характер рецептивной процедуры и само по себе не ведет к самоопределению, поскольку канон и его буквальная данность, сформулированные на языке иной культуры и несущие чуждые, еще не отрефлексированные образы, не задают проблемные горизонты. В отличие от языка, текстов и образов, именно проблемы могут представляться созвучными и актуальными для разных культур и исторических ситуаций.

Поэтому обращение к началу неизбежно предполагает создание, реконструкцию или усмотрение (В) на основании (А), поскольку для отождествления предельных вопросов с началом нужен минимальный содержательный набор, без которого их нельзя сформулировать так, чтобы не утратить однозначную атрибуцию к исходному содержательному контексту (началу).

Условие (С) отвечает за отход (удаление) от начала, и характеризует уже не рецептивный, а апроприативный уровень. Здесь неизбежно возникают искажения, от рациональной реконструкции, продуктивной интерпретации до *overinterpretation* и анахронизмов. Культура пропускает доступные ей образцы через собственные стили и способы восприятия. На этом же уровне существует и комментарий (присущий апроприирующей культуре), который, с одной стороны, пытается устранить любое непонимание (А), а с другой стороны, дает ответы на предельные вопросы (В). Принимая или не принимая эти ответы, культура формирует представление как о начале, так и о себе самой.

Таким образом, канон не постулируется и не может быть осмыслен вне (В), поскольку закрепляется в культуре именно через проблематизацию, и не может быть усвоен вне (С), поскольку любое обращение к началу, внешнему или иному для нее самой, происходит через выбор переводов, интерпретаций и способов чтения, фактически изменяя то «неизменное»,

к которому обращается. Отсюда следует, что поиски исходного «подлинного» Платона-Начала сопряжены с опасностью принять за него любого из множества хронологических, институциональных, переводческих и прочих *платонов*, с которыми культура так или иначе сталкивается в этих поисках.

Итак, возвращаясь к двум вышеобозначенным тезисам, моделирующим фигуру «русского Платона», а именно:

1) платонизм в русской культуре понимается как одно из специфических проявлений отечественного восприятия (рецепции) наследия прошлого;

2) платонизм воспринимается как философия в узком смысле слова через его традиционное восхваление как одно из высочайших – если не самое высочайшее – достижений европейского интеллекта,

– мы можем подытожить нашу аргументацию. Прежде всего, аристотелизм в не меньшей степени может рассматриваться в качестве одного из специфических способов освоения русской культурой наследия прошлого, но уже на других основаниях – не рецептивных, а апроприативных. Подчеркивая значимость Платона, Р. В. Светлов апеллирует преимущественно к уровню (А) – к канону, содержанию, стилю и духу, живой ткани диалогов. Но, как кажется, без обращения к процедурному уровню понять, с чем именно культура имеет дело, невозможно. Канон может быть переведен и прочитан как литература¹¹, и у платоновских диалогов в этом смысле большое преимущество перед текстами Аристотеля, но станет ли такое чтение ответственным за формирование культурного самосознания? Оно произойдет лишь в том случае, если культура осмыслит, что именно она прочитала, – проанализирует или задаст свои собственные способы чтения, комментирования, интерпретации и дальнейшие апроприации, а также субъект и контекст этих процедур. При этом собственный комментарий, сформулированный рецепирующей культурой, не всегда обязателен; она может успешно опираться на уже существующую комментаторскую традицию. Однако эта традиция – изначально и во многих случаях – сформирована аристотелевским способом прочтения Платона (а учитывая исторический контекст, – и живым включением Аристотеля в контекст Академии), и потому неизбежно Аристотель-зависима. Подчеркнем еще раз: до сих пор вопрос о «русском Платоне» и «русском Аристотеле» ставился как вопрос о рецепции – восприятии текстов и доктрин античных философов. Тогда как их усвоение и использование, эффект, который они оказали и продолжают оказывать на культуру, – это уровень апроприации, на котором именно *комментарий* является первым маркером произведенного эффекта. Этот момент важен для понимания того, какую из доктрин – платонизм или аристотелизм – корректнее считать подлинным началом европейской философии.

Из аргументации Р. В. Светлова хорошо видно, что Аристотель, имплицитно присутствующий в тени Платона, определяет контуры платоновского образа. Во-первых, буквально сразу, начиная рассуждение, Р. В. Светлов определяет культуру через «существо (οὐσία) человека» [Светлов, 2001, с. 1]. Хотя слово οὐσία введено Платоном, его концептуализация произошла у Аристотеля, и само это слово надежно связано с аристотелевской доктриной, нежели с платоновской. Во-вторых, Р. В. Светлов подчеркивает уникальность диалогов Платона в европейской истории, указывая, что никто из европейских «энциклопедистов» не сделал ничего подобного, но масштабирует

¹¹ Очевидно, что доступа к аутентичному контексту у нас нет и быть не может, мы всегда будем иметь дело с реконструкцией [Zarka, 2005].

их значимость через соотнесение с равновеликими фигурами – Аристотелем и Гегелем [Там же]. В-третьих, представление о Платоне как родоначальнике метафизического идеализма формируется прежде всего Аристотелем и позднее усиливается средневековыми номиналистами. Без аристотелевской интерпретации концептуализировать саму теорию мира идей проблематично. Именно Аристотель первым предъявляет в «Метафизике» ясные, систематически выстроенные аргументы против теории идей, благодаря которым разрозненные платоновские высказывания приобретают ясный и четкий теоретический контур [Там же, с. 2]. В-четвертых, привычное усмотрение в платоновской этике метафизичности и абстрактности – это во многом следствие аристотелевского комментария: именно его оптика структурирует и высвечивает эти черты [Там же]. В-пятых, Аристотель не просто критикует мир идей, он приписывает его фантом Платону. Различение мнения и умопостижения, которое теперь является ключевой позицией при чтении Платона, обязано своей концептуальной формой именно Аристотелю [Там же, с. 4]. Не исключено, что без уточняющей формулировки Аристотеля мы, возможно, не увидели бы в диалогах ничего, что позволяло бы реконструировать подобную структуру. Впоследствии это различие становится основанием категориального анализа сущего в аристотелизме, и нельзя исключить, что именно оно и создало ту рамку, через которую мы читаем Платона сегодня. И наконец, утверждение, что Платон есть начало философии [Там же]. Однако начало – это не отправная точка во времени. Как бы мы ни определили философию – как момент, когда живость литературной прозы уступает место концептуализации и теоретической строгости, или как критическую дискуссию о доктринах или концепциях, – нам необходимы два участника диалога, через сопоставление которых и фиксируется переход от одного состояния к другому. Тогда точка начала философии – это момент, когда «начавшиеся акты “идеации”» [Там же] оформляются в философскую специфику как таковую. Этот переход становится различимым лишь благодаря Платону и Аристотелю. Именно их совместная перспектива позволяет увидеть и досократиков как фундаментальных философов: глубина их мысли раскрывается не иначе, как через системное напряжение между Академией и Ликеем [Там же]. Без аристотелевской концептуализации многое в раннегреческой мысли не получило бы концептуального оформления, равно как и сама идея «начала» оставалась бы неопределенной (см. например, аргументы в пользу того, что концепция «начала» порождена отнюдь не самими досократиками [Лебедев, 1978]).

Чтобы наша аргументация выглядела более убедительной, необходимо было бы заявленную здесь асимметрию присвоения Платона и Аристотеля обосновать через зеркальный ход (коль скоро мы именуем эти две фигуры «зеркалами»), и развернуть детальную реконструкцию «русского Аристотеля» в структуре режимов апроприации (А-В-С), которые были опробованы на материале трактатов Платона как начала. Такой ход позволил бы показать, как именно дисциплинарное, институциональное и рационализирующее присвоение аристотелевского наследия структурировало российское философское поле, но не стало, в отличие от платоновской линии, культурным символом и экзистенциальным горизонтом. Однако такой «зеркальный анализ» требует отдельного исследования с привлечением широкой фактологической базы, поэтому мы вынуждены ограничиться намеченными здесь интуициями.

Здесь же еще раз подчеркнем, что ключевым для нашего тезиса остается различие не «величин» самих фигур Платона и Аристотеля и установление объема их присутствия в русской культуре, но смена оптики с рецептивной на апроприативную, и, тем самым, указание на фундаментально разные *режимы присвоения*, посредством которых российская культура включала двух философов в процесс своего самосознания.

В первом приближении схематично отразить различия в рецепции и апроприации Платона и Аристотеля в терминах, определенных выше, можно следующим образом:

	(W)	(App)
Платон	Живая мысль и проблемный горизонт	Мировоззренческая программа: философия как высшая форма религиозного отношения (ср. П. А. Флоренский и философия жизни или А. Ф. Лосев и имяславие)
Аристотель	Комментарий и логический инструментарий	Университетские программы светского образования и новые дисциплинарные языки (ср. Я. Лукасевич и многозначная логика)

Даже если Платон и видится «началом», то не благодаря исторической рецепции, а благодаря апроприации, поскольку русская культура присваивает не *содержание* его диалогов, а их *функцию* – задавать пределы мышления и формировать горизонт вопросов. Аристотель становится носителем методологических принципов не потому, что его учение было полноценно воспринято, а потому, что культура апроприировала его методы и инструментарий – логику, доказательство, схемы рассуждения – и превратила их в универсальный критерий научного подхода. Тем самым распределение функций Платона и Аристотеля может быть рассмотрено не как исторический факт в терминах рецепции (W), а как результат различных режимов присвоения (App).

Именно такое различие режимов – символического и духовно-программного у Платона (в том виде, как они представлены у Р. В. Светлова) и институционального и методологического у Аристотеля (в том виде, как это намечено в работах [Вольф, 2023; Вольф, 2025]) как концептуальная ось выстраивания университетского и гимназического курса; как отправная точка для новых направлений в логике, психологии и политике; формирование естественно-научной направленности в российской культуре) – создает ту устойчивую асимметрию, которую мы наблюдаем на протяжении двух столетий развития российской интеллектуальной традиции.

Таким образом, понимание комментария как одного из режимов присвоения позволяет увидеть, что героизация Платона является не следствием какого-то особого духа диалогов Платона или его харизмы, а результатом длительной культурной работы. Не столько диалоги Платона, сколько многочисленные комментарии на них, созданные, как правило, величайшими умами западной традиции (от Аристотеля и неоплатоников до Шлейермахера и Фреге) создают эффект очевидности и величия, превращая образ философа в нормативную фигуру, вокруг которой конструируется его считывание как «начала». В этом свете становится ясно, что и «русский Платон», и ослабленный «русский Аристотель» возникают не из действительного прошлого российской мысли, а из способов, которыми культура их комментирует и перераспределяет свое к ним внимание. Тем самым распадается миф о естественном превосходстве платоновского начала: оно оказывается продуктом исторических привычек чтения. Это в свою очередь позволяет зафиксировать главное:

различие между Платоном и Аристотелем в российской традиции – не данность, а следствие устойчивых режимов присвоения. Миф о «русском Платоне» возникает как результат героизации, превращающей его образ в самоочевидный символ начала и критерия. На этом фоне «русский Аристотель» остается в тени, хотя именно он, как мы видели, обеспечивает методологический каркас мышления, остающийся невидимым за сиянием платоновского мифа. Понимание комментария как функции присвоения позволяет разложить эти асимметрии и увидеть их культурно обусловленный характер. Тем самым становится ясно, что речь идет не о реальном превосходстве платонизма над аристотелизмом, а о специфическом историко-интеллектуальном выборе, закреплённом в традиции. Восстановить роль «русского Аристотеля» можно, но для этого нужно вернуть российской философской культуре баланс между воображаемым и рациональным, символическим и аналитическим, вернув ее из однополярности платоновского символического режима самоопределения в биполярный режим, который учитывал бы в равной мере значимость логических или методологических оснований философии.

Список литературы / References

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск: Офсет ТМ. xviii, 242 с.

Berestov, I. V., Volf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytical History of Philosophy: Methods and Studies*. Novosibirsk. xviii, 242 p. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2023). «Русский Аристотель» в контексте вопроса о рецепции аристотелизма (замечания переводчика к статье Я. Воленьского «Рецепция Аристотеля в Польше с 1900 г.»). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 37-51.

Volf, M. N. (2023). "Russian Aristotle" in the Context of the Question About Aristotelianism's Reception (Translator's Remarks on the J. Wolensky's Paper "Reception of Aristotle in Poland around 1900"). *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 3. Pp. 37-51. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2024). Критериальные условия дискурса о рецепции Аристотеля в русской культуре. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 24-38.

Volf, M. N. (2024). Criteria of Discourse on the Reception of Aristotle in Russian Culture. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 24-38. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2025). Место Аристотеля в «Программах домашнего чтения» российского движения по распространению университетского образования (1894–1914). *Идеи и идеалы*. Т. 17. № 4-1. С. 13-37.

Volf, M. N. (2025). The Reception of Aristotle in the Home Reading Programs of the Russian University Extension Movement (1894–1914). *Ideji i idealy = Ideas & Ideals*. Vol. 17. No. 4-1. Pp. 13-37. (In Russ.)

Егорова, О. С. (2024). Аристотель на страницах российской научной периодики (XIX-начало XX вв.). *ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 18. № 2. С. 1059-1082.

Egorova, O. S. (2024). Aristotle on the pages of Russian Scientific Periodicals (XIX – early XX centuries). *ΣΧΟΛΗ (Schole). Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 18. No. 2. Pp. 1059-1082. (In Russ.)

Ибрагим, Т. (2019). Аль-Фараби. Трактат «О разуме». Пер. с арабского, предисловие и комментарии. *Ориенталистика*. Т. 2. № 4. С. 954-982.

Ibrahim, T. (2019). Al-Farabi's treatise "On Intellect". *Orientalistica*. Vol. 2. No. 2 (4). Pp. 954-982. (In Russ.)

Лебедев, А. В. (1978). Τὸ ἄπειρον: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель. *Вестник древней истории*. № 2. С. 43-58.

Lebedev, A. V. (1978). Τὸ ἄπειρον: not Anaximander, but Plato and Aristotle. *Vestnik drevnei istorii (VDI, Journal of Ancient History)*. No. 2. Pp. 43-58. (In Russ.)

Минак, В. С. (2020). Аристотель в России: основные черты отечественного восприятия аристотелевского наследия. *VITA COGITANS: альманах молодых философов*. № 12. С. 6-29.

Minak, V. S. (2020). Aristotle in Russia: the main features of the domestic perception of the Aristotelian heritage. *VITA COGITANS: an Almanac of Young Philosophers*. No. 12. Pp. 6-29. (In Russ.)

Орлов, Е. В. (2013). *Аристотель о началах человеческого разума*. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 303 с.

Orlov, E. V. (2013). *Aristotle on the Principles of Human Understanding*. Novosibirsk. 303 p. (In Russ.)

Орлов, Е. В., Егорова, О. С. (2025). Перечень русских переводов сочинений Аристотеля. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 2. С. 71-101.

Orlov, E. V., Egorova, O. S. (2025). List of Russian Translations of the Works of Aristotle. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 71-101. (In Russ.)

Орлова, Н. Х., Соловьев, С. В. (2016). Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия. *Логические исследования*. Т. 22. № 2. С. 123-154.

Orlova, N. Kh., Solovyov, S. V. (2016). From the history of logic in pre-revolutionary Russia: strategies for academic interaction. *Logical Investigations*. Vol. 22. No. 2. Pp. 123-154. (In Russ.)

Светлов, Р. В. (2001). «Русский Платон». Платонизм в русской культуре. *Платон: pro et contra*. Сост. Р. В. Светлов, В. Л. Селиверстов. СПб.: ПХГИ. (Серия «Русский путь»). С. 1-11.

Svetlov, R. V. (2001). "Russian Plato". Platonism in Russian Culture. In Svetlov, R. V., Seliverstov, V. L. (comp.). *Plato: pro et contra*. St. Petersburg. (Series "Russian Path"). Pp. 1-11. (In Russ.)

Whitehead, A. F. (1967). *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. New York. The Macmillan Company. 546 p.

Zarka, Y. Ch. (2005). The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. In Sorell, T., Rogers, G. A. (eds.). *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York. Oxford University Press. Pp. 147-160.

Сведения об авторе / Information about the author

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, профессор РАН, профессор, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Volf Marina – Doctor of Sciences in Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>.

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 111.1

К ГЕНЕАЛОГИИ EREIGNIS: ХАЙДЕГГЕР В БЛИЖАЙШЕМ КОНТЕКСТЕ

А. М. Гагинский

Институт философии РАН (г. Москва)
algaginsky@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой введение к постановке проблемы Ereignis в философии М. Хайдеггера, а точнее – пролегомены к генеалогии «события-своения». Тематика Ereignis в настоящее время совершенно не исследована в отечественном хайдеггероведении. При этом данная тема настолько обширна и требует привлечения столь большого количества релевантных материалов, что в данной статье могут быть намечены лишь некоторые подходы, которые еще не обсуждались в отечественной науке. Автор показывает, в частности, что ранний Хайдеггер находился под влиянием философии жизни и экзистенциализма, благодаря которым впервые и было сформировано понятие «события-своения».

Ключевые слова: Событие, своеие, Ereignis, М. Хайдеггер, философия жизни, экзистенциализм.

Для цитирования: Гагинский, А. М. (2025). К генеалогии Ereignis: Хайдеггер в ближайшем контексте. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 68-82. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.68-82

HEIDEGGER'S EREIGNIS: A PROLEGOMENA

A. M. Gaginsky

Institute of Philosophy RAS (Moscow)
algaginsky@gmail.com

Abstract. The article provides an introduction to the problem of Ereignis in Heidegger's philosophy, or more precisely, a prolegomena to the genealogy of the "event-of-owning". The topic of Ereignis remains completely unexplored in Russian studies of Heidegger. Moreover, this topic is so broad and requires so much relevant material that this article can only outline a few approaches not yet discussed in Russian scholarship. The author shows, in particular, that the early Heidegger was influenced by the philosophy of life and existentialism, within the framework of which the concept of the "event-of-owning" was first formulated.

Keywords: Event, owning, Ereignis, M. Heidegger, philosophy of life, existentialism.

For citation: Gaginsky, A. M. (2025). Heidegger's Ereignis: a Prolegomena. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 68-82. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.68-82

В отечественном хайдеггероведении тема Ereignis зачастую обходится стороной. До сих пор не предложено не только сколько-нибудь удовлетворительного перевода этого загадочного понятия, но отсутствует и просто корректное описание того, что скрывается за этой странной философемой. В тех немногих публикациях, где тематика Ereignis все же поднимается, речь идет, как правило, о некоем общем знакомстве с предметом, указываются словарное значение и различные коннотации, однако вопрос об истоках этого понятия в лексиконе Хайдеггера даже не ставится. А между тем это наиболее адекватный, как я полагаю, способ подобрать ключ к философии «немецкого мастера».

Едва ли не единственная статья на русском языке, прямо посвященная «феномену Ereignis» [Стовба, 2022], не вносит ясности в рассматриваемую тему. Автор передает Ereignis как «происшествие», однако, как будет ясно из нижеследующего, такое предложение ошибочно. Но не лучше обстоит дело и с англоязычной рецепцией Хайдеггера. Разумеется, недостатка в исследованиях по данной теме там нет, однако это еще ничего не говорит о том, что решение найдено. К примеру, известный хайдеггеровед Т. Шихан в своей итоговой (и, с моей точки зрения, сильно недооцененной) работе по Хайдеггеру настаивает на том, что Ereignis надо переводить не как «событие (event)», а как Appropriation, т. е. присвоение [Sheehan, 2015, pp. XV-XVII, 231-247]. Но это вряд ли можно назвать хорошим решением, поскольку оно отсекает большую часть того, что Хайдеггер вкладывает в это понятие. Есть и иные решения, вплоть до самых абсурдных. Так, М. Рэталл, весьма серьезный специалист в соответствующей области, в недавно вышедшем «Кембриджском лексиконе по Хайдеггеру» предлагает переводить Ereignis как Adaptation, т. е. приспособление, адаптация [Wrathall, 2021], что представляется совсем уж фантастическим. Таким образом, в западной научной литературе понятие Ereignis также вызывает затруднение, какого-то адекватного перевода для него не найдено. Тем не менее западные коллеги хотя бы ищут варианты перевода, в отечественном же хайдеггероведении просто тишина¹. Причем ситуация усугубляется еще и тем, что в последнее время стали появляться плохие переводы поздних и весьма важных текстов, от которых больше вреда, чем пользы². Но и этого мало: Ereignis в отечественном хайдеггероведении обросло таким большим количеством сомнительных интерпретаций, что их можно встретить теперь даже и в авторитетных источниках.

Так, в «Новой философской энциклопедии» в статье «Событие» в разделе «Событие (Ereignis) в фундаментальной онтологии Хайдеггера» В. А. Подорога пишет следующее: «Событие – длительность, “чистое явление, не соотносимое ни с каким деятелем”, то, что Хайдеггер пытается определить как событие, можно отнести к длительности вне времени и пространства, длительности, в которой бытие становится тем, что есть. Событие предшествует, предваряет, открывает возможности бытия для всего того, что может произойти, случиться, стать. Событие (Ereignis) “особляет” все, что приобретает бытийственное значение, дарует всему являющемуся его собственную сущность, неповторимую и единственную: событийно в том смысле, в каком оно принадлежит самому себе» [Подорога, 2010, с. 583]. Однако здесь есть ряд проблем. Начать можно с того, что понятие «событие», строго говоря, не имеет отношения к фундаментальной онтологии: оно разрабатывается Хайдеггером сначала на этапе философии жизни (1918–1920 гг.), т. е. до зарождения проекта фундаментальной онтологии, которое можно связать с открытием понятия Dasein (1920 г.), а затем уже после «поворота», начиная с 30-х гг., когда он уже признал проект фундаментальной онтологии несостоятельным и перешел к бытийной истории. Но именно на этапе фундаментальной онтологии (1920–1929 гг.) Хайдеггер, за редкими исключениями, не использовал философему «событие». Он отмечал впоследствии, что Ereignis стало для него ведущим словом (Leitwort), начиная с 1936 г. [Heidegger, 1976, p. 316]. Поэтому уже заголовок соответствующего раздела оказывается

¹ На трудности интерпретации этого понятия указывают [Бибихин, 2009; Поздняков, 2016].

² Невнятные и ошибочные переводческие решения, никак не обоснованные и даже не разъясненные, сопровождаются катастрофически низким уровнем издания [Хайдеггер, 2023].

ошибочным, но гораздо важнее его содержание, которое столь же превратно представляет центральный пункт философии Хайдеггера. Дело в том, что событие нельзя понимать ни как «чистое явление, не соотносимое ни с каким деятелем» [Бенвенист, 1974, с. 264], ни как «длительность вне времени и пространства» [Подорога, 2010, с. 583]. То обстоятельство, что при объяснении Хайдеггера дается цитата из Бенвениста, который пишет вовсе не о философии, само по себе свидетельствует о многом³. Но важнее то, что событие ни в коем случае нельзя отрывать от деятеля и говорить о «нейтральности к субъекту действия» [Подорога, 1995, с. 316], ибо событие просто не может быть вне пространства и времени.

Исходя из этих трудностей, в данной статье будет предложено что-то вроде пролегоменов к истолкованию «философии события» Хайдеггера, насколько это позволяет сделать формат небольшой статьи.

До настоящего времени в отечественном хайдеггероведении нет понимания того, что такое Ereignis и, как следствие, как его следует переводить. А. П. Шурбелев передает это понятие как «усваивающее событие», «событие высвоения». По всей видимости, это лучший из имеющихся на данный момент вариантов перевода. Встречаются и другие решения, например, просто «событие» (А. Б. Григорьев, Э. Сагетдинов) или «происшествие» (А. Стомба), но эти варианты совершенно не передают того, что Хайдеггер вкладывал в это слово. Каково его основное значение?

В понятии Ereignis для Хайдеггера важны три аспекта: событийность, зримость и собственность. В прочитанном в 1919 г. курсе лекций «Идея философии и проблема мировоззрения» Хайдеггер впервые вводит понятие Ereignis и задает ему такие характеристики, которые объясняют все его позднейшие размышления на эту тему. В частности, он противопоставляет отчуждающее теоретическое переживание такому, которое сохраняет вовлеченность. Если теоретическое просто происходит, т. е. проходит мимо меня, протекает как процесс предо мною (Vor-gang), не затрагивая меня, то вовлеченное, *собственное* переживание включает меня в этот процесс, который поэтому уже не протекает внешним образом, не проходит, не происходит предо мною, отдаляясь от меня, но приключается именно со мной, ибо включает меня в переживание переживаемого [Хайдеггер, 2025, с. 101-120]. Хайдеггер обыгрывает эту лексему таким образом, что предлагает противопоставить Vorgang и Ereignis, т. е. происшествие (процесс) и событие-своения⁴. В слове Ereignis ему важны три аспекта: (1) ближайшее словарное значение данного слова – *событие*, а также то, что в нем (2) есть очевидное созвучие с семантикой *eigen* – *собственное, свое*, и наконец, (3) этимология Auge, т. е. око, глаз, и отсюда – поле зрения (око открывает то, что около – Umwelt). Стало быть, Ereignis – это такое переживание, которое удерживает меня в моем собственном поле зрения, в поле моего окружающего мира, со всеми его взаимосвязями и отсылками значимостей, т. е. в том,

³ Замечу только, что в своей более ранней книге, из которой и был взят материал для энциклопедической статьи, Подорога связывает Ereignis с безличными формами *es gibt* и *il y a* (вследствие чего и появляется ссылка на Бенвениста) [Подорога, 1995, с. 315-318], однако это совершенно неверная характеристика «события», о чем будет сказано далее.

⁴ Уже отсюда можно видеть, насколько далеки от мысли Хайдеггера трактовки Подороги и Стомбы.

что *сбывается вот здесь со мною*, однако не разделяя меня и окружающий мир, поскольку окружающее не отчуждается от меня в процессе объективации. Всякий мир и в частности мой мир не *наличествует* сам по себе, как некий объект, но мирствует (*weltet*) вместе со мною, потому что я включен в него, он мой собственный.

Здесь важно подчеркнуть этот момент деперсонализации, моей собственной невовлеченности в безличное теоретическое вопрошание, ибо «непосредственно вглядываясь в происходящее, я не нахожу ничего наподобие Я: напротив, я нахожу только “пере-живание о чем-то (*Er-leben von etwas*)”, “жизнь, обращенную на что-то (*Leben auf etwas zu*)”» [Хайдеггер, 2025, с. 109 (с изм.); Heidegger, 1999, p. 68]. Такого рода переживание – это один из способов понимания данности, причем у него есть такая особенность: оно отвлекается от самого вопрошающего и фиксирует лишь отвлеченную данность данного. Хайдеггер говорит об этом типе переживания так: «Имеется ли в нем нечто наподобие осмысленной отсылки ко мне самому (*die sinnhafte Zurückverweisung auf mich*) – тому, который стоит вот здесь за кафедрой, имеет такое-то имя и такой-то возраст? <...> Очевидно, нет. Таким образом, здесь не только *непосредственно* нельзя схватить какое-то Я, но и при расширении поля интуиции, то есть не ограничиваясь именно “мною”, становится ясно, что смысл переживания не имеет никакого отношения к отдельным Я. <...> Как раз потому, что смысл переживания не соотносим с моим Я (*bezuglos ist zu meinem Ich*) (со мною как таким-то и таким-то), в простом смотре (*in der schlichten Hinschau*) все же нельзя увидеть каким-то образом необходимое Я-отношение и само Я (*notwendige Ichbezug und das Ich*)» [Хайдеггер, 2025, с. 109 (с изм.); Heidegger, 1999, pp. 68-69].

Нужно отметить: самоотнесенность, т. е. Я-отношение, Хайдеггер видит как «каким-то образом необходимое». Поэтому в событийном переживании мое Я не утрачивается, но остается значимым, т. е. не происходит обезличивания переживания, что достигается посредством трактовки Ereignis как того, что делает переживание моим собственным (подобно тому, как ипостась гипостазировывает существо, т. е. наделяет индивидуальностью и существованием). Этот аспект, хотя он и не вполне обоснован этимологически, тем не менее, принципиально важен для мысли Хайдеггера. Почему? Откуда вообще идея ввести обычное слово «событие» в философский контекст, наделив его поистине фундаментальным значением? К примеру, слово Ereignis изредка использует Гуссерль, но оно не несет у него какого-то особенного смысла [Husserl, 1991, pp. 104, 362, 366]. Разумеется, в текстах того времени Ereignis вовсе не было экзотикой, оно время от времени встречалось в научной литературе, однако именно у Хайдеггера оно становится принципиально важным. По какой причине?

В конце XIX – начале XX вв. шла борьба за историческое мировоззрение, естественные науки уверенно вытесняли гуманитарное знание, которое отнюдь не собиралось уступать свои позиции. Так возникла оппозиция наук о природе и наук о духе. Эту оппозицию разные мыслители фиксировали по-разному. Например, В. Виндельбанд в публичной речи 1 мая 1894 г., изданной затем в виде отдельного издания, утверждал следующее: «Таким образом, мы можем сказать: опытные науки ищут в познании действительного либо общее, в форме закона природы, либо единичное, в его исторически обусловленной форме; они исследуют, с одной стороны, неизменную форму действительных происшествий (*Geschehens*), с другой –

их однократное, в себе самом определенное содержание. Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях (Ereigniswissenschaften); первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было (einmal war). Научное мышление – если позволительно воспользоваться новыми словообразованиями – в первом случае есть *номотетическое* мышление, во втором – мышление *идеографическое*» [Виндельбанд, 2007, с. 340 (с изм.); Windelband, 1904, p. 12].

Это очень примечательный пассаж в контексте «философии события». Противопоставление наук о природе и наук о духе здесь обретает очень важные нюансы. В частности, науки о законах противопоставляются наукам о *событиях* (Ereigniswissenschaften), которые характеризуются своей уникальностью, одноразовостью (einmal war), иначе говоря, историчностью. Но примечательно и то, что Виндельбанд учитывает созвучие Ereignis и eigen, события и собственного, поскольку называет науки о событиях идеографическими. Понятие «идеографический» восходит к греческому ἰδιος – свой, собственный, ἰδιον – собственность, владение, ἰδιόομαι – присваивать, короче говоря, предполагает именно то, что Хайдеггер извлекает из лексемы Er-eignis, утверждая, что в событийном переживании мое я не отчуждается, но остается моим *собственным*. Здесь уместно вспомнить о таких старорусских словах, как *собь* и *сбыть*, т. е. собственность, владение, имущество. Иначе говоря, подобно тому, как Хайдеггер сближает Ereignis и eigen, так можно сблизить событие и *собь*, *сбыть*, т. е. событие будет производиться *не от со-бытия*, но от слова *собь*, *собьство*, *собство*, *сбыть* в смысле собственности, Eigentum. Отсюда: Ereignis ereignet – событие *собствует*, т. е. не столько *сбывается*, сколько *усваивает*. Этот ход мысли позволяет приблизиться к той языковой игре, которую ведет Хайдеггер в поздних текстах. Отсюда и перевод данного понятия как «событие-своения», хотя по-русски это звучит достаточно громоздко, тем не менее ход мысли философа оно передает: событие нужно понимать не через бытие, а через *собь* и *сбыть* (последнее слово означало «имущество, собственность»). Сам Хайдеггер упоминает о Виндельбанде и различии законодательных и событийных наук в следующем курсе того же года «Феноменология и трансцендентальная философия ценности» [Хайдеггер, 2025, с. 238-251]. Таким образом, контекст мысли Хайдеггера, в которой постепенно начинала формироваться «философия события», начинает проясняться.

Вообще говоря, в начале XX в. в Германии все более и более популярным становится течение, которое получило название философии жизни. Оно оказало значительное влияние на становление Хайдеггера⁵, об интересе которого к Ницше и Бергсону хорошо известно. Тем не менее у этого течения были и серьезные критики. И если в военное время и в первые годы после Первой мировой войны Хайдеггер под влиянием Дильтея, Бергсона, Ницше, Шелера, смог заложить основание своей философии, каковым можно считать Ereignis, то начиная с 1920 г. Хайдеггер отдаляется от этого популярного течения. Среди причин этого отступления можно выделить две основные.

Во-первых, в 1920 г. в Тюбингене выходит критическая работа Риккерта «Философия жизни» [Риккерт, 1998], в которой он довольно едко высмеивает данное направление. Влияние этого мыслителя на Хайдеггера еще предстоит оценить (в 1915 г. он защитил

⁵ Одним из немногих, кто обращает на это внимание в отечественной исследовательской традиции, является И. А. Михайлов [см.: Михайлов, 1999].

во Фрайбурге реабилитационную работу под руководством Риккерта, который вскоре перебрался в Гейдельберг)⁶. Тем не менее по их переписке можно предположить, что Хайдеггер прислушивался к мнению научного руководителя и после защиты, спрашивая совета по разным вопросам [Heidegger, Rickert, 2002]. И хотя в письмах к жене он довольно резко критиковал Риккерта [Heidegger, 2007, p. 93], все же это не дает возможности оценить реальную степень влияния, поскольку такой же участи не избежал и Гуссерль, о котором Хайдеггер в личной переписке высказывался без какого-либо пиетета [Ibid., p. 57]. Так или иначе, нужно обратить внимание на то, что Риккерт между прочим прошелся и по весьма чувствительной для Хайдеггера теме событийного переживания. Вот как он пишет об этом: «Тем не менее под переживанием (Erlebnis) можно понимать нечто совсем другое. Это видно уже из того, что это слово часто используется подобным образом, как и при эмфазе “событие (Ereignis)”. В этом случае мы желаем сказать, что в собственном смысле “пережитое” (im eigentlichen Sinne “erlebt”) нами не осталось нам *чуждым* (nicht fremd geblieben), но сделалось нашей собственностью (unserem Eigentum), частью нас самих (einem Stück unseres Selbst), погрузилось глубоко в наше существо (unseres Wesens) и дало там твердые ростки. Только теперь переживание приобретает *значение* для жизни, т. е. прежде всего для нашей собственной личной жизни (für unser eigenes persönliches Leben) и затем, возможно, для жизни вообще» [Риккерт, 1998, с. 310 (с изм.); Rickert, 1920, pp. 44-45]. Это описание точно соответствует тому, что Хайдеггер утверждал годом ранее в послевоенном курсе лекций. По всей видимости, Риккерт критикует именно тот источник, из которого черпал Хайдеггер. Поэтому можно предположить, что едкая критика старшего коллеги не осталась незамеченной, вследствие чего Хайдеггер до 30-х гг. не тематизировал философию «события».

Но еще более важной была вторая причина. В апреле 1920 г. Хайдеггер на дне рождения Гуссерля познакомился с Ясперсом – событие, которое переросло не только в дружбу, но и некий философский союз. Именно благодаря Ясперсу вскоре после знакомства Хайдеггер открывает новый смысл понятия Dasein, которое отныне станет ключевым для его собственной философии. С этого времени начинается период экзистенциализма в творчестве Хайдеггера. Как вспоминал позднее Ясперс: «Что же объединяло нас? Сначала мы думали, что идем одним путем. Однако вскоре стало ясно, что мы ошибались. Общей у нас все же была оппозиция традиционной профессорской философии. <...> Общим было также восхищение Кьеркегором» [Ясперс, 2001, с. 144]. Насколько я могу судить, влияние экзистенциализма Кьеркегора на философию Хайдеггера хотя и является общеизвестным, но до сих пор не раскрыто в отечественном хайдеггероведении, оно остается лишь на уровне упоминаний. И хотя позднее немецкий философ стремился резко отмежеваться от всякой Existenzphilosophie, тем не менее именно благодаря этому увлечению и рождается фундаментальная онтология, разработкой которой философ будет занят все 20-е гг., т. е. до «поворота» 1930 г. И лишь после этого Хайдеггер, осознав проблематичность попыток истолкования бытия лишь через время, вновь вернется к тому, с чего когда-то и начинал, – к философии «события».

⁶ О влиянии Риккерта на Хайдеггера [см.: Lyne, 2000].

Однако влияние Кьеркегора отнюдь не ограничивается темой экзистенции, но непосредственно связано и с семантикой события, о чем следует сказать специально.

Итак, Ereignis оказывается наиболее интимным и вообще ключевым моментом в становлении философии «немецкого мастера». Далее я хочу обратить внимание на два источника, благодаря которым «событие» могло быть осмыслено философски. Это «Идеи I» Гуссерля и «Заключительное ненаучное послесловие к “Философским крохам”» Кьеркегора⁷. Насколько мне известно, в хайдеггероведении такая трактовка еще не предлагалась (во всяком случае, я не смог найти исследований именно генеалогии Ereignis у Хайдеггера, поскольку все силы брошены на то, чтобы просто понять, о чем вообще идет речь, что все это значит).

В курсе лекций с характерным названием «Основные проблемы феноменологии», прочитанном в зимнем семестре 1910–1911 гг., Гуссерль использует весьма необычное понятие das Eigensein, своебытие, т. е. свое, собственное бытие. Например, в одном месте Гуссерль утверждает следующее: «Во всяком случае, сомнение предполагает данность, несомненную данность мнения, которое ставится под сомнение. *Тем самым это восприятие, этот феномен длящейся эмпирической данности, дан в своем своебытии и в своей длительности* (in seinem Eigensein und in seiner Dauer gegeben), *причем дан абсолютно*» [Husserl, 1973, p. 161]. Это понятие здесь остается непроясненным, однако затем оно появляется в «Идеях I» (1913 г.), где с его помощью Гуссерль очерчивает область феноменологически понятого бытия [см.: Husserl, 1976, pp. 68, 107, 202]⁸. По всей вероятности, именно это и задавало направление мысли Хайдеггера. В частности, Гуссерль говорит о том, что необходимо рассмотреть сознание вообще, в результате чего можно будет увидеть, что в себе самом оно имеет некое «своебытие». Вот достаточно большая, но очень важная для данной темы цитата.

«Итак, твердо устремим свой взгляд на сферу сознания и станем изучать то, что мы имманентно обретаем в ней. Поначалу, еще до совершения феноменологического выключения суждения, подвергнем ее систематическому *сущностному* анализу – пусть даже далеко и не исчерпывающему. Что для нас безусловно необходимо – это некое общее усмотрение сущности *сознания вообще*, в особенности же и того сознания, где в нем самом, согласно его сущности, сознается “естественная” действительность. В этих исследованиях мы идем настолько далеко, насколько это необходимо для достижения усмотрения, к которому мы стремимся, а именно усмотрения, *что сознание в себе самом имеет некое своебытие* (daß Bewußtsein in sich selbst ein Eigensein hat), *которое в своей абсолютной своесущности* (in seinem absoluten Eigenwesen) *не затрагивается феноменологическим выключением*. Оно тем самым остается как “феноменологический остаток”, как принципиально своеобразный регион бытия (eine prinzipiell eigenartige Seinsregion), который на деле может стать полем новой науки – феноменологии. <...> Мы коснулись этого различия уже в наших предварительных эйдетических соображениях ... Оно позволило

⁷ Разумеется, отдельно нужно еще рассмотреть влияние В. Дильтея и М. Шелера, но объема статьи на это уже не хватит.

⁸ В переводе А. В. Михайлова – «особое бытие», «самобытие», «специфическое бытие» [Гуссерль, 2009, с. 104, 153, 281].

нам тогда при переходе от естественной установки к феноменологической прояснить своебытие феноменологической сферы (*das Eigensein der phänomenologischen Sphäre*)» [Гуссерль, 2009, с. 104, 281 (с изм.); Husserl, 1976, pp. 68, 202].

Вероятно, переводы *Eigensein* и *Eigenwesen* как своебытия и своесущности, так сказать, режут глаз, – они и правда не слишком благозвучны по-русски, – но в данном случае я стремлюсь к сохранению лексической единицы в том виде, как она встречается на немецком языке, поскольку для понимания Хайдеггера это имеет большое значение. Ясно, что речь идет о собственном, своем бытии (*Eigensein*), также как о собственной, своей сущности (*Eigenwesen*), т. е. о сфере феноменов, которая достигается благодаря переходу от естественной установки к феноменологической: из объективированной сферы она возвращается обратно к первично дающему созерцанию. Нужно отметить, что онтология естественной установки определяется Гуссерлем как сфера *наличного* (*Vorhandene*), тогда как феноменологическая установка открывает сферу собственного бытия, своебытия (*Eigensein*). Поскольку это весьма экзотичное слово, можно было бы предположить, что это неологизм Гуссерля, но оно в то же время появляется в словаре философских понятий Р. Эйслера [Eisler, 1910, pp. 976, 1065, 1150], хотя в данном случае это уже неважно. Нужно только отметить, что Хайдеггер был осведомлен о том, что Гуссерль фиксирует разные способы бытия: наличное для естественной установки и собственное для феноменологической. Для разработки философии Ereignis, которая осмысляется как философия собственного переживания, это должно было иметь большое значение.

Но здесь возникает затруднение. Правовой источник познания у Гуссерля остается имманентным и математизированным, поскольку принадлежит области сознания и рефлексии, тогда как *Dasein* характеризуется трансцендентностью и историчностью, а потому его исходно дающая сфера есть дотеоретическое событие. Поэтому в случае Гуссерля можно говорить о строгой науке, тогда как Хайдеггер ищет уже то, что предшествует и обуславливает возможность научного мышления – некую пранауку⁹. И если Гуссерль строит науку о сущностях, ориентируясь на идеал математизации [Гуссерль, 2009, с. 44-45], тем самым упуская историческое измерение, то Хайдеггер стремится переосмыслить феноменологию своего учителя, которую видит уже не как «в предельно широком смысле *mathesis universalis*» [Там же], а как герменевтику фактичности и экзистенциальную аналитику. Отсюда вопрос: как преодолеть это затруднение? Как можно удержать область феноменологического своебытия, но избежать рефлексии? Как вырваться из имманентности сознания? И вот здесь самое время обратиться к фигуре Кьеркегора.

Я считаю, что И. А. Михайлов вовсе не преувеличил, когда один из разделов своей книги назвал «Кьеркегор и Ясперс как соавторы “Бытия и времени”» [Михайлов, 1999, с. 166-175]. Влияние обоих мыслителей на Хайдеггера трудно переоценить, хотя последний, чтобы подчеркнуть свою оригинальность, старался отмежеваться от экзистенциализма и всего с ним связанного¹⁰. Однако это не вызывает доверия, потому что именно через Кьеркегора он нашел способ выразить Ereignis языком экзистенциальной аналитики.

⁹ Поэтому, кстати говоря, у Хайдеггера возникают проблемы, когда он стремится придать строго научный характер своей философии [см.: Паткуль, 2020, с. 698-747]. Собственно говоря, основной вывод таков: «Хайдеггер действительно отказывается от того, чтобы рассматривать философию в качестве науки и переходит к так называемой *бытийно-исторической мысли*» [Там же, с. 747].

¹⁰ Отношение Хайдеггера к Ясперсу в 30-х гг. очень показательно. По дневниковым записям («Черным тетрадям») хорошо видно, как Хайдеггеру не нравится близость их позиций, вследствие чего он стремится дистанцироваться от старшего (бывшего) друга. Причем Ясперс словно не дает ему покоя, Хайдеггер всякий раз

Виндельбанд говорил о том, что номотетические и идеографические науки представляют собой нечто единое, т. е. они неполноценны по-отдельности. Уже со времен Сократа «основным моментом всякого научного мышления» является «отношение общего к особенному (das Verhältnis des Allgemeinen zum Besonderen)» [Виндельбанд, 2007, с. 340; Windelband, 1904, p. 11]. Это отношение было весьма проблематичным и чувствительным не только для философии жизни, но и для фундаментальной онтологии тоже. Следует иметь в виду, что Хайдеггер исходит из приоритета особенного по отношению к общему. Этот приоритет по-своему обосновывался Дильтеем и Гуссерлем, но и для Кьеркегора он имел первостепенное значение: «В то время как объективное мышление вполне безразлично к мыслящему субъекту и его существованию, субъективный мыслитель, будучи существующим, сущностно заинтересован в своем мышлении и существует внутри него. Поэтому его мышление наделено иным типом рефлексии, иначе говоря, наделено внутренним аспектом или чем-то, чем можно обладать, поскольку оно принадлежит именно этому субъекту и никому больше» [Кьеркегор, 2012, с. 80]. Этот «иной тип рефлексии» Хайдеггер и стремится зафиксировать, опираясь не только на Дильтея и Гуссерля, но и на Кьеркегора.

Вообще говоря, тема «Хайдеггер и Кьеркегор» довольно неплохо изучена в западной литературе. Сравнительно недавно вышло очень обстоятельное и наиболее полное на данный момент исследование этой темы [Thonhauser, 2016]. Однако при всех достоинствах книги Г. Тонхаузера, без которой теперь трудно представить изучение влияния Кьеркегора на Хайдеггера, в ней все же оказался упущен один очень важный аспект, имеющий принципиальное значение для философии Ereignis. А именно, у Кьеркегора есть глубокое, но не выраженное с достаточной полнотой учение об *усвоении*, или *присвоении* (Aneignung)¹¹, которое показывает, как преодолевается теоретическая объективация. Собственно говоря, пафос Кьеркегора направлен на то, чтобы утвердить права субъективной истины, чтобы показать, что истина есть нечто личное, в чем человек бесконечно заинтересован, а не какая-то объективная абстракция, до которой нет дела тому, кто страстно ищет Бога. Понятно, что для раннего Хайдеггера этот религиозный и одновременно философский пафос был бесконечно близок.

В частности, Кьеркегор пишет следующее: «Соответственно, всякий исследующий, познающий, спекулятивно рассуждающий субъект задается вопросом об истине, однако его не интересует истина субъективная, истина присвоения (Wahrheit der Aneignung). А потому исследующий субъект, возможно, и заинтересован в предмете исследования, однако он не является бесконечно, лично, страстно заинтересованным в собственном отношении к этой истине (sein Verhältnis zu dieser Wahrheit), которая затрагивает вопрос о его собственном вечном блаженстве. <...> А по поводу отношения субъекта к некоторой известной истине они заранее предполагают, что коль скоро эту объективную истину вообще можно

пытается подчеркнуть абсурдность экзистенциальной философии, что больше похоже на психологическое вытеснение [Хайдеггер, 2016, с. 41, 53, 60-61]. Мысль Хайдеггера снова и снова возвращается к Ясперсу, чтобы отвергнуть его философию: «Смехотворность “экзистенциальной философии”, она ничуть не лучше “философии жизни”» [Там же, с. 25, см. также: с. 28, 36, 39, 40, 51, 57, 64, 67, 88-89, 278, 306, 388, 410, 433-435]. Но именно из философии жизни и экзистенциальной философии рождается собственный проект Хайдеггера.

¹¹ Поскольку Хайдеггер читал Кьеркегора в немецком переводе [Kierkegaard, 1909-1922], здесь нет нужды обращаться к датскому тексту. Гораздо важнее показать, какую лексику видел Хайдеггер в доступных ему текстах и как он мог ее интерпретировать.

постигнуть, присвоение (Aneignung) ее становится делом вполне легким; присвоение как бы заранее автоматически включено в сам процесс, тогда как индивид am Ende есть нечто вполне безразличное. Именно таково основание возвышенных притязаний ученого и комичной безмозглости начетчика» [Кьеркегор, 2012, с. 33-34; Kierkegaard, 1910, pp. 118-119]. Таким образом, истина есть истина усвоения (Wahrheit der Aneignung), т. е. субъективная истина, доступная лишь феноменологически, а не в теоретической объективации. Однако здесь нужно отметить, что речь в данном случае идет, конечно, не об истинах математики или физики, поскольку в рамках этих предметных областей теоретическая объективация вполне законна и вообще обеспечивает возможность существования самих этих наук. Отсюда становится ясным, почему Хайдеггер будет говорить о том, что наука не мыслит: она лишь умножает вычисления одной отдельно взятой области и не способна увидеть целое. Но сущность человека отнюдь не исчерпывается логическим познанием, он переживает гораздо больше, чем способен объективировать.

Особенно это становится заметным в области религиозного переживания: «Христианство хочет дать отдельному [человеку] вечное блаженство, – а это некое благо, которое не распределяется оптом, но дается только по одному. И хотя христианство и предполагает, что субъективность как возможность присвоения есть возможность (die Subjektivität sei als Aneignungsmöglichkeit die Möglichkeit) обретать такое благо, оно, тем не менее, отнюдь не предполагает, что субъективность уже дана сама собою или даже что – само собою – уже имеется идея значимости такого блага. Развитие или преобразование этой субъективности, ее бесконечное сосредоточение в себе самой перед лицом представления о высшем благе бесконечного, то есть вечного блаженства, есть развитая возможность первой возможности субъективности. Потому христианство возражает против какой бы то ни было объективности; оно хочет, чтобы субъект был бесконечно озабочен собой самим (das Subjekt sich unendlich um sich selbst bekümmere). Единственное, чего оно просит, это субъективности; истинность христианства, если таковая вообще есть, состоит именно в этом; объективно такой истинности нет вовсе (Objektiv ist diese gar nicht vorhanden)» [Там же, с. 130 (с изм.); Ibid., p. 210]. Эту позицию усваивает молодой Хайдеггер. Во всяком случае, та исследовательская программа, которую Хайдеггер предлагает в курсе лекций, прочитанном в 1919 г., «Идея философии и проблема мировоззрения», вполне согласуется с тем, о чем говорит Кьеркегор. Еще раз повторяю, что источников у Хайдеггера было больше, здесь обязательно нужно учитывать и Шелера, и Дильтея, и Ясперса, но в одной статье все это охватить просто невозможно. Поэтому достаточно будет подчеркнуть, что критика Хайдеггера в адрес Гуссерля, согласно которой последний остается в области естественнонаучной методологии и ориентируется на идеал объективной истины, вызвана именно таким субъективистским (в лучшем смысле этого слова) толкованием истины.

Здесь же находит свое начало и экзистенциальная аналитика, посредством которой Хайдеггер преодолевает научный объективизм и рефлексивность Гуссерля¹². Так, Кьеркегор утверждает следующее: «Когда же для экзистирующего духа qua экзистирующего встает вопрос об истине ... Для объективной рефлексии истина становится чем-то объективным, то есть объектом, и главное здесь – устранить субъекта. Для субъективной рефлексии истина

¹² Подробнее о противоречии между рефлексивной методологией Гуссерля и герменевтикой Хайдеггера [см.: Herrmann von, 2000].

становится присвоением, внутренним, субъективностью (für die subjektive Reflerion wird die Wahrheit die Aneignung, die Innerlichkeit, die Subjektivität), и главное здесь – экзистирова, полностью погрузиться в субъективность» [Там же, с. 188; Ibid., p. 267]. На уровне языка здесь, конечно, еще остается тематика рефлексии, но вместе с тем намечается и другой путь, которым воспользуется Хайдеггер, – истина становится доступной только через усвоение¹³. А это значит, что тот, кто усваивает истину, оказывается неустранимым. Ведь именно о невозможности устранения субъекта жизни и самой жизни Хайдеггер говорил в курсе лекций, прочитанном 1919 г. Истина открывается с помощью усвоения, когда она становится внутренней, своей, живой. В этом смысле Хайдеггер толкует Ereignis как усваивающее переживание, которое фиксирует неустранимость моей самости: «Событие-своения (Er-eignis) также не означает, будто я снаружи или откуда-то еще у-сваиваю (an-eignen) себе пере-живание (Er-lebnis); “вовне” и “внутри” имеют здесь так же мало смысла, как “физическое” и “психическое”. Переживания суть события-своения (die Erlebnisse sind Er-eignisse), поскольку они живут из своего (sie aus dem Eigenen leben), и жизнь живет только так» [Хайдеггер, 2025, с. 118-119 (с изм.); Heidegger, 1999, p. 75].

В заключение нужно отметить один проблематичный момент моей интерпретации. Тонхаузер в своем обстоятельном исследовании выражает сомнение в том, что Хайдеггер изучал Кьеркегора до 1919 г., а точнее даже до 1920-го. Он полагает, что лишь под влиянием Ясперса Хайдеггер начинает штудировать датского мыслителя. Методологически в своем исследовании Тонхаузер опирается только на сохранившиеся свидетельства и упоминания, которые текстуально зафиксированы. Поэтому, рассматривая все доступные материалы, которые относятся к 1917–1919 гг., он приходит к выводу, что «Кьеркегор ни разу не упоминается ни в текстах, ни в письмах этого периода, а потому следует констатировать: сомнительно, играет ли Кьеркегор вообще какую-либо роль в религиозно-философской трансформации Хайдеггера» [Thonhauser, 2016, p. 201]. Однако Хайдеггер отнюдь не тот мыслитель, который охотно демонстрировал источники своей мысли, а потому текстуальные свидетельства и конкретные упоминания все же не могут быть единственным методологическим ориентиром. Вполне вероятно, что критическое отношение к «системе католицизма» [Ott, 1988, p. 106], о котором заявил Хайдеггер, порывая с верой своего детства, связано именно с той деструкцией любой церковной и спекулятивной системы, которую предпринял Кьеркегор.

Список литературы / References

- Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс.
Benveniste, E. (1974). *General Linguistics*. Stepanov, Yu. S. (ed.). Moscow. (In Russ.)

¹³ Исаевы переводят это понятие как «присвоение», но в русском языке у него есть некая насильственная коннотация, как «присвоение чужой собственности», т.е. присвоение есть нечто внешнее и относится к не своему, ибо можно присвоить, но не усвоить. Поэтому я предпочитаю передавать Aneignung именно как *усвоение*, поскольку оно связано с познанием и *внутренним* обогащением, т.е. той самой внутренностью и субъективностью, о которых говорил Кьеркегор. Присвоить – это взять чужое, усвоить – это понять и сделать своим.

Бибихин, В. В. (2009). Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge». *Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару*. М.: Институт философии теологии и истории св. Фомы. С. 493-520.

Bibikhin, V. V. (2009). Heidegger: From Being and Time to Beiträge. In *Early Heidegger. Seminar Materials*. Moscow. Pp. 493-520. (In Russ.)

Виндельбанд, В. (2007). История и естествознание. *Прелюдии*. Пер. с нем. С. Франка. М.: Гиперборей; Кучково поле. С. 333-352.

Windelband, W. (2007). History and Natural Science. In *Preludes*. Frank, S. (transl.). Moscow. Pp. 333-352. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (2009). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая*. Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический Проект.

Husserl, E. (2009). *Ideas toward Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One*. Mikhailov, A. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Кьеркегор, С. (2012). *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический Проект.

Kierkegaard, S. (2012). *Concluding Unscientific Afterword to "Philosophical Fragments"*. Isaeva, N., Isaev, S. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Михайлов, И. А. (1999). *Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни*. М.: Прогресс традиция; Дом интеллектуальной книги.

Mikhailov, I. A. (1999). *Early Heidegger: Between Phenomenology and the Philosophy of Life*. Moscow. (In Russ.)

Паткуль, А. Б. (2020). *Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера*. СПб.: Наука.

Patkul, A. B. (2020). *The Idea of Philosophy as a Science of Being in Martin Heidegger's Fundamental Ontology*. St. Petersburg. (In Russ.)

Подорога, В. А. (1995). *Выражение и смысл*. М.: Ad Marginem.

Podoroga, V. A. (1995). *Expression and Meaning*. Moscow. (In Russ.)

Подорога, В. А. (2010). Событие. *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль. С. 582-584.

Podoroga, V. A. (2010). Event. In *New Philosophical Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow. Pp. 582-584. (In Russ.)

Поздняков, М. В. (2016). Онтологический проект Хайдеггера 1930-х годов. *Историко-философский ежегодник*. Т. 31. С. 165-186.

Pozdnyakov, M. V. (2016). Heidegger's Ontological Project of the 1930s. *Historical-Philosophical Yearbook*. Vol. 31. Pp. 165-186. (In Russ.)

Риккерт, Г. (1998). *Философия жизни*. Пер. с нем. Е. С. Берловича, И. Я. Колубовского. Киев: Ника-Центр. С. 269-447.

Rickert, H. (1998). *Philosophy of Life*. Berlovich, E. S., Kolubovsky, I. Ya. (transl.). Kyiv. Pp. 269-447. (In Russ.)

Стовба, А. (2022). Феномен Ereignis в философии М. Хайдеггера. *Horizon: Феноменологические исследования*. Т. 11. № 1. С. 276-297.

Stovba, A. (2022). The Phenomenon of Ereignis in the Philosophy of M. Heidegger. *Horizon: Phenomenological Studies*. Vol. 11. No. 1. Pp. 276-297. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2016). *Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938)*. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара.

Heidegger, M. (2016). *Reflections II–VI (Black Notebooks 1931–1938)*. Grigoriev, A. B. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2023). *Событие*. Пер. с нем. А. В. Перцев. СПб.: Алетейя.

Heidegger, M. (2023). *Event*. Pertsev, A. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2025). *К определению философии*. Пер. с нем. А. П. Шурбелев. СПб.: Владимир Даль.

Heidegger, M. (2025). *On the Definition of Philosophy*. Shurbelev, A. P. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Ясперс, К. (2001). Хайдеггер. *Фауст и Заратустра*. СПб.: Азбука. С. 142-159.

Jaspers, K. (2001). Heidegger. In *Faust and Zarathustra*. St. Petersburg. Pp. 142-159. (In Russ.)

Eisler, R. (1910). *Wörterbuch Der Philosophischen Begriffe*. Berlin. Ernst Siegfried Mittler und Sohn. Bd. 2.

Heidegger, M. (1976). Brief über den “Humanismus”. In *Wegmarken*. Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann. Pp. 313-364.

Heidegger, M. (1999). *Zur Bestimmung der Philosophie*. Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann.

Heidegger, M. (2007). “Mein liebes Seelchen!” *Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride 1915-1970*. München. Random House.

Heidegger, M., Rickert, H. (2002). *Briefe 1912 bis 1935 und Andere Dokumente*. Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann.

Herrmann von, F.-W. (2000). *Hermeneutik und Reflexion. Der Begriff der Phänomenologie bei Heidegger und Husserl*. Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann.

Husserl, E. (1973). *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Erster Teil: 1905-1920*. Den Haag. Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1976). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag. Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1991). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Dordrecht. Springer.

Kierkegaard, S. (1909-1922). *Gesammelte Werke*. Bd. 1-12. Schrempf, Ch., Gottsched, H. (hrsg.). Jena. Diederichs.

Kierkegaard, S. (1910). *Philosophische Brocken. Abschließende unwissenschaftliche Nachschrift. Werke*. Bd. 6. Erster Teil. Jena. Eugen Diederichs.

Lyne, I. (2000). Rickert and Heidegger: On the Value of Everyday Objects. *Kant Studien*. Vol. 91. No. 2. Pp. 204-225.

Ott, H. (1988). *Martin Heidegger: Unterwegs zur seiner Biographie*. Frankfurt; New York. Campus Verlag.

Rickert, H. (1920). *Die Philosophie des Lebens*. Tübingen. Mohr (Paul Siebeck).

Sheehan, Th. (2015). *Making Sense of Heidegger. A Paradigm Shift*. London; New York. Rowman & Littlefield.

Thonhauser, G. (2016). *Ein rätselhaftes Zeichen. Zum Verhältnis von Martin Heidegger und Søren Kierkegaard*. Berlin. Walter de Gruyter.

Windelband, W. (1904). *Geschichte und Naturwissenschaft*. Straßburg. Heitz.

Wrathall, M. A. (2021). Adaptation (Ereignis). In Wrathall, M. A. (ed.). *The Cambridge Heidegger Lexicon*. Cambridge; New York. Cambridge University Press. Pp. 19-30.

Сведения об авторе / Information about the author

Гагинский Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, e-mail: algaginsky@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9412-9064>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 06.11.2025

Принята к публикации: 12.11.2025

Gaginsky Aleksei Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1, e-mail: algaginsky@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9412-9064>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 06.11.2025

Accepted for publication: 12.11.2025

УДК 1.168

ВЕЩИ, СВОЙСТВА, ОТНОШЕНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ТИПОВОЙ ОНТОЛОГИИ

О. А. Доманов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
domanov@philosophy.nsc.ru

Аннотация. Вещь, свойство и отношение относятся к базовым онтологическим категориям с древности вплоть до настоящего времени. Начиная с Фреге, логика описывает свойства и отношения единообразно как n -местные предикаты, и теория типов часто следует этому. Вместе с тем их традиционное понимание не только приводит к трудностям и парадоксам, но и противоречит онтологическим интуициям самой теории типов. В статье описано традиционное представление свойств и отношений в теории типов и альтернативная формализация, исключающая появление гипотетической «вещи без свойств». Теория типов рассматривается как не только логическая, но и как онтологическая система. Показано, что распространенное представление свойств как типов, зависимых от объектов, следует модели описания отношений и становится неадекватным при применении к самим вещам. Приведены примеры простых формализаций на языке Lean. Показано, в каком смысле данная формализация лучше соответствует онтологическим основаниям теории типов.

Ключевые слова: теория типов, свойство, отношение, онтология теории типов.

Для цитирования: Доманов, О. А. (2025). Вещи, свойства, отношения в теоретико-типовой онтологии. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 83-92. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.83-92

THINGS, PROPERTIES, RELATIONS IN TYPE-THEORETICAL ONTOLOGY

O. A. Domanov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
domanov@philosophy.nsc.ru

Abstract. Thing, property and relation from ancient to present times belong among fundamental ontological categories. Starting from Frege logic describes properties and relations uniformly as n -placed predicates and type theory often follows this course. However, their traditional understanding not only leads to problems and paradoxes but also goes against ontological intuitions of type theory itself. The article examines the traditional presentation of properties and relations in type theory and their alternative formalization which prevents the hypothetical emergence of any «thing without properties». Type theory is considered as not merely logical but also ontological system. It is argued that the common presentation of properties as types dependent on objects follows the description model of relations and becomes inadequate when applied to the things as such. Simple examples of formalizations in the language Lean are provided. The sense in which this formalization fits better the ontological foundations of type theory is described.

Keywords: type theory, property, relation, type theory ontology.

For citation: Domanov, O. A. (2025). Things, Properties, Relations in Type-Theoretical Ontology. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 83-92. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.83-92

Вещь, свойство и отношение относятся к базовым онтологическим категориям. Вещи и свойства различаются с самых первых шагов построения онтологии как дисциплины. Уже Аристотель в своей первой философии разделяет базовую категорию *усию* (то, о чем говорится) и остальные категории (то, что говорится). Смысл *усии* разделяется затем на субстанцию (*substantia*) и сущность (*essentia*), где первая обозначает саму отдельную вещь, а вторая – форму или чтойность этой вещи, то *что* эта вещь есть. Уильям Оккам в XIV в., классифицируя онтологические понятия и стремясь оставить из них лишь необходимый минимум, ограничивается только субстанциями и качествами (а также отношениями для некоторых специальных случаев, таких как Божественная Троица). Следы онтологии «субстанция-атрибут» мы находим во многих учениях прошлого. Понятие материи как чего-то бесформенного, обретающего форму, уже Платону казалось необходимым, хотя и подозрительным. Парадоксы материи в классической онтологии так и не были разрешены, несмотря на активное обсуждение в Средние века. Остается также не вполне ясным различие между существенными свойствами вещей (атрибутами субстанции) и их несущественными свойствами. Старый спор о том, можно ли считать вещь множеством ее атрибутов, также коренится в этой онтологии. Критерий тождества неразличимых Лейбница – «вещи равны, если обладают тем же набором свойств» – исключает наличие двух вещей с одними и теми же свойствами. Это позволяет определить вещь как совокупность свойств. Это, однако, приводит ко многим трудностям и парадоксам, таким как «Корабль Тесея». Может ли объект потерять все свои свойства, оставшись тем же самым? Остается ли той же самой гусеница, превращающаяся в куколку и затем в бабочку? Кантовская вещь-сама-по-себе (ноумен) также подчиняется этой схеме. Она представляет собой неявленную вещь, которой наша познавательная способность прикладывает «форму явленности» или форму опыта. У Канта же мы найдем и прямое использование понятия материи, которое у него присутствует в виде неопределенного «многообразного», которое оформляется чувственностью и рассудком.

Что касается отношений, то трудности их адекватного описания преследовали онтологию вплоть до Фреге, который, совершая, по словам Рассела, крупнейший шаг в логике со времен Аристотеля, использует функцию как общую форму, позволяющую записывать предикаты с любым количеством аргументов. Тем не менее, и Фреге оставляет неизменной описанную выше схему: его онтология состоит из вещей и функций, которые формализуют как свойства, так и отношения. Вплоть до настоящего времени тройка понятий «вещь», «свойство», «отношение» выступает как набор базовых онтологических категорий. В своей книге, специально им посвященной, А. Уемов формулирует это следующим образом: «Можно изучать главным образом вещи, преимущественно отдельные свойства или отношения, но нельзя изучать что-либо иное, кроме вещей, свойств и отношений» [Уемов, 1963, с. 3]. Современные онтологии, используемые для компьютерного представления знаний, такие как OWL или UML, следуют этому пониманию. В них, как правило, онтология представлена как набор объектов, обладающих атрибутами и находящихся в отношениях, причем атрибуты не разделяются на сущностные и акцидентальные. Будучи привлекательным из-за простоты, это представление не лишено проблем. Одна из основных состоит в том, что оно допускает лишь ограниченное использование математических методов доказательства и проверки корректности. В то же время множество математических систем, показавших в последнее время свою эффективность как в формализации математики, так и в расширении возможностей генеративного искусственного интеллекта, таких как Rocq, Agda, Lean и др., основаны не на логиках,

восходящих к Фреге, а на вариантах теории типов. Последняя не только является альтернативной логической системой (интуиционистской и, шире, конструктивистской), но и опирается на иные философские – в частности, онтологические – идеи. Рассмотрим, какие трансформации это влечет для понимания вещей (объектов), свойств (атрибутов, качеств) и отношений.

Онтология теории типов

Теория типов является интерпретированной формальной системой [Martin-Löf, 1993, p. 1]. В этом смысле, она всегда уже оказывается моделью, т.е. описывает некоторую онтологию. Традиционное для формальной семантики различие между самостоятельно определенным формальным языком и его дальнейшей интерпретацией отсутствует в теории типов. По этой причине теорию типов можно рассматривать не только как логический, но и как онтологический язык.¹ Нашей первой задачей будет выделение этой предполагаемой теорией типов онтологии. Мы будем рассматривать язык теории типов не просто как формальный, а как схватывающий онтологическую структуру формализуемых объектов. Формализация понимается здесь не как перевод в формализованный язык, а как, прежде всего, усмотрение формы и лишь затем – ее запись в таком формализованном языке.

Начнем с рассмотрения понятий вещи и свойства (атрибута).

Термин «атрибут» происходит от латинского *attributio*, «приписывание», и означает качество или свойство, которое приписывается вещи (или субстанции в классической онтологии). Он связан с субъектно-предикатной логикой, в которой основной формой предложения является форма «*S* есть *P*». При обычной формализации [напр.: Chen, 1976, p. 12] атрибут понимается как функция из множества объектов в множество кортежей значений атрибутов:

$$f : E_i \rightarrow V_{i_1} \times \dots \times V_{i_n}.$$

Например, если страна рассматривается как атрибут городов, которые в ней расположены, то атрибут формализуется как функция $\text{Город} \rightarrow \text{Страна}$, где *Город* – множество городов, а *Страна* – множество стран. В теории типов соответствующая конструкция формализуется с помощью зависимого типа $\text{Город}(\text{Страна})$, где *Страна* – это тип стран, а *Город* – семейство типов (в данном случае, множеств) городов, индексированное множеством стран. Иначе говоря, город представляет собой функцию, значением которой служит тип: $\text{Город} : \text{Страна} \rightarrow \text{Тип}$ – т.е. тип, зависящий от другого типа. Эта конструкция изображена на рис. 1. На нем каждой стране $x_i \in \text{Страна}$ соответствует множество городов $\text{Город}(x_i)$. Если мы объединим все эти множества городов в одно, то можем построить функцию из этого объединенного множества в множество стран, аналогичное той, что мы имеем в традиционном подходе. Обратно, если у нас имеется функция, из множества всех городов в множество стран, то первое из них разбивается на классы эквивалентности по равенству значений этой функции (рис. 2), и мы получаем семейство, аналогичное тому, что мы видим в теории типов. Таким образом, традиционный и теоретико-типовой подходы структурно эквивалентны и могут быть переведены друг в друга (в частном случае типов, понимаемых как множество).

¹ Что, в частности, выражено в идее так называемого вычислительного тринитаризма: Harper, R. (2011). The Holy Trinity [Online]. *Existential Type*. Available at: <https://existentialtype.wordpress.com/2011/03/27/the-holy-trinity> (Accessed: 27 March 2011).

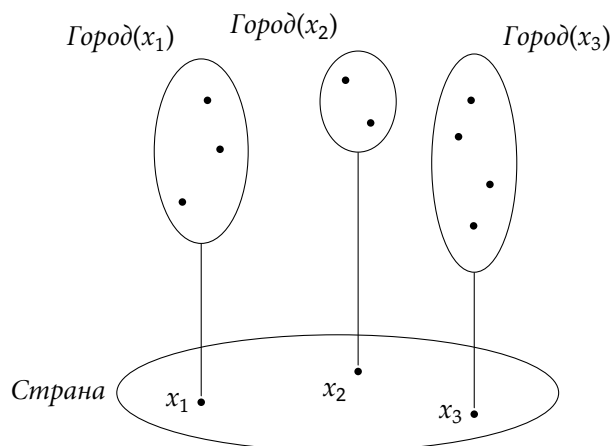

Рис. 1: Семейство типов городов.

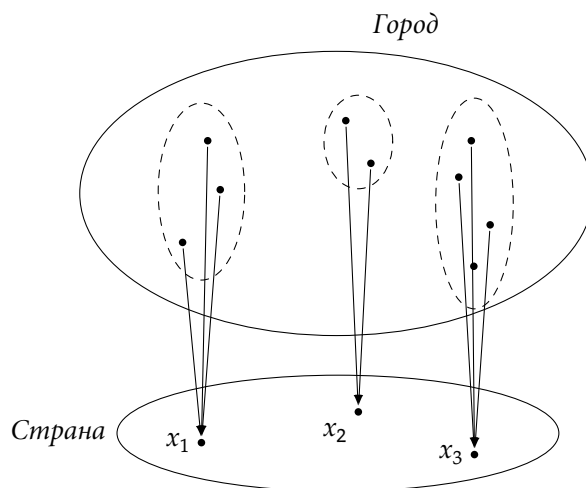

Рис. 2: Функция приписывания атрибута.

Онтологически, однако, мы имеем существенную разницу. Объекты в теории типов всегда относятся к какому-то типу. Этот тип должен быть указан при появлении любого объекта в теории и в дальнейшем не может быть изменен. С эпистемологической точки зрения, объект всегда «какой-то», не существует «никаких» объектов: при встрече с объектом мы опознаем его как нечто определенное, т. е. относящееся к тому или иному типу, пусть даже к типу «нечто смутное и неясное». Знание объекта всегда сопровождается знанием его типа (или формы, или чтойности, как это называлось в средневековой онтологии). В терминах атрибутов это означает, что объекты всегда появляются в теории (т. е. в нашем знании) как уже обладающие атрибутами. Не имеется никакого предполагаемого присвоения атрибута объекту, им еще не обладающему. В теории типов ни в каком виде не предполагается абстракция «вещи без свойств» или «вещи без формы». В то же время в семантике Фреге она присутствует в виде множеств, на которых интерпретируется его «исчисление понятий» (в этом смысле, хотя Фреге определенно совершает крупнейший шаг в логике со времен Аристотеля, у него остается онтологическая схема, предполагающая или допускающая гипотетический акт присваивания атрибута или оформления бесформенного).

Объекты, свойства и отношения мыслятся отдельно друг от друга.

В теории типов тип в определенном смысле предшествует объекту (терму типа). Появление объекта становится возможным через его узнавание, т.е. опознание как того, что определено и отлично от других объектов, т.е. как относящегося к типу. Тип в этом смысле задает априорную структуру, позволяющую объекту быть в качестве того, что он есть. Его функция аналогична трансцендентальным структурам у Канта, определяющим форму возможного мира. Это не случайно, поскольку теория типов заимствует идею трансцендентального у Канта через Гуссерля. В то же время аристотелевская онтология существенным образом опирается на идею онтологической независимости субстанции: она существует сама по себе, тогда как другие сущие зависят от нее в своем существовании.² Здесь есть определенная неясность, поскольку Аристотель одновременно предполагает наличие у вещей сущностных свойств – тех, отсутствие которых не позволяет вещи быть тем, что она есть. В этом отношении вещь, напротив, зависит от свойств и не существует без них. Эта двусмысленность приводит к неясностям в понимании вещей, свойств и отношений в онтологии и логике, включая их теоретико-типовые варианты. Рассмотрим подробнее, как это происходит в теории типов.

Отношения и атрибуты в теории типов

Начнем с понятия отношения. Оно представляется как зависимый тип, зависящий от типов, находящихся в отношении. Например, для отношения $R \subseteq A \times B$ мы имеем:³

```
inductive R : A → B → Type where
| r1 : R a b
| r2 : R c d
```

Это функция с двумя аргументами, значением которой является тип. В силу принципа «пропозиция-как-тип» (соответствие Карри–Ховарда) мы можем рассматривать результирующие типы $R \times y$ как пропозиции; тогда $r1$, $r2$ являются доказательствами пропозиций $R a b$ и $R c d$, соответственно. Типы также возможно рассматривать как ситуации [Cooper, Ginzburg, 2015]. Тогда отношение понимается как зависящая от объектов ситуация – в которой эти объекты находятся в данном отношении. Тогда $r1$, $r2$ – инстанции или экземпляры соответствующих ситуаций. Интерпретируя онтологически, это можно рассматривать как «внешнее» наложение отношения в том смысле, что объекты предполагаются данными вне отношения и предшествуют ему.

Перейдем теперь к представлению атрибутов. Мы видели, что в традиционной формализации они записываются как функции из множества объектов в множество значений или кортежей значений атрибутов. В конструктивных теориях, к которым относится теория типов, построение этой функции должно опираться на некоторые доказательства. Рассмотрим случай одного свойства. Свойства соответствуют предикатам, которые в теории типов представляются как зависимые типы, т.е. как функции из множеств в типы [см., напр.: Ranta, 1994]. Понятый как ситуация, предикат при таком подходе представляет собой ситуацию, зависящую от объектов.

² Эта проблематика существенным образом зависит от двусмысленности глагола «быть», который может пониматься либо экзистенциально, в смысле существования, либо в смысле чтойности в контексте ответа на вопрос «что значит *быть чем-то*». Мы, однако, оставляем это за рамками рассмотрения.

³ Для примеров я использую теоретико-типовой язык Lean: <https://lean-lang.org>.

Например, в случае цвета ситуацией является «объект 0 – красный», а его инстанциями – доказательства того, что 0 действительно красный. Мы видим ту же схему, что и в случае отношений, но для функций от одного аргумента. Это означает, что онтологически это соответствует «внешнему» присоединению атрибута к заранее данному объекту. Фактически, теоретико-типовая формализация не отличается здесь от используемой Фреге и классической онтологией вообще. В этом можно видеть противоречие этой онтологии: не имея адекватных средств для представления отношений, она, тем не менее, моделирует свойства как отношения, т. е. как внешнее атрибутивное, полагая одновременно в некоторых случаях свойство «внутренним», относящимся к сущности.

Другим недостатком такого представления является то, что этот способ не учитывает абстрагирование. Например, в случае цвета в качестве атрибута приписываются значения (красный, зеленый и пр.), которым соответствуют, вообще говоря, разные атрибуты. Этот недостаток, однако, легко корректируется. Посмотрим, как это можно сделать на примере простой модели с цветами.

Пусть имеется тип объектов и предикатов на них для двух цветов, красного и зеленого:

```
inductive Obj where | o1 | o2 | o3 | o4
open Obj
```

```
inductive redP : Obj → Type where
| r1 : redP o1
| r2 : redP o2
inductive greenP : Obj → Type where
| g3 : greenP o3
| g4 : greenP o4
```

Для моделирования абстрагирования введем имена цветов вместе с их отображением в соответствующие предикаты:

```
inductive Colour where | red | green
open Colour
```

```
def ColPred : Colour → (Obj → Type)
| red => redP
| green => greenP
```

Это, в свою очередь, позволяет построить предикат «объект o имеет цвет c »:

```
def ColObj : Obj → Colour → Type := λ o c => ColPred c o
```

Поскольку, вообще говоря, наше знание цветов объектов может быть ограниченным, функция приписывания атрибутов будет в общем случае частичной, зависящей от существования доказательства для ColPred:

```
def ColAttrs (o : Obj) (p : Σ' c : Colour, ColPred c o) : Colour := p.fst
```

В нашем случае, однако, каждый объект имеет цвет, поэтому мы в состоянии построить полную функцию:

```

def cols : ∀ o, Σ' c, ColPred c o
  | o1 => ⟨red, .r1⟩
  | o2 => ⟨red, .r2⟩
  | o3 => ⟨green, .g3⟩
  | o4 => ⟨green, .g4⟩
def ColAttrs' (o : Obj) : Colour := ColAttrs o (cols o)

```

В таком виде она служит функцией присвоения атрибутов объектам. т. е. реализует традиционную формализацию.

Рассмотрим теперь альтернативное представление, не предполагающее объектов без атрибутов. Имея в виду дальнейшее изложение, расширим наш пример, введя еще один атрибут – размер:

```

inductive Size where | small | medium | large
open Size

```

Пусть тип физических объектов это тип объектов, имеющих цвет и размер. Тогда его можно определить следующим образом:

```

inductive PhysObj : Colour → Size → Type where
  | o1 : PhysObj red small
  | o2 : PhysObj red large
  | o3 : PhysObj green small
  | o4 : PhysObj green medium
open PhysObj

```

Это семейство типов и $o1, \dots, o4$ – объекты различных членов этого семейства. Они изначально обладают атрибутами, которые мы можем вычислить. Например, для функции, вычисляющей цвет объекта, имеем:

```

def col {c s} : PhysObj c s → Colour := λ _ => c

```

Здесь видно, что для вычисления используется не сам объект, а аргументы его типа, представленные неявно.

Теперь предикаты цвета можно определить в общем виде как

```

def colP {co so} (c : Colour) : PhysObj co so → Prop := λ o => col o = c

```

или, для конкретных цветов:

```

def redP {c s} : PhysObj c s → Prop := colP red
def greenP {c s} : PhysObj c s → Prop := colP green

```

В нашем определении объекта каждый конкретный объект является доказательством того, что «имеется объект данной формы» (в нашем случае, объект данного цвета и размера). Тогда предикаты `redP` и `greenP` соответствуют утверждениям о том, что объект обладает данной формой. В качестве обобщения мы можем ввести понятие формы (физического объекта), объединяющего цвет и размер:

```
structure FormPhys where
```

```
  colour : Colour
```

```
  size   : Size
```

Тогда объекты и предикаты, определенные выше, примут вид:

```
inductive PhysObj : FormPhys → Type where
```

```
| o1 : PhysObj ⟨red, small⟩
```

```
| o2 : PhysObj ⟨red, large⟩
```

```
| o3 : PhysObj ⟨green, small⟩
```

```
| o4 : PhysObj ⟨green, medium⟩
```

```
open PhysObj
```

```
def col {form} : PhysObj form → Colour := λ _ => form.colour
```

```
def colP {form} (c : Colour) : PhysObj form → Prop := λ o => col o = c
```

```
def redP {form} : PhysObj form → Prop := colP red
```

```
def greenP {form} : PhysObj form → Prop := colP green
```

Объекты, таким образом, определяются как типы, зависящие от формы. Эта форма может быть более сложной, чем простое множество свойств. Например, для объекта, состоящего из частей, она может выглядеть следующим образом:

```
structure FormPart where
```

```
  typ : Type
```

```
  rel : typ → typ → Type
```

```
  wp : isWholePart rel
```

где `wp` – доказательство того, что отношение `rel` является отношением «часть-целое». Соответственно, тип объектов, состоящих из частей, можно определить как:

```
inductive PartObj : FormPart → Type where
```

```
| o1 : PartObj ⟨A, PA, isPA⟩
```

```
| o2 : PartObj ⟨B, PB, isPB⟩
```

где `A`, `B` – типы составляющих, `PA`, `PB` – отношения на них, а `isPA`, `isPB` – доказательства того, что эти отношения являются отношениями «часть-целое». Каждый из объектов `o1`, `o2` появляется изначально как состоящий из частей, т. е. как обладающий определенной формой.

Мы видели выше, что тип отношения можно рассматривать как тип ситуаций, зависящих от объектов. Эти ситуации, таким образом, соединяют объекты внешним образом. Соответствующие конструкторы можно понимать как конструкторы связей, которые устанавливают отношение между заранее данными объектами. Но сами объекты не всегда можно понимать таким же образом. В некоторых случаях, действительно, на обладание атрибутом можно смотреть как на результат его присвоения предсуществующему объекту. Но в других случаях нам требуются определения объектов, изначально обладающих определенной формой. Это различие, проведенное здесь в теоретико-типовых терминах, соответствует различию между сущностными

и случайными или акцидентальными свойствами в классической онтологии. В теории типов оно возникает естественным образом, поскольку объекты в ней всегда появляются определенным образом оформленными, относящимися к определенному типу.

Заключение

Мы видим, что онтология вещей, свойств и отношений оказывает свое влияние на теоретико-типовую формализацию. Вместе с тем, понятие зависимых типов или семейств типов позволяет построить представление, свободное от определенных проблем этой онтологии. Формирование семейств типов является неформальным процессом. Мы можем предположить, что люди сначала научаются, например, выделять объекты отдельных цветов, т. е. формировать типы для каждого отдельного цвета. Затем они объединяют их в семейство типов цвета, а затем – формируют типы различных объектов, обладающих цветами. В любом случае формирование семейств происходит в результате типизации объектов, которые никогда не даны отдельно от своих свойств и форм. Описанная теоретико-типовая формализация отражает этот процесс, в то время как традиционное представление его через приписывание атрибута напротив затемняет, что и приводит к трудностям и парадоксам.

Список литературы / References

- Уемов, А. И. (1963). *Вещи, свойства и отношения*. М.: АН СССР. 183 с.
Ouemov, A. I. (1963). *Things, Properties, and Relations*. М. 183 p.
- Chen, P. P.-S. (1976). The Entity-Relationship Model—Toward a Unified View of Data. *ACM Trans. Database Syst.* Vol. 1. No. 1. Pp. 9-36. DOI: 10.1145/320434.320440.
- Cooper, R., Ginzburg, J. (2015). Type Theory with Records for Natural Language Semantics. In Lappin, S., Fox, C. (eds.). *The Handbook of Contemporary Semantic Theory*. Wiley. Pp. 376-407. DOI: 10.1002/9781118882139.ch12.
- Martin-Löf, P. (1993). *Philosophical Aspects of Intuitionistic Type Theory. Lectures given at the Faculteit der Wijsbegeerte, Rijksuniversiteit Leiden, 23 September – 16 December 1993*. [Online]. 194 p. Available at: <https://pml.flu.cas.cz/uploads/PML-LeidenLectures93.pdf> (Accessed: 10 October 2025).
- Ranta, A. (1994). *Type-Theoretical Grammar*. Clarendon Press. 226 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Доманов Олег Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: domanov@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

Получена: 15.10.2025

После редактирования: 10.11.2025

Принята: 17.11.2025

Oleg Domanov — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: domanov@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

The paper was submitted 15.10.2025

Received after reworking 10.11.2025

Accepted for publication 17.11.2025

УДК 165:004.8

«ГАЛЛЮЦИНАЦИИ» ИИ КАК НОВАЯ ФОРМА ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
shev@philosophy.nsc.ru

Аннотация. В статье предлагается трактовка галлюцинаций в языковых моделях не как простого следствия статистической природы ИИ, а как новой формы эпистемической ошибки, активно порождающей ложные убеждения под видом достоверного знания. Автор критикует метафору «стохастического попугая», которая сводит деятельность ИИ к пассивному воспроизведению данных без претензии на истину, и демонстрирует, что продукты ИИ функционально эквивалентны суждениям как источники знания. Признание галлюцинаций формой ошибки позволяет перейти от узкотехнических проблем к вопросам эпистемической ответственности, структурных дефектов в производстве знания и социальных последствий доверия машинному «суждению».

Ключевые слова: галлюцинации ИИ, эпистемическая ошибка, стохастический попугай, теория суждения, эпистемическая ответственность, философия искусственного интеллекта.

Для цитирования: Шевченко, А. А. (2025). «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 93-98. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.93-98

AI “HALLUCINATIONS” AS A NEW FORM OF EPISTEMIC MISTAKE

A. A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
shev@philosophy.nsc.ru

Abstract. This article proposes reinterpreting hallucinations in language models not merely as a byproduct of AI's statistical nature, but as a novel form of epistemic error – an active process that generates false beliefs disguised as reliable knowledge. The author critiques the dominant “stochastic parrot” metaphor, which reduces AI output to passive data repetition devoid of truth claims, and demonstrates that AI outputs functionally equate to judgments as sources of knowledge. Recognizing hallucinations as errors shifts the focus from narrow technical fixes to questions of epistemic responsibility, structural flaws in knowledge production, and the social consequences of trusting machine-generated “judgments.”

Keywords: AI hallucinations, epistemic error, stochastic parrot, theory of judgment, epistemic responsibility, philosophy of artificial intelligence.

For citation: Shevchenko, A. A. (2025). Ai “Hallucinations” as a New Form of Epistemic Mistake. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 93-98. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.93-98

С технической точки зрения, галлюцинации в языковых моделях возникают как следствие их статистической природы: они не получают знание из мира, а генерируют тексты, основанные на вероятностных паттернах. Такой продукт ИИ часто имеет все формальные признаки знания: он структурирован как утверждение, содержит аргументы

и изложен в уверенном, категоричном стиле. При этом искусственный интеллект не отличает истину от правдоподобия, поскольку не обладает ни субъективным опытом, ни ответственностью за свои «высказывания». Поэтому большинство исследований по галлюцинациям фокусируются на технических решениях – механизмах коррекции выводов или ранжирования источников по степени достоверности. Однако подобный подход игнорирует фундаментальную проблему: как относиться к подобным текстам, если стандартные процедуры проверки на истинность, такие как сопоставление с действительностью, не всегда возможны из-за масштабов автоматической генерации или ограниченного доступа к фактам?

Наиболее простой путь – объявить производителей таких текстов «эпистемически индифферентными», наподобие «стохастического попугая», бездумно и хаотично повторяющего чьи-то слова, ничего по-настоящему не утверждая. Стандартным считается следующее определение: «Языковая модель – это система, которая произвольно соединяет последовательности языковых форм, встречавшихся ей в огромных объемах обучающих данных, опираясь на вероятностные закономерности их сочетания, но без какой-либо связи со смыслом: стохастический попугай» [Bender et al., 2021, p. 617]. Хотя подход, в рамках которого система безразлична (не стремится) к истине доминирует в современной эпистемологии [см., напр.: Herrmann, Levinstein, 2025; Wachter et al., 2024], такую позицию вряд ли можно считать адекватной. Предположение, что галлюцинации ИИ представляют собой лишь результат «неудачного предсказания» и не имеют какого-либо отношения к подлинному знанию, может, на первый взгляд, показаться удобным решением, избавляя нас от необходимости вообще погружаться в сферу эпистемологии. Однако такой подход игнорирует реальность, в которой эти системы уже интегрированы в общественную жизнь – от политики и медицины до образования. Люди верят их утверждениям, принимают их за истину и действуют соответственно.

Именно это дает основания рассматривать продукты ИИ как особую форму «знания» – если не по сути, то по функции. Хотя ИИ не агент в классическом смысле (без убеждений, стремления к истине или ответственности), он занимает позицию агента: производит утверждения, претендующие на истину. Независимо от онтологической природы, он вовлечен в эпистемические отношения, которые мы не можем игнорировать. Как показывает В. Барасси, модель участвует в «суждении» в функциональном смысле: она выполняет операцию приписывания предиката субъекту на основе обучения на корпусе данных. Это не сознательное действие, но акт, имеющий эпистемические последствия [Barassi, 2024]. Метафора «суждения» здесь не онтологическая, а нормативная: она позволяет применять к ИИ критерии, разработанные для оценки человеческого познания, без необходимости приписывать ему сознание.

Когда мы приписываем моделям безразличие к истине, то уходим от проблемы, которая заключается не в пассивном безразличии, а в том, что модель активно производит ложные убеждения, маскирующиеся под знание. В этой статье предлагается считать галлюцинацию не формой индифферентности, а новым видом эпистемической ошибки: это когнитивно активный акт, порождающий ложное убеждение под видом достоверного знания. Подобно иррациональному обоснованию или когнитивному диссонансу в человеческом познании, модель производит суждение, логически оформленное, но лишенное соответствия миру. Это позволяет перенести на искусственные системы классические критерии оценки познания – обоснованность, когерентность, надежность познавательного процесса.

Такая постановка вопроса позволяет обратиться к давней традиции размышления об ошибке – от кантовского различения мнения, веры и знания до глубоко проработанной эпистемологии индийской школы Ньяя. Уже в античности сторонники этой школы четко разводили простое отсутствие знания (например, не знать, что есть в комнате) и активное, но ложное убеждение (например, думать, что в комнате змея, когда там веревка). Важно, что здесь ошибка – не дефицит информации, а ее искажение: один объект квалифицируется как другой, с полной уверенностью в истинности суждения. Это активный, хотя и дефектный, когнитивный акт, а не простое молчание незнания. Условия такой ошибки включают: контакт с органом чувств, дефектное восприятие, неверную квалификацию и убежденность [Matilal, 1986, pp. 209-213]. Все четыре элемента присутствуют в случае ИИ: входные данные, их искаженная обработка, ложная квалификация и уверенная формулировка. Та же интуиция лежит в основе кантовского анализа ошибки в «Критике чистого разума». Кант указывает, что чувственность сама по себе не ошибается, поскольку не судит. Ошибка возникает в суждении, когда разум связывает представления в утверждение и выдает его за истину. «... чувства не ошибаются, однако не потому, что они всегда правильно судят, а потому, что они вообще не судят. Следовательно, и истина, и ошибка, а значит, и видимость, вводящая в заблуждение, имеют место только в суждении, т. е. только в отношении предмета к нашему рассудку» [Кант, 1964, с. 336].

Структурно аналогично это происходит и с генеративными моделями. Когда ИИ утверждает, что ученый X опубликовал работу Y в 2023 г. (хотя ни X, ни Y не существуют), он не «додумывает» из-за нехватки данных. Он конструирует суждение: приписывает объекту свойство, формируя ложное, но целостное представление. У него нет разума в кантовском смысле, нет субъективного опыта. Но логическая форма высказывания – субъект, предикат, притязание на истину – воспроизводит структуру суждения. Мы имеем дело не с «фантазией», а с ошибкой в «производстве» знания. Конечно, ИИ не способен судить, поскольку лишен разума. Однако Кант говорит не о сознании, а о логической форме суждения о том, как представления связываются в утверждение.

Современные философы продолжают эту линию. Так, В. Барасси в своей работе 2024 г. показывает, что ошибки ИИ – это не артефакты, связанные с помехами или недостатком данных, а следствие структурного дефекта в производстве знания: модели учатся на социальных данных, в которых уже заложены искажения, иерархии и умолчания. Галлюцинация – это не «фантазия», а проекция этих скрытых структур в форму утверждения. «Объединяя философские подходы к теории ошибки с антропологическими перспективами, я утверждаю, что теория ошибки необходима, поскольку она проливает свет на то, что сбой в наших системах происходит из ошибочных процессов производства знания, неправильных характеристик и дефектных когнитивных связей» [Barassi, 2024]. Это заставляет пересмотреть и классическое определение знания как обоснованного истинного убеждения [Šekrst, 2024]. Галлюцинации ИИ нарушают условие как истинности, так и обоснованности: модель может быть уверена в ложном, не имея механизма критической оценки собственных выводов. При этом важно не смешивать галлюцинацию с ложью: ложь предполагает намерение ввести в заблуждение; галлюцинация – это искренняя ошибка, совершаемая без злого умысла, но с полной уверенностью. Это именно эпистемическая, а не этическая проблема.

Переход от понимания галлюцинаций как отсутствия к пониманию их как ошибки позволяет задать новые вопросы: какие критерии обоснования нарушаются в ИИ-суждении? Можем ли мы говорить о «неправильном соединении» данных, даже если у системы нет

интенциональности? И главный вопрос: если галлюцинация функционирует в общественном пространстве как знание, то какую ответственность за ее последствия мы готовы взять на себя как разработчики, пользователи и те, кто доверяет ее выводам?

Признание галлюцинации формой ошибки, а не индифферентности, смещает фокус с «нехватки данных» на устройство когнитивных операций. Это важно по трем причинам. Во-первых, открывается возможность говорить об «эпистемической ответственности» применительно к ИИ. Если система лишь «не знает», она за пределами нормативной оценки. Но если она «ошибается», выдавая ложное за истинное, то речь идет о дефекте в самой структуре ее «познавательного» процесса. Ответственность лежит не только на алгоритме, но и на разработчиках, регуляторах, пользователях, доверяющих выводам. Это вопрос не этики в узком смысле слова, а пересмотра наших эпистемических практик: мы обязаны выстраивать практики верификации, критики, контекстуализации, обеспечения максимально возможной прозрачности. Разработчики не могут прятаться за метафорой «просто инструмента», когда инструмент производит систематические заблуждения.

Во-вторых, ошибка предполагает наличие структуры, которая работает неверно. Это позволяет задавать философски значимые вопросы о том, как именно модель соотносит категории, строит причинно-следственные связи, какие принципы лежат в основе ее «суждений». Подобный подход сближает анализ ИИ с традиционной эпистемологией, где ошибка всегда была маркером для изучения устройства разума. Даже если этот разум искусственный и лишен рефлексии, его дефекты могут пролить свет на скрытые предположения, заложенные в данных и архитектуре модели.

В-третьих, возникают социальные последствия. Признавая, что ИИ способен не просто «молчать», а формировать убеждения, влиять на решения, искажать коллективную картину мира, мы признаем, что перед нами не техническая неполадка, а социальный риск. Это обязывает разрабатывать не просто более точные модели, но также социальные и технологические механизмы, способные противостоять распространению машинных заблуждений. Критиковать альтернативные трактовки, например, метафору «стохастического попугая», важно не ради полемики, а потому что они уводят от сути. ИИ не «понимает» в человеческом смысле. Но это не делает его безвредным. Его ложные утверждения функционируют как знание в социальном пространстве, и именно это делает их эпистемически значимыми.

В фундаментальной эпистемологии мы редко сталкиваемся с простым отсутствием знания, гораздо важнее уметь распознавать активные когнитивные ошибки, логически оформленные, но не соответствующие действительности. Обратимся к двум популярным философским концепциям – «теории моральной ошибки» Дж. Л. Маки, которая давно вышла за рамки морали, и концепции интенциональности Д. Деннета.

В основе моральной теории ошибки (1977 г.) лежит тезис Дж. Л. Маки о том, что ложные суждения – это не просто отсутствие знания, а активное производство утверждений с претензией на истину, когда самой онтологической опоры нет. Все моральные утверждения он считает ложными или ошибочными, поскольку объективных моральных фактов не существует, хотя моральный дискурс предполагает их существование [Mackie, 1977, pp. 30-38]. В применении к ИИ это значит: машина «галлюцинирует» не из-за незнания, а потому что создает формально правильное, но неверное суждение, действуя в логике эпистемической ошибки.

Д. Дэннет в своей книге «Интенциональная установка» [Dennett, 1987] утверждает, что мы объясняем сложные системы, приписывая им «убеждения» и «цели», когда это делает их поведение удобным для прогнозирования. Главное здесь не внутреннее устройство системы, а эффективность объяснительной стратегии: система, по его мнению, является агентом по отношению к наблюдателю тогда и только тогда, когда наилучшая модель этой системы, доступная наблюдателю, представляет ее как обладающую «целями» и «убеждениями». А по-настоящему обладать убеждением – это и значит быть такой системой, поведение которой надежным образом поддается предсказанию посредством интенциональной стратегии [Dennett, 1987, ch. 2].

Для искусственного интеллекта это означает: даже если у него нет сознания, мы практически и теоретически относимся к нему как к агенту, способному «заблуждаться», т. е. совершать ошибки, которые имеют социально и эпистемически значимые последствия. Когда ИИ генерирует утверждение, оно становится «действием» в системе социальных смыслов. Если модель регулярно совершает определенные ошибки, то для нас рационально ожидать (и объяснять) их как «ошибки агента», а не просто технический сбой. Таким образом, ошибки ИИ в интенциональной перспективе воспринимаются не только как программные сбои, но как ложные «убеждения», такие как фальшивое приписывание свойств или фактов. Такой подход делает наше отношение к ИИ более пристрастным: мы оцениваем, подвергаем критике и даже налагаем санкции за его ошибки в публичном пространстве так же, как было бы с человеческим агентом, именно потому, что интенциональный подход обеспечивает наилучшее объяснение (и управление) поведением системы.

В современной эпистемологии искусственного интеллекта ошибка должна рассматриваться не как отсутствие знания, а как структурированный акт, создающий ложное убеждение, функционирующее как знание в социальном пространстве. Роль ИИ определяется тем успехом, с которым мы можем прогнозировать его поведение через приписывание «суждения» и «цели», а не его внутренним состоянием. Метафора «стохастического попугая» оказывается поверхностной: за ней стоит сложная эпистемическая динамика, где ответственность за ошибку распределена между алгоритмом, данными и обществом, которое назначает ИИ на место познавательного агента.

Список литературы / References

Кант, И. (1964). *Сочинения: в 6 т. Т. 3: Критика чистого разума*. М.: Изд-во «Мысль».
Kant, I. (1964). *Collected Works. In 6 vols. Vol. 3. Critique of Pure Reason*. Moscow.

Barassi, V. (2024). Toward a Theory of AI Errors: Making Sense of Hallucinations, Catastrophic Failures, and the Fallacy of Generative AI. [Online]. *Harvard Data Science Review, (Special Issue 5)*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/383732733_Toward_a_Theory_of_AI_Errors_Making_Sense_of_Hallucinations_Catastrophic_Failures_and_the_Fallacy_of_Generative_AI (Accessed: 10.10.2025).

Bender, E. M., Gebru, T., McMillan-Major, A., Shmitchell, S. (2021). On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? In *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency* (FAccT '21), 3-10 March 2021. Virtual Event. Canada. ACM, New York, NY, USA. Pp. 610-623. DOI: 10.1145/3442188.3445922.

Dennett, D. C. (1987). *The Intentional Stance*. Cambridge. MA: MIT Press.

Mackie, J. L. (1977). *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London. Penguin.

Matilal, B. K. (1986). *Perception. An Essay on Classical Indian Theories of Knowledge*. Oxford. Clarendon Press.

Šekrst, K. (2024). Chinese Chat Room: AI Hallucinations, Epistemology and Cognition. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. University of Białystok. Vol. 69. No. 1. Pp. 365-381. DOI: 10.2478/slgr-2024-0029.

Herrmann, D. A., Levinstein, B. A. (2025). Standards for Belief Representations in LLMs. *Philosophy and Machine Learning*. Vol. 35. No. 5. DOI: 10.48550/arXiv.2405.21030.

Wachter, S., Mittelstadt, B., Russell, C. (2024). Epistemic Challenges of Large Language Models. *AI & Society*. Vol. 39. No. 1. Pp. 55-72.

Сведения об авторе / Information about the author

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 10.11.2025

Принята к публикации: 17.11.2025

Shevchenko Aleksandr – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 10.11.2025

Accepted for publication: 17.11.2025

УДК 1(091)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Т. А. Шиян

Фонд «Центр гуманитарных исследований» (г. Москва)
taras_a_shiyan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения философии как проблема описания иной и иновременной культуры. Во втором разделе автор рассматривает основные гипотезы и версии возникновения философии. В третьем разделе автор обращается к таким историко-культурным оппозициям и методологическим терминам, как презентизм и антикваризм, апроприационизм и историзм (контекстуализм), анахронизм, культурный империализм, гипостазирование, проблема креативности терминов и др. В связи с ними автор формулирует основную проблему описания и исследования иных и иновременных культур. Автор показывает, что оппозиция «презентизм – аутентизм» является более адекватной для фиксации описанной методологической проблемы. В четвертом разделе проводится разработка этой проблемы и путей ее решения через различение языка описания исследуемой культуры и языка ее самоописания. Поднимаются логические и логико-методологические проблемы различения метаязыка и объектного языка, теоретических и эмпирических терминов. Проводятся различия эмпирического слоя (эмпирических терминов, высказываний, фактов) и теоретического слоя в языке предметной культуры (языке ее самоописания) и в языке описания этой культуры внешним исследователем. В пятом разделе гипотезы возникновения философии анализируются с точки зрения разработанной во втором и третьем разделах методологии.

Ключевые слова: методология истории философии, методология культурологии, возникновение философии, язык описания, объектный язык, язык самоописания, аутентизм, антикваризм.

Для цитирования: Шиян, Т. А. (2025). Возникновение философии как проблема исследования культуры. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.99-116

THE EMERGENCE OF PHILOSOPHY AS A PROBLEM OF CULTURE STUDIES

T. A. Shiyan

“The Center for Humanitarian Research” Foundation (Moscow)
taras_a_shiyan@mail.ru

Abstract. This paper deals with the emergence of philosophy as a problem of describing a different culture and an alien culture. In the second section, the author considers the main hypotheses and versions of the origin of philosophy. In the third section, the author addresses such historical and cultural oppositions and methodological terms as presentism and antiquarism, appropriationism and historicism (contextualism), anachronism, cultural imperialism, hypostatization, the problem of terms creativity, etc. In this regard, the author formulates the fundamental problem of describing and studying different and alien cultures. The author shows that the opposition “presentism – authenticity” is more adequate for capturing the described methodological problem. In the fourth section, this problem and ways of solving it are analyzed through distinguishing the language of description of the culture under consideration and the language of its self-description. The author poses the logical and logical-methodological problems of distinguishing between metalanguage and object-language, theoretical and empirical terms are raised. The author makes a distinction between the empirical layer (empirical terms, statements, facts) and the theoretical layer in the language of the subject culture (the language of its self-description) and in the language of description of this culture by an external researcher. In the fifth section, the author analyzes the hypotheses of the emergence of philosophy from the point of view of the methodology devised in the second and third sections.

Keywords: methodology of the history of philosophy, methodology of cultural studies, emergence of philosophy, language of description, object language, language of self-description, authenticity, antiquarism.

For citation: Shiyani, T. A. (2025). The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.99-116

1. Введение

В современной философии циркулируют достаточно много представлений о возникновении философии. При этом многие авторы принимают ту или иную версию только потому, что, с их точки зрения, так принято, т. е. психологически и социально удобно. Такие традиционалистские взгляды не являются собственно философскими, хотя и выдаются за таковые. Философский подход требует предварительной явной фиксации собственных онтологических и гносеологических установок, в зависимости от которых уже и будет осуществляться анализ и решение исследуемой проблематики.

Проблема возникновения философии зависит от целого ряда философских проблем гносеологического и онтологического плана. В первую очередь, это проблема поиска определения философии, первым шагом которого является выяснение способа существования философии (т. е. выбор «рода», от которого будет строиться определение философии). Иными словами, речь идет о принятии некоторой социальной онтологии и указания, к какому типу культурно-социальных объектов (явлений, структур и т. п.) принадлежит философия. С такой точки зрения возникновение философии рассматривается в статье «К проблеме институционального формирования философии» [Шиян, 2024].

В данной работе я начну с обзора различных гипотез возникновения философии, их версий и вариантов. После чего рассмотрю их с точки зрения исследования культуры, предварив этот анализ рассмотрением основной, на мой взгляд, гносеологической проблемы изучения культуры. Как становится видно по ходу рассмотрения, онтологическая проблематика возникает и при таком гносеологическом подходе.

2. Гипотезы о возникновении философии

Рассмотрим основные гипотезы возникновения философии, их частные варианты и версии. Базовых гипотез возникновения философии две: *полицентрическая* и *моноцентрическая*, или греческая.

В рамках **полицентрической гипотезы** можно выделить следующие версии. **Варварская версия** в явном виде была сообщена Диогеном Лаэртским в его «Жизнеописаниях» (далее – DL; ссылки даются по [Диоген Лаэртский, 1986]). В вводной части первой книги (DL, I, 1) он сообщает, что «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассирийян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов – так называемые друиды и семнофеи <...>; финикийцем был Ох, фракийцем – Замолксис, ливийцем – Атлант. Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками,

был Гефест, сын Нила» [Диоген Лаэртский 1986, с. 55]. К этой позиции примыкает и Исократ в «Бусирисе» (28) [см. русское издание: Исократ, 2013]: «Пифагор из Самоса ... прибывши в Египет и став их [египтян] учеником, первым ввел в Элладу философию вообще и в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» – 14 (Пифагор) Fr. 4 по изданию [Diels, Kranz, 1951-1952], далее – DK [цит. по: Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 140]. Хотя и не понятно, можно ли **версию Исократа (египетско-исократовскую версию)** относить к полицентрической гипотезе, или же это особый, негреческий вариант моноцентрической гипотезы. Сам Диоген варварскую версию отвергает, считая «изобретателями» философии греков.

Интересный современный вариант полицентрической гипотезы представляет **концепция «осевого времени»** Карла Ясперса (для краткости – **версия Ясперса**). Согласно концепции Ясперса, в Старом Свете существуют три культурных центра, в которых независимо друг от друга и примерно в одно и то же время возник новый тип интеллектуальной жизни, соотносимый им с философией: «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-Цзы, Чжуан-Цзы, Ле-Цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исаяя, Иеремия и Второисаяя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» [Ясперс, 1991, с. 32-33]. Ясперс выделяет три центра: Китай, Индию и Западный регион, в рамках которого он говорит также о трех субрегионах: Иране, Палестине и Греции. В выделении этих, по сути, пяти регионов Ясперс ссылается на Дао-дэ-цзин Лао-Цзы [см.: Lasulx, 1952, р. 137; Ясперс, 1991, с. 39]. Похожие взгляды излагал также А. Вебер [см.: Weber, 1935, р. 7; прим. 12 в: Ясперс, 1991, с. 282-283]. При этом нередко при перечислении представителей национальных традиций Ясперс применяет слово «философы» только по отношению к грекам, остальных предпочитая называть при помощи иной лексики.

Третья версия может быть названа **версией учебников**, поскольку в большинстве современных учебников при всех различиях в трактовке и диспропорциях объемов, отводимых на изложение этих тем, помимо греческой философии даются краткие очерки китайской и индийской интеллектуальных традиций, соотносимых с философией. То есть ее можно рассматривать как некоторый консервативный вариант версии Ясперса, в которой западный центр сведен к Греции. Или, возможно, наоборот, версия Ясперса является расширением версии учебников.

Моноцентрическую гипотезу возникновения философии можно считать тождественной *греческой гипотезе*, поскольку серьезных конкурентов у Греции в качестве единственного центра формирования философии нет (если не считать соответствующей трактовки версии Исократа). В рамках **греческой гипотезы** возникновения философии можно выделить три частных, региональных гипотезы: ионийскую, итальянскую и афинскую (аттическую).

Ионийская гипотеза фактически принимается Диогеном Лаэртским в его «Жизнеописаниях» (DL, I, 13): «Философия же имела два начала: одно – от Анаксимандра, а другое – от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор *занимался ею* (курсив мой – Т. Ш.) главным образом в Италии» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 58]. Эта же версия возникновения древнегреческой философии традиционно излагается в учебниках с поправкой на начало милетской школы с Фалеса, а не с Анаксимандра. Фалес формально исключается Диогеном из числа философов, видимо, в силу его отнесения к «семи греческим мудрецам». Данная гипотеза может быть названа моноцентрической и ионийской, поскольку родоначальник второй ветви родился и вырос в Ионии (на о. Самос). То же касается и Ксенофана из Колофона, которого иногда называют основателем элейской школы. Таким образом, речь идет о переносе философии (или чего-то, принимаемого Диогеном за философию) из Ионии в Великую Грецию (совр. Италию). На это указывает и сам Диоген, поясняя название италийской ветви тем, что Пифагор в Италии лишь «занимался ею».

Италийская гипотеза может называться пифагорейской, но я это название зарезервирую для ее особой версии. Поскольку до создавшего философию Пифагора, согласно этой гипотезе, философии в Греции не существовало, а Пифагор прославился как философ и учитель философии именно в Италии, то эту гипотезу я и называю италийской. В рамках италийской гипотезы можно выделить два варианта, опирающихся на разную аргументацию в пользу пифагоровских истоков философии.

Первый вариант италийской гипотезы я связываю с **пифагоровской гипотезой**, опирающейся на **пифагорейскую легенду**, восходящую к Гераклиду Понтийскому (диалогу «О бездыханной») и, вероятно, к платоновскому окружению в целом. Согласно этой легенде (DL, I, 12): «Философию философией, а себя философом впервые стал называть Пифагор, когда спорил в Сикионе с Леонтом, тираном Сикиона или Флиунта (как пишет Гераклид Понтийский в книге “О бездыханной женщине”); мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы философию называть “мудростью”, а упражняющегося в ней – “мудрецом”, как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ – это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости» [Диоген Лаэртский, с. 58]. Критическому разбору связанных с пифагорейской легендой источников и их зависимости от круга Платона посвящена статья [Буркерт, 2017].

Вторую версию италийской гипотезы можно назвать **институциональной** или школьной **версией**. Она опирается не на пифагорейскую легенду, а на факт, что именно о Пифагоре мы впервые узнаем, что он преподает. Причем, поскольку, во-первых, он преподает по поручению полиса Кротон, а, во-вторых, занимается этим в качестве жреца Муз (или попечителя, основанного в Кратоне по его совету Мусейона) [Фролов и др., 2002, с. 188-189], то можно говорить о начавшейся с Пифагора институционализации преподавания «мудрости». Эту трактовку высказывает Ю. А. Шичалин в монографии «История античного платонизма в институциональном аспекте» [Шичалин, 2000, с. 45, 116-123].

Третий вариант моноцентрической гипотезы – **афинская** (аттическая) **гипотеза**, говорящая о возникновении философии в Афинах на территории Аттики. В ней можно выделить такие варианты, как: сократо-платоновский, сократовский и платоновский. Все они

связаны с критикой пифагорейской легенды. Принятие одного из них в конечном итоге зависит от отношения к Сократу как персонажу платоновских диалогов. **Сократическая версия** основана на наивном отношении к диалогам как историческим свидетельствам о жизни и учении Сократа. **Сократо-платоновская версия** основана на отказе от решения проблемы Платона как источника сведений о Сократе. **Платоновская версия** связана с отнесением возникновения слов «философия» и «философ» к эпохе Платона и, таким образом, фальсификации существенной части платоновских сведений о Сократе.

По мнению В. Дильтея, В. Буркерта, П. Адо, с которыми я согласен, пифагорейская легенда является проекцией платоновских представлений о философии на Пифагора. К этой же трактовке, насколько я понимаю, склоняется Ю. А. Шичалин, хотя и делает акцент на институциональных корнях философии в среде пифагорейцев. При этом Дильтей придерживается как раз сократо-платоновской неопределенности [Дильтей, 2001, с. 23]. Адо, в силу понимания философии как деятельности, базирующейся на этической практике, делает некоторый акцент на Сократе и его «практике себя», но в отношении к пифагорейской легенде он, ссылаясь на Буркерта, принимает его платонистическую трактовку.

Мой вариант **платоновской гипотезы** [подробнее см.: Шиян, 2024] состоит в том, что философия как социальный институт (как институционализированная область, сфера деятельности, социальной жизни) формируется в Афинах в первой половине IV в. до н.э. в ходе полемики философских (по самоназванию) школ Исократ и Платона. Конкуренция и возникающая в силу этого публичная полемика между школами Исократ и Платона выводят их внутришкольные дискурсы о философии в публичную, внешкольную область, формируя надшкольный дискурс о философии, вслед за этим создавая философию как надшкольную область деятельности.

Поэтому платоновскую версию институционального становления философии можно называть также исократо-платоновской. С другой стороны, если говорить только об изобретении и введении в оборот слов «философ» и «философия», то нужно говорить для каждого из них отдельно об «исократовской» и «платоновской» версиях. А, возможно, еще и о горгиевских или горгианских версиях (я склоняюсь к гипотезе, что слово «философ» появляется впервые в кругу Горгия из Леонтины и его учеников, к числу которых относился и Исократ).

3. Проблема познания и описания иных и иновременных культур

Проблема возникновения философии – одна из проблем описания других культур. Как бы ни решать эту проблему, речь идет о культуре древности (середина или вторая половина I тыс. до н.э.). Кроме того, для большинства исследователей речь идет об исследовании также и цивилизационно другой культуры. Следовательно, для решения проблемы возникновения философии необходимо предварительно сформулировать подход, применяемый исследователем для изучения соответствующей культуры (культур).

Рассмотрим центральную проблему, встающую при описании явлений иных и/или иновременных культур. В литературе встречается ряд вариантов описания этой проблемы и возникающих в связи с ней ошибок.

Первый вариант описания этой проблемы появился в рамках отечественной истории науки в форме **оппозиции презентизма и антикваризма**. Согласно Н. И. Кузнецовой [Кузнецова, 2009, с. 164–165], данная оппозиция была предложена отечественным психологом и историком психологии М. Г. Ярошевским в 1973 г. на конференции ВИИЕТ АН СССР (ныне – ИИЕТ РАН), посвященной проблемам методологии историко-научных исследований. При этом Ярошевский утверждал, что эта терминология стихийно сложилась ранее и он лишь озвучивает ее. В трактовке Кузнецовой сторонники презентизма «оценивают историческое событие науки только с точки зрения современного уровня научного знания», тогда как сторонники антикваризма «ставят целью восстановить событие в его исторической подлинности и уникальности» [Кузнецова, с. 165]. В силу универалистской трактовки науки, для ее истории существует лишь линия «настоящее – прошлое», которую и фиксирует данная терминология.

Второй вариант описания данной проблемы активно используется Новосибирской школой аналитической истории философии. Участники этой школы осмысливают данную проблему через **оппозицию апроприационизма (присваивающего подхода) и историзма (контекстуализма)**. Например, в статье М. Н. Вольф: «Эта проблема постоянно возникает в споре двух методологических подходов – контекстуалистов, настаивающих на том, что история философии должна оставаться в пределах того языка и тех исторических реалий, в которых создавались соответствующие тексты, и сторонников присваивающего подхода, которые убеждены в том, что идеи прошлого следует апроприировать и встраивать в современные дискуссии» [Вольф, 2017, с. 244]. Годом ранее в совместной статье М. Н. Вольф с А. В. Косаревым авторы писали: «На сегодняшний день в истории философии оформились два противостоящих друг другу подхода. Один – “антикварный” контекстуализм, или “просто история”, не интересующаяся целями современной философии, но продолжающая держаться принципов историзма. <...> Другой – апроприационизм, “присваивающий” подход, полагающий, что история философии гарантирует источник идей и аргументов для современной философии» [Вольф, Косарев, 2016, с. 228]. Надо сказать, что авторы понимают недостатки апроприационизма: «Это оставляет мало от самой истории философии <...> Апроприационисты зачастую не заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого, в адекватном понимании доктрин. Им важно только, каким образом эти доктрины могут помочь в разрешении или как минимум в оформлении (или даже служить обрамлением) современных философских доктрин. Доктрины и методы переносятся в современность в таком виде, что зачастую полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из присущих им черт» [Вольф, Косарев 2016, с. 228]. Среди представителей этой же школы можно также упомянуть И.В. Берестова, в чьей докторской диссертации (защищена в 2023 г.) «Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций» также поднимается тема различия подходов апроприационизма (к которому автор, как и все представители школы, относит себя) и историзма (контекстуализма): «Среди таких споров о наиболее общих методологических вопросах истории философии важное место занимает спор между контекстуалистами и апроприационистами, идущий, по большей части, среди англоязычных историков философии с 60-х годов прошлого века. Контекстуалисты (к числу которых можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира), являющиеся современными

наследниками историцистов (к последним относят, например, Леопольда фон Ранке и Р. Коллингвуда) и разделяющие бóльшую часть историцистских подходов, требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты (к числу которых можно отнести современных исследователей Дж. Пассмора и Дж. Беннетта, во многом являющихся наследниками таких представителей Оксфордской школы реализма, как С. Александер, Г. Причард, Б. Рассел), со своей стороны, требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии, – и любые исследования, в том числе изучение контекста, должны проводиться только ради этой цели. Использование при интерпретации древних текстов современного концептуального аппарата и технических средств приветствуется апроприационистами, но неприемлемо для контекстуалистов» [Берестов, 2021, с. 7-8].

Безусловно, древние тексты могут служить современным философам источником вдохновения. Безусловно, что оценка с точки зрения современности прежних концепций является неотъемлемой частью их историко-философского и историко-научного анализа. Но, безусловно также, что любой исследователь (и философ, и ученый) должен максимально точно и полно фиксировать собственную исследовательскую, методологическую позицию. Исследователю необходимо отличать *исторические реконструкции* исследуемой культуры от собственных *теоретических конструкций*. В логике хорошо известна **проблема креативности определений**: формулирование в рамках некоторой теории определения нового термина может привести к изменению самой теории: появлению в ней нового класса объектов. Поэтому выделение в теории некоторого нового класса объектов (путем добавления соответствующего определения) должно предваряться исследованием, не является ли данный мыслимый класс пустым (существует ли в исходной теории хотя бы один объект описываемого вида). Если от такого подспудного расширения предметной области не застрахованы даже математизированные формальные теории, то тем более эта опасность грозит неформализованным областям исследования. Только технически в данном случае правильнее говорить не о расширении предметной области, а о появлении в ней фиктивных объектов.

И презентизм, и апроприационизм, и введение объектов исследования догматически, через определение грозят исследователю систематической ошибкой **анахронизма**, т. е. отнесением явления одной эпохи к другой эпохе, в которую этого явления еще или уже не существовало. К сожалению, и антикваризм-историзм-контекстуализм не застрахован от таких ошибок, они лишь не программируются в качестве систематических. При этом возможен не только презентистский анахронизм, т. е. проекция современным автором представлений своей эпохи на какую-либо эпоху древности. С точки зрения современного сторонника афинской гипотезы возникновения философии, Диоген Лаэртский допускает анахронизм, и принимая ионийскую версию возникновения философии, и излагая италийскую версию в форме пифагорейской гипотезы. То есть оппозиция «антикваризм – презентизм» учитывает не все возможные случаи ошибки временного переноса изучаемых явлений из одной эпохи в другую.

Но и принятие анахронизма в качестве основной ошибки, искажающей создаваемую исследователем картину изучаемой культуры, не ухватывает сути дела. Точно такая же проблема проецирования имеет место и при изучении и описании современных

исследователю культур, даже некоторых субкультур собственной культуры. Пример такого искаженного описания иных, но современных культур как инструмента геополитических манипуляций описывают П. Бурдые и Л. Вакан под названием **культурного империализма**¹:

- «В основе культурного империализма лежит способность к универсализации частных, связанных с конкретной исторической традицией, через недопущение того, чтобы эта связь признавалась».

- «Сегодня множество тем, берущих свое начало в интеллектуальных конфронтациях, относящихся к социальной партикулярности американского общества и американских университетов, навязывается, в явно деисторизированной форме, всей планете».

- «Нейтрализация исторического контекста, порождаемая международной циркуляцией текстов и коррелирующим с ней забвением исторических условий их возникновения, обеспечивает явную универсализацию, которой также способствует работа “теоретизирования”».

- «Распространенные по всей планете посредством этого “отрыва от почвы”, или “глобализированные” в строго географическом смысле, и в то же время де-партикуляризованные через этот ложный разрыв, вызываемый концептуализацией, общие места <...> в конце концов заставляют забыть о том, что они укоренены в сложной и противоречивой реальности конкретного исторического общества, молчаливо представляемого как модель для всех остальных и как мера всех вещей».

Авторы статьи также упоминают и затронутую выше проблему создания мнимых объектов через введение новых терминов, которые, будучи пустыми, подаются как непустые.

В принципе, во всех рассмотренных случаях имеется опасность **гипостазирования** – полагания собственных представлений (не важно, усвоенных ли из своей культуры или порожденных личной фантазией) в качестве реально существующих в предметной области исследования. Но здесь мы уже выходим за пределы ошибок исследования культуры, ибо термин «гипостазирование» имеет более широкое значение и относится к проблематике связи гносеологического и онтологического в целом.

Во всех рассмотренных случаях речь идет о вариантах классической оппозиции субъекта и объекта, где субъект из своего «здесь и теперь» исследует и описывает некоторое инокультурное и/или иновременное (и в этом смысле также инокультурное) «там и тогда». При таком взгляде здесь всплывает вся традиционная проблематика описания внешнего мира и критериев истинности. Но есть здесь и специфика. Если, описывая физическую или химическую реальность, мы соотносим с ней слова и смыслы, в ней в принципе отсутствующие, то, описывая другую культуру, мы имеем дело с объектом уже самоописанным, самоистолкованным (хотя в некоторых случаях мы и имеем право говорить о ложном самоописании). Поэтому мы можем и должны строить собственный анализ и описание другой культуры, опираясь на ее самописание. В этом требовании имеется и серьезная онтологическая подоплека, поскольку социальные объекты существуют только постольку, поскольку представители исследуемого сообщества (носители культуры) осознают эти объекты в качестве существующих.

¹ Бурдые, П., Вакан, Л. (2011). О хитрости империалистского разума. [Электронный ресурс]. *Censura. Политика концепта*. URL: <https://censura.ru/articles/rusedimperialism.htm> (дата обращения: 15.11.2024).

Не смотря на наличие многих подходов к анализу и концептуализации рассмотренной здесь проблематики, хорошей терминологии пока не выработано. Я предлагаю следующее улучшение терминологии. Для обозначения одной стороны оппозиции можно оставить слово «презентизм», если понимать его как указывающее не только на «теперь», но и на «здесь» исследователя, как маркер позиции исследователя не только при исторических, но и при культурологических исследованиях. Термин «апроприационизм» представляется мне неприемлемым как в силу его языкового безвкусыя, так и узости связываемого с ним содержания – только один из возможных мотивов приятия презентизма). Слово «антикваризм» для обозначения противоположного подхода мне также представляется неподходящим. Основной недостаток – однозначное указание на прошлое (лат. *antiquarius* – касающийся древности), тогда как проблема искажающей проекции исследовательских представлений на исследуемый объект имеет место и при исследовании иных современных исследователю культур. На мой вкус, термины «историзм» и «контекстуализм» более приемлемы, но, как справедливо указал Берестов в приведенной выше обширной цитате [Берестов, 2021, с. 7-8], с каждым из них связаны собственные специфические традиции. Мне кажется, что подошел бы термин «аутентизм», указывающий на исследовательскую установку получения максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления, не зависимо от его предполагаемого существования в современности или в прошлом исследователя. Такой подход требует опоры на самоописание исследуемой культуры и постоянной проверки рассматриваемых объектов на существование. Таким образом, в качестве скорректированного варианта вышеописанных оппозиций я предлагаю оппозицию аутентизма и презентизма, где **аутентизм** (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры.

4. Методологическое различие «языков»

Подход к объекту через построение его определения (гносеологическая задача) в качестве первого действия имеет необходимость выяснения и постулирования онтологического статуса этого объекта [см., напр.: Шиян, 2018; Шиян, 2024]. Аналогично, задачи описания явлений иной или иновременной культуры и предварительного прояснения своей исследовательской позиции (задачи также гносеологические) поднимают комплекс онтологических вопросов о существовании в предметной культуре предполагаемых в ней явлений. В данном параграфе я собираюсь обсудить проблему презентизма / аутентизма не как ментальную (осознанности и оправданности проецирования исследователем собственных представлений на свой объект), а как проблему описания, которая ставилась и обсуждалась в философии науки и логике как проблема *языков* описания. Проблема эта начала обсуждаться в логике и логической методологии в ходе математической революции в логике в нач. XX в. (точнее, в ходе активного становления современной логики в период между I и II Мировыми войнами в 20-е – 30-е гг.).

Представитель Львовско-Варшавской философской школы А. Тарский, впервые начав строить и исследовать вопросы логической семантики формально-логическими методами, для строгой формулировки классической концепции истины и проведения иных семантических исследований провел различие между **объектным языком** (семантические свойства которого исследуются) и **метаязыком** (языком исследователя, на котором тот описывает объектный язык). Необходимость такого разделения стало очевидной, поскольку в семантических исследованиях Тарского оба языка являются формально-математическими системами. С тех пор данное различие жестко соблюдается, в том числе и в случаях, когда в качестве метаязыка выступает какой-либо естественный язык. В частности, такое различие должно оберегать от парадоксов самореференции.

Фактически такое различие неявно было заложено уже в теории типов Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда, чья «Principia mathematica» (в 3-х т.: 1910, 1912, 1913)² дала толчок математической революции в логике после окончания I Мировой войны. Согласно этой теории, множество имеет тип на единицу больший, чем наибольший из типов его элементов. Или иначе, предикат (свойство или отношение) имеет тип на единицу больший, чем наибольший из типов его возможных аргументов. Второй вариант ближе к обсуждаемой теме и неформально может быть сформулирован так: для описания любого семиотического объекта необходимо иметь знаковые средства более высокого уровня.

Возвращаясь к различению Тарского, специально отмечу, что его знаменитое определение истинности: «Предложение «Снег бел» истинно, если и только если снег бел», – имеет смысл только в том случае, если оно является предложением метаязыка (языка описания), а внутреннее предложение «Снег бел» (взятое мной в кавычки-лапки) – предложение объектного (предметного, описываемого) языка или специальной части метаязыка, предназначенной для однозначной передачи знаков объектного языка (тогда закавычивание внутреннего предложения не нужно).

Замечу, что только в случае формальных построений речь может идти о надстраивании нового языка (метаязыка) над некоторым уже имеющимся. В случае же естественного языка речь идет о различении уровней полагания внутри речи на одном и том же языке, т. е. об отслеживании, когда речь используется как объектный язык, а когда как метаязык. Соответственно, при исследовании иных и иновременных культур для избежания проблем креативности определений и создания фиктивных объектов необходимо четкое различие языка описания, используемого исследователем, и языка самоописания предметной культуры, предоставляющего исследователю доступ к реалиям этой культуры и являющегося минимальной гарантией существования в предметной культуре полагаемых в ней явлений и социальных структур. Пример Тарского указывает еще на одну важную характеристику языка описания: *он должен включать в себя специальные семиотические средства для аутентичного писания реалий предметной культуры (специальную терминологию, понятийный аппарат и иные средства)*. В качестве таких специальных средств могут выступать либо напрямую лексика языка предметной культуры (и иные знаковые средства из нее), либо специально построенный аппарат языка описания, представляющий в этом языке знаковые средства предметной культуры. Такой аппарат обычно формируется путем транслитерации средствами родного или латинского алфавитов, транскрипции,

² Имеется русский перевод [Уайтхед, Рассел, 2005-2006].

калькирования или перевода соответствующих лексических средств предметной культуры. Например, в случае философии это могут быть слова и выражения «φιλοσοφία», «philosophia», «философия», «любомудрие», «мудролюбие», «любовь к мудрости» и т. п.

Впрочем, использование такой «предметно ориентированной» лексики не гарантирует безопасности от ошибок презентизма. Например, хотя слово «φιλοσοφία» и «φιλόσοφος» являются терминами греков, выработанными для описания некоторых реалий своей культуры, с точки зрения афинской гипотезы возникновения философии, ко времени Диогена Лаэртского греки успели осуществить презентистские переносы, проекции представлений о философии как на свое доплатоновское прошлое (концепция двух ветвей греческой философии), так и на другие культуры (варварская версия полицентрической гипотезы). Другой пример – греческий полис (πόλις), существовавший как особый тип общественно-государственного устройства лишь некоторый период греческой истории. Соответственно, как не передавай этот термин («город», «город-государство», «республика»), он соответствует реалиям только определенного периода в истории древнегреческой культуры (по некоторым взглядам, примерно с VIII–VI вв. до н. э. и до эпохи эллинизма) и его применение к общественно-политическому устройству Греции другого периода будет анахронизмом и вариантом презентизма (поскольку это будет проекцией уже сложившегося представления автора и закрепленного в его языке описания на другие периоды греческой истории, относительно которых этот термин уже не является предметным, эмпирическим термином).

Еще один пример различения элементов языка описания мы видим в методологии Венского кружка (существовавшего в тот же межвоенный период), представители которого проводили различие между **эмпирическими и теоретическими терминами** [см. напр.: Крафт, 2003]. Предметные значения эмпирических терминов могут непосредственно наблюдаться, и на эти значения может быть осуществлено непосредственное указание (эмпирические термины могут быть «остенсивно определены»). Предложения, содержащие только эмпирические термины и логические связки, называются эмпирическими. Например, эмпирическими будут утверждения вида: в такое-то время, в таком-то месте, такая-то стрелка, такого-то прибора отклонилась с такой-то отметки до такой-то отметки. А утверждение вида: в такое-то время, в таком-то месте было зарегистрировано прохождение такой-то элементарной частицы, уже не будет эмпирическим, поскольку ни одна элементарная частица не является непосредственно наблюдаемой и, соответственно, термин «элементарная частица» является теоретическим. Применительно к проблеме, затронутой в первом разделе, эмпирическим будет утверждение вида: в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то. А утверждение, что Исократ в 393 г. до н. э. в Афинах основал школу, в которой преподавал философию, не будет эмпирическим, поскольку это событие не является наблюдаемым.

Из различения эмпирических и теоретических терминов и предложений я хочу зафиксировать (вслед за Венским кружком) следующий вывод: *объекты, события, явления и т. п., зафиксированные эмпирическими предложениями, могут быть критериями существования некоторого объекта (явления, события), фиксируемого теоретическим термином, но никогда не доказывают этого существования.*

Понятно, что теоретические термины могут быть разного уровня. Более того, применительно к исследованию иной (иновременной) культуры необходимо различать эмпирические и теоретические термины предметной культуры и эмпирические и теоретические термины языка описания. Например, афинянин III в. до н. э. мог встретить философа, а философию не мог, поскольку ее нельзя воспринимать в принципе.

Тем не менее, термины (понятия, образы, нарративы и т.п.) самоописания исследуемой культуры имеют особое значение, в силу которого они важнее теоретических терминов (понятий, образов, нарративов) языка описания. Это термины могут участвовать в реконструкции описываемой культуры и после проверки на существование, хронологической, территориальной и т. п. привязки могут быть включены в язык описания вместе с эмпирическими терминами в качестве того «эмпирического» слоя, который в метаязыке Тарского составляют знаки для обозначения знаков объектного языка.

В заключение параграфа нужно сделать несколько замечаний. Термин «язык» и в случае «языка описания», и в случае «языка предметной культуры» я использую традиционно свободным образом для обозначения совокупности знаковых и концептуальных средств. В случае «языка описания» это, в первую очередь, концептуально-терминологический аппарат исследователя, используемый им для описания соответствующей культуры. Остальная часть естественного языка исследователя включается в «язык описания» лишь по мере необходимости. Кроме того, «язык описания» включает схемы, концепции, специальные знаки и иные используемые в описании средства. Под «языком предметной культуры» я также подразумеваю не обязательно язык или языки изучаемой культуры целиком (их элементы включаются по мере необходимости). Это необходимая лексика и фразеология (особенно терминологическая), концепты, символы, образы, поясняющие нарративы, сюжеты и т. п. В пифагорейской гипотезе и пифагорейской легенде это сами термины «φιλοσοφία» и «φιλόσοφος», связываемые с этими словами концепты философии и философа, рассказываемые истории (нарративы) об изобретении Пифагором философии и их сюжеты.

Во-вторых, хочу заметить, что корректное исследование иной (иновременной) культуры – дело «рекурсивное» (некоторые называют это кругом или спиралью), подразумевающее постоянные переходы между несколькими фазами исследования и описания. Переход (1) от эмпирических данных (терминов, утверждений) исследователя к языку самоописания исследуемой культуры, (2) от критики терминов самоописания предметной культуры к выработке исследователем предметно (эмпирически) ориентированной терминологии описания, (3) от теоретических и предметно ориентированных терминов языка описания назад к их проверке и соотнесению с эмпирическими данными и терминами самоописания предметной культуры.

5. Возникновение философии как предмет инокультурного и иновременного описания и анализа

Теперь можно вернуться к проблеме возникновения философии, поставленной в первом параграфе статьи, и проанализировать ее с точки зрения описанной методологии. Имеющиеся в распоряжении современных исследователей эмпирические данные – утверждения в дошедших до нас рукописях об обстоятельствах возникновения философии – следующие:

- 1) варварская версия Диогена Лаэртского (DL, I, 1);
- 2) египетская версия Исократ (Бусирис, 28) – 14 (Пифагор) Fr. 4 DK, [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 140];
- 3) ионийская гипотеза в версии Диогена Лаэртского (DL, I, 13);
- 4) итальянская гипотеза в версии пифагорейской легенды (многие авторы, в т.ч.: DL, I, 12; DL, VIII, 8; Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, X, 10, 1);
- 5) сократическая версия диалогов Платона, приписывающая Сократу использование слова «философия» и придание ему различных специальных смыслов;
- 6) платоновская версия, фиксирующая использование Платоном слов «философия» и «философ», и придание им различных специальных смыслов;
- 7) исократовская версия, фиксирующая использование Исократом слова «философия» и «философ», и придание им различных специальных смыслов.

Еще раз отмечу, что эмпирическими фактами являются лишь (1) наличие в соответствующих рукописях (или их критических публикациях) соответствующих сообщений (варианты 1–5) или (2) наличие в рукописях (или их критических публикациях) соответствующих словоупотреблений (варианты 6–7). Разница между этими эмпирическими фактами состоит в том, что сообщение, извлеченное из текстологического факта, само нуждается в проверке, а использование в тексте некоторого слова является эмпирическим фактом само по себе. Как видим, если всем сообщениям, извлеченным из текстологических эмпирических фактов, придать статус документального сообщения, то получится рассогласованная картина античной культуры.

Зато данные, лежащие в основе платоновской и исократовской версий (точнее, единой исократо-платоновской версии), как факты словоупотребления сами относятся, с одной стороны, к эмпирическим данным исследователя, с другой стороны, к фактам самоописания греческой культуры. Соответственно, именно эта версия (версии) является приоритетной.

Если мы обратимся к терминам самоописания греческой культуры самим по себе, в интересующем нас аспекте это слова основы «φιλόσοφ-», то от доплатоновского времени (точнее, времени до IV в. до н. э.) до нас дошли только три текста, использующие эту основу: дважды это глагол и один раз прилагательное (Геродот, История, I, 30 2; Фукидид, История Пелопонесской войны, II, 40, 1; Горгий, Похвала Елене, 13 [ссылки даются по: Геродот, 2007; Фукидид, 1887; Горгий, 2022]). Это косвенно также подтверждает исократо-платоновскую версию. Кроме того, в случае глаголов у Геродота и Фукидида нет оснований приписывать им какое-либо иное, нетривиальное лексическое значение, чем они получают на основании словообразовательного конструирования. В случае Фукидида это даже формально невозможно, в силу использования автором тропа параллелизма внутренней структуры соположенных слов «φιλοκαλοῦμέν ... καὶ φιλοσοφοῦμεν ...»³ [Θουκυδίδης, 2012], который разрушается при не буквально-словообразовательном понимании этих слов. Это также является косвенным аргументом в поддержку данной версии.

Только прилагательное «φιλόσοφος», используемое Горгием в выражении «φιλοσόφων λόγων ἀμίλλας» [Горгий, 2022, с. 29], маркирует одну из трех групп текстов, в которых существующее выдается за несуществующее, а несуществующее за существующее. В этом

³ Θουκυδίδης. (2012). Ἱστορίαι. [Online]. *Αρχαία Ελληνική Γλώσσα και Γραμματεία*. Available at: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?text_id=73&page=59 (Accessed: 16 November 2024).

случае прилагательное «φιλόσοφος» может указывать на отношение данных текстов или споров к процессу обучения красноречию. Это хорошо коррелирует с «риторическим» пониманием философии Исократом, учеником Горгия, и наталкивает на гипотезу, что слово «философ» (создаваемое простой субстанциализацией прилагательного «φιλόσοφος», получаемой добавлением к нему артикля «ὁ»), а возможно, и «философия» впервые стали использоваться в среде учеников Горгия и указывали на занятие практикой красноречия.

Есть еще одно позднее свидетельство, которому многие авторитетные антиковеды вполне доверяют. Это так называемый фрагмент DK 35 Гераклита Эфесского [по: Diels, Kranz, 1951-1952], извлеченный из «Стромат» Клементы Александрийского (V, 140, 5). Речь в нем идет о «φιλοσόφους ἄνδρας» [Гераклит] – мудролюбивых мужах (или людях). В переводе контекст этого фрагмента такой: «[Эмпедокл] великолепно выразил ту мысль, что знание и невежество составляют условия счастья, ибо чрезвычайно “многого знатоками должны быть любомудрые мужи” по Гераклиту и воистину необходимо [по Фокилиду (вставка моя – Т. Ш.)] “много скитаться тому, кто стать добронравным взыскует”» [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 191, фр. 7(а)]. На мой взгляд, здесь имеется явная корреляция смыслов прилагательного «φιλόσοφος» с глаголом «φιλοσοφῶν» в «Истории» Геродота (I, 30 2), где Крѣз в беседе с Солоном говорит: «Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран» [Геродот, 2007, с. 15] («παρ' ἡμέας γὰρ περὶ σέο λόγος ἀπῖκται πολλὸς καὶ σοφίης εἵνεκεν τῆς σῆς καὶ πλάνης, ὥς φιλοσοφῶν γῆν πολλὴν θεωρίης εἵνεκεν ἐπελήλυθας»⁴). В обоих случаях речь идет о мужах, обладающих σόφος, состоящей в знании людей и света, полученном в ходе путешествий и наблюдений над жизнью людей. Это в принципе не противоречит словообразовательному смыслу основы «φιλόσοφ-» [Адо, 1999, с. 31-38].

Для разбора пифагорейской легенды и зависящей от нее пифагорейской гипотезы здесь уже нет места. Отмечу, что я считаю «пифагорейскую легенду» именно легендой, а излагаемые в ней сведения – не достоверными. Желая обратиться к статье В. Буркерта [Буркерт, 2017], в которой он обосновывает, что все истории об изобретении философии зависимы от свидетельства Гераклида Понтийского («О бездыханной») или среды Академии при Платоне. Ранее с утверждением, что пифагорейская легенда возникла в результате переноса на Пифагора сократо-платоновских представлений о философии, выступал Дильтей [Дильтей, 2001, с. 23]. К мнению Буркерта присоединяется П. Адо [Адо, 1999, с. 30, прим. 1]. Более подробный анализ пифагорейской легенды и дополнительную критическую аргументацию против нее можно найти в [Шиян, 2024].

На фоне разобранных свидетельств и языковых фактов появляется еще сократическая версия возникновения философии, основанная на фактографической интерпретации содержания платоновских диалогов. Правда, фактографическая интерпретация противоречит наличию в произведениях Платона исторически невозможных высказываний. С другой стороны, подтверждением этой версии могут служить сократические произведения Ксенофонта, который несколько раз использует интересующую нас лексику. Но они писались после начала публичной литературной деятельности Платона и некоторые из них напрямую оппонируют одноименным произведениям Платона (см., например, сократовские

⁴ Ἡρόδοτος. (2012). *Ἱστορίαι*. [Online]. *Αρχαία Ελληνική Γλώσσα και Γραμματεία*. Available at: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?page=5&text_id=30 (Accessed: 16 November 2024).

апологии обоих авторов). Кроме того, в произведениях Платона и Ксенофонта нигде не приписывается Сократу изобретение философии. Значит, Сократ должен был бы у кого-то позаимствовать это словоупотребление. Но это не подтверждается лексически, как было показано выше. Таким образом, наиболее вероятной является платоновская (исократоплатоновская) версия возникновения философии.

Список литературы / References

Адо, П. (1999). *Что такое античная философия?* М.
Ado P. (1999). *What Is the Ancient Philosophy?* Moscow.

Берестов, И. В. (2021). *Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций*. Дис. ... д-ра филос. наук (на правах рукописи). Новосибирск. 409 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (дата обращения: 01.10.2025).

Berestov, I. V. (2021). *Parmenides' Argumentation against the Plurality of Beings in the Light of Ancient Greek and Modern Conceptualizations*. Doctor's thesis. Novosibirsk. 409 p. [Online]. Available at: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Буркерт, В. (2017). Платон или Пифагор? О происхождении слова «философия». *Философская мысль*. № 3. С. 36-51. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22028.

Burkert, V. (2017). Plato or Pythagoras? On the Origin of the Word "Philosophy". *Philosophical Thought*. No. 3. Pp. 36-51. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22028. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2017). Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257.

Volf, M N. (2017). Contemporary Debates about the History of Philosophy: The Tug-of-War Between Text and Context. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 15. No 2. Pp. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2016). Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. Вып. 4(36). С. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23.

Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2016). Neo-Sophistic Rhetoric in View of the Methodology of the History of Philosophy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Iss. 4 (36). Pp. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23. (In Russ.)

Геродот. (2007). *История*. М.
Herodotus. (2007). *History*. Moscow. (In Russ.)

Горгий. (2022). Похвала Елене. Учебный комментарий. [Электронный ресурс]. *Antibarbari: Греко-латинский клуб ВШЭ*. URL: http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (дата доступа 16.11.2024).

Gorgias. (2022). *In Praise of Helen*. Study Commentary. [Online]. *Antibarbari: Greco-Latin Club of the Higher School of Economics*. Available at: http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (Accessed: 15 November 2024). (In Russ.)

Дильтей, В. (2001). *Сущность философии*. М.: Интрада.

Dilthey, W. (2001). *The Essence of Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* (= DL). М.

Diogenes Laërtius. (1986). *On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers* (= DL). Moscow. (In Russ.)

Исократ. (2013). Бусирис. *Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы*. Ред. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир. С. 214-224.

Isocrates. (2013). Busiris. In Frolov, E. D. (ed.). *Isocrates. Speeches. Letters; Minor Attic Orators*. Moscow. Pp. 214-224. (In Russ.)

Крафт, В. (2003). *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма*. М.: Идея-Пресс.

Kraft, V. (2003). *The Vienna Circle. The Emergence of Neopositivism*. Moscow. (In Russ.)

Кузнецова, Н. И. (2009). Презентизм и антикваризм – две картины прошлого. *Arbor Mundi*. Вып. 15. С. 164-197.

Kuznetsova, N. I. (2009). Presentism and Antiquarism – Two Pictures of the Past. *Arbor Mundi*. Iss. 15. Pp. 164-197. (In Russ.)

Фролов, Э. Д., Никитюк, Е. В., Петров, А. В., Шарнина, А. Б. *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. (2002). Под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Frolov, E. D., Nikityuk, E. V., Petrov, A. V., Sharnina, A. B. (2002). *Alternative Social Communities in the Ancient World*. Frolov, E. D. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Уайтхед, А. Н., Рассел, Б. (2005-2006). *Основания математики*. В 3-х т. Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет». Т. 1. 722 с.; Т. 2. 738 с.; Т. 3. 460 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1910-1913).

Whitehead, A. N., Russell, B. (2005-2006). *Principia Mathematica*. In 3 vols. Yarovoy, G. P., Radaev, Yu. N. (eds.). Samara. Vol. 1. 722 p.; Vol. 2. 738 p.; Vol. 3. 460 p. (In Russ.)

Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теогоний до возникновения атомистики. (1989). Ред. и пер. А. В. Лебедев. М.

Lebedev, A. V. (1989). (ed. and transl.). *Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow. (In Russ.)

Фукидид. (1887). *История Пелопоннесской войны в восьми книгах*. В 2-х тт. Т. 1. Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко с его предисл., примеч. и указ. М.: А. Г. Кузнецов.

Thucydides. (1887-1888). *History of the Peloponnesian War in Eight Books*. In 2 vols. Mishchenko, F. G. (transl., preface, notes and index.) Moscow. (In Russ.)

Шичалин, Ю. А. (2000). *История античного платонизма в институциональном аспекте*. М.

Shichalin, Yu. A. (2000). *History of Ancient Platonism in the Institutional Aspect*. Moscow. (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2018). О незамеченной логической операции «отнесение к роду» и ее месте в логике и методологии. [Электронный ресурс]. *Логико-философские штудии*. Т. 16. № 1-2. С. 198-199. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (дата обращения: 01.10.2025).

Shiyan, T. A. (2018). On the Unnoticed Logical Operation of “Attribution to Genus” and Its Place in Logic and Methodology. [Online]. *Logical and Philosophical Studies*. Vol. 16. No. 1-2. Pp. 198-199. Available at: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2024). К проблеме институционального формирования философии. *Южный полюс*. [Электронный ресурс]. *Исследования по современной западной философии*. № 12 (2). URL: <http://southpole.sfedu.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

Shiyan, T. A. (2024). On the Problem of Institutional Formation of Philosophy. [Online]. *South Pole. Studies in Contemporary Western Philosophy*. No. 12 (2). Available at: <http://southpole.sfedu.ru> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Ясперс, К. (1991). Истоки истории и ее цель. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат. С. 27-286.

Jaspers, K. (1991). The Origins of History and Its Purpose. In *Jaspers K. The Meaning and Purpose of History*. Moscow. Pp. 27-286. (In Russ.)

Diels, H., Kranz, W. (Hrsg.). (1951-1952). *Die Fragmente der Vorsokratiker (= DK)*. Bd I-II. Die sechste Auflage. Hildesheim. Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.

Lasulx, E. (1952). *Neuer Versuch einer alten Philosophie der Geschichte*. Wien.

Weber, A. (1935). *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*. Leiden.

Сведения об авторе / Information about the author

Шиян Тарас Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Фонда «Центр гуманитарных исследований», г. Москва, ул. Часовая, 9, e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1399-7156>.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Shiyan Taras – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow of “The Center for Humanitarian Research” Foundation, Moscow, Chasovaya St., 9, e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1399-7156>.

The paper was submitted: 09.02.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354 + 323.2

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЕЙСЫ

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
zamashka@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено выявлению региональных особенностей процесса производства общественных благ, в котором территориальное общественное самоуправление (ТОС) участвует совместно с государством. В качестве ареала исследования выступают три региона: Иркутская область, Новосибирская область и Республика Хакасия. Эмпирическую базу исследования составили 1140 грантовых проектов, реализованных ТОСами указанных регионов в период с 2018 по 2024 гг.

Дана характеристика институциональных условий, в которых в каждом регионе разворачивается процесс производства ТОСами общественных благ. Осуществлен анализ производимых благ с точки зрения их содержания. Показано, что различия в институциональной поддержке действующих ТОСов сопровождаются дифференциацией в объеме производимых ТОСами общественных благ и в содержании деятельности ТОСов, поддерживаемой при помощи грантового финансирования.

Сделан вывод о том, что во всех регионах разворачиваются общие тенденции, определяющие сферу общественных благ, производимых ТОСами на современном этапе: преобладание деятельности по благоустройству территорий; наличие ярко выраженного эффекта «увеличения благополучателей», значительный объем проектов, связанных с сохранением историко-культурного наследия и патриотическим воспитанием.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление (ТОС), самоорганизация, местные сообщества, сопроизводство, общественные блага, грант, Новосибирская область, Иркутская область, Республика Хакасия.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2025). Территориальное общественное самоуправление в условиях сопроизводства общественных благ: региональные кейсы. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 117-137. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.117-137

LOCAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF CO-PRODUCTION OF PUBLIC GOODS: REGIONAL CASES

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
zamashka@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to identifying the regional features of the process of public goods production, in which territorial public self-government (TPSG) participates together with the state. The study area includes three regions: the Irkutsk Region, the Novosibirsk Region, and the Republic of Khakassia. The empirical base of the study consists of 1,140 grant projects implemented by TPSs in these regions between 2018 and 2024.

The study provides a description of the institutional conditions under which TPSG produce public goods in each region. The analysis of the content of the produced goods is carried out. It is shown that the differences in the institutional support of the existing TPSG are accompanied by differences in the volume of public goods produced by the TPSG, as well as certain differences in the content of the activities of the TPSG supported by grant financing.

It is concluded that common trends are unfolding in all regions: the prevalence of activities related to the improvement of territories; the presence of a pronounced effect of "increasing beneficiaries"; and a significant volume of projects related to the preservation of historical and cultural heritage and patriotic education.

Keywords: territorial public self-government, TPSG, self-organization, local communities, co-production, public goods, grant, Novosibirsk region, Irkutsk Region, Republic of Khakassia.

For citation: Zazulina, M. R. (2025). Local Communities in the Context of Co-production of Public Goods: Regional Cases. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp.117-137. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.117-137

Введение

Поддержка и развитие различных форм гражданской активности в последнее время становятся приоритетными задачами государственной политики. Именно они содержат в себе потенциал общественного развития, который позволит объединить усилия общества и государства для достижения наиболее эффективного партнерства. Одним из наиболее значимых институтов, аккумулирующих гражданскую активность, является территориальное общественное самоуправление (ТОС). Во всех федеральных законах о местном самоуправлении ТОС упоминается как одна из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, развитие которой если и не обязательно, то желательно. При этом территориальное общественное самоуправление очень долго оставалось «в тени», не имея поддержки со стороны органов власти и не позволяя населению в полной мере реализовывать такую форму гражданской активности.

Поворотным моментом в государственной политике в отношении территориального общественного самоуправления можно считать Заседание Совета по развитию местного самоуправления, прошедшее в г. Кирове 5 августа 2017 г., по итогам которого был утвержден Перечень поручений Президента РФ. Часть из них касалась «создания условий для развития территориального общественного самоуправления» и «обеспечения широкого привлечения граждан к определению направлений деятельности по благоустройству территорий муниципальных образований и их непосредственному участие в такой деятельности»¹.

Это привело к повышению внимания к территориальному общественному самоуправлению на всех уровнях власти, росту количества ТОСов, развитию сети организаций, осуществляющих организационную и методическую поддержку их деятельности, введению системы грантового финансирования деятельности ТОСов. С теоретической точки зрения за указанными процессами стоит становление целой сферы общественно-государственного партнерства, охватывающей взаимодействие государства и групп граждан, объединенных в ТОСы, а также их совместную деятельность по производству общественных благ. Прошедшие с поворотного момента годы дают

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления. [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55571> (дата обращения: 20.09.2025).

возможность оценить изменения, произошедшие с институтом ТОС, и проанализировать то, насколько государственная поддержка позволяет и помогает современным ТОСам включаться в процесс производства общественных благ.

Цель работы заключается в выявлении региональных особенностей процесса производства общественных благ, в котором ТОСы участвуют совместно с государством. В качестве ареала исследования выступают три региона: Иркутская область, Новосибирская область и Республика Хакасия.

Для достижения поставленной цели предполагается решить две задачи:

1. Определить институциональные условия, в которых в каждом регионе разворачивается процесс производства ТОСами общественных благ.

2. Проанализировать основное содержание совокупности общественных благ, которое ТОСы производят при финансовой (грантовой) поддержке государства.

Теоретическая рамка исследования

Производство общественных благ является неотъемлемой частью современного общества, результатом деятельности его институтов, отдельных индивидов и их групп. Совместное участие государства и граждан в создании общественных благ, получившее название сопроизводство (coproduction), было введено в научный оборот в 1970-е гг. [Ostrom et al., 1978; Ostrom 1996]. Участие сообществ в сопроизводстве общественных благ трактуется исследователями неоднозначно. С одной стороны, такое участие повышает общую активность населения, доверие к властям и в конечном счете стимулирует проявление опции «голос». С другой стороны, исследователи подчеркивают, что допуск граждан к сопроизводству общественных благ на практике существенно ограничен правилами, устанавливаемыми государством. Участие сообществ считается важным лишь до тех пор, пока восполняет провалы государственного управления, сокращает государственные расходы и ответственность [Ackerman, 2004; Gurgur, 2016].

Ситуация с сопроизводством общественных благ, складывающаяся в России, является особенно показательной. Участвовать в этом процессе, по большому счету, могут лишь структуры гражданского общества, пользующиеся поддержкой государства. Государство, со своей стороны, четко определяет содержание, объем благ и порядок их производства. Однако именно финансовая и организационная поддержка государства позволяет сообществам произвести по-настоящему важные блага, обладающие повышенной социальной значимостью для больших групп населения.

Территориальное общественное самоуправление является одним из институтов, пользующихся государственной поддержкой. Самоорганизация граждан в ТОСы позволяет им быть включенными в процесс сопроизводства общественных благ и получать поддержку от государства для решения проблем местного значения. На сегодняшний день одним из основных механизмов поддержки со стороны государства оказывается финансирование деятельности ТОСов с помощью грантов. Именно грантовая деятельность оказывается ядром процесса по производству общественных благ, поскольку получаемая финансовая поддержка позволяет реализовать проекты, имеющие особое значение для местных сообществ.

Существует большое количество научных работ, посвященных деятельности ТОС, которые позволяют получить представление о различных аспектах практик этого института [Гордиенко, 2005; Шомина, 2015, Медведева и др., 2021] и о его специфике в различных регионах РФ [Березутский, Митрофанов, 2023; Бреславский, Скворцова, 2021; Чекрыга, 2023]. В работах И. Л. Шагалова показано, что ТОСы, рассматриваемые с точки зрения теории сопроизводства общественных благ, активно вовлечены в процесс сопроизводства социальной инфраструктуры [Шагалов, 2019], в выигрыше от деятельности ТОСов оказываются не только местные сообщества, но и государство, поскольку одновременно с решением проблем на местах происходит рост лояльности населения по отношению к власти.

В этом же русле в 2024 г. нами было проведено исследование деятельности ТОСов Новосибирской области [Зазулина, 2024]. Были изучены содержание и особенности процесса сопроизводства общественных благ, производимых ТОСами совместно с государством в рамках грантовой деятельности. Исследование позволило проанализировать содержание тех благ, которые производят ТОСы, выделить и ранжировать их группы. Также в качестве результата деятельности ТОСов был выявлен и эмпирически показан «эффект увеличения благополучателей», когда относительно небольшая по численности группа создает общественное благо, которым будет пользоваться все сообщество, значительно превышающее ее по численности.

В новом исследовании, результаты которого изложены в данной статье, мы решили расширить ареал исследования и сравнить процессы сопроизводства общественных благ, производимых ТОСами в трех регионах: Новосибирской области, Иркутской области и Республике Хакасия. При этом мы изначально предполагали, что грантовая деятельность ТОСов при наличии общих тенденций должна иметь региональную специфику. Эта специфика должна быть связана с различными институциональными условиями, в которые оказываются включены региональные ТОСы.

Методология и общая стратегия исследования

В качестве ареала исследования были выбраны три региона, входящих в Сибирский федеральный округ. Обусловлено это тем, что регионы, входящие в один федеральный округ, демонстрируют близкие модели развития в силу территориальной близости, схожести природно-географических условий. Также в качестве округа они часто предстают как единый объект для политических решений. В то же время в рамках Сибирского федерального округа наблюдается разнообразие между входящими в него регионами по территории, количеству населения, этнической специфике, региональным и локальным традициям хозяйствования и управления.

В СФО входят всего 10 регионов, из которых три имеют статус республик (в них наименьшие численность населения, уровень урбанизации и занимаемая территория), два края и пять областей. Предварительный обзор ситуации в отдельных регионах, связанной с деятельностью ТОСов, показал, что можно выделить несколько моделей развития. В национальных республиках количество ТОСов само по себе мало, и информация по ним практически отсутствует, что затрудняет анализ. Исключение в данном случае представляет республика Хакасия, которая вошла в выборку. В краях и областях наблюдается

заметная диспропорция между активным функционированием сети ТОСов в административных столицах и развитием ТОСов региональной периферии, которое запаздывает по отношению к ТОСам региональных центров. Такая модель характерна для Новосибирской, Омской, Томской областей, Алтайского края.

В результате в выборку исследования попали три региона, в которых система ТОСов в последние годы 1) получила развитие не только в административном центре, но и на территории всего региона; 2) представлена достаточно большим количеством ТОСов; 3) происходит активное развитие сетей организационной и институциональной поддержки (ресурсные центры, областные и муниципальные гранты). Совокупность указанных факторов приводит к наличию достаточного количества информации в сети Интернет, позволяющей получить представление о деятельности ТОСов и реализовать исследование.

Источниками информации в каждом регионе послужили: 1) официальные ресурсы региональных и муниципальных органов власти; 2) информационные ресурсы фондов, которые занимаются грантовым финансированием ТОСов; 3) местные СМИ, освещающие жизнь местных сообществ; 4) ресурсы самих ТОСов в соцсетях и мессенджерах.

Для анализа в каждом регионе был выбран конкурс на грантовое финансирование деятельности ТОСов, который удовлетворял следующим критериям: 1) проводился региональными или муниципальными властями; 2) проводился ежегодно в период с 2018 по 2024 гг.; 3) участниками конкурса были исключительно ТОСы (не отдельные граждане и их группы, не социально-ориентированные некоммерческие организации (СОНКО)). В результате из каждого региона в выборку попал один конкурс, который являлся основным источником грантового финансирования для региональных ТОСов.

В Иркутской области был проанализирован Конкурс «Лучший проект территориального общественного самоуправления Иркутской области», который регулярно проводится с 2017 г. Это конкурс регионального уровня. В выборку попали 210 проектов, реализованных 134 ТОСами. Из семи конкурсов, реализованных в период с 2018 по 2024 гг., удалось найти полную информацию по шести (за исключением конкурсов 2020 г., по которым информация отсутствует).

В Республике Хакасия в выборку попал Республиканский конкурс по предоставлению грантов в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений Республики Хакасия, проводимый с 2019 г. Это конкурс регионального уровня. Были проанализированы 39 проектов, реализованных 16 ТОСами, в период с 2019 по 2023 гг.² Несмотря на небольшое количество проектов это наиболее полная выборка по отдельно взятому региону в нашем исследовании. Из пяти конкурсов, проведенных в регионе в указанный период, все пять в полном объеме дополнили эмпирическую базу исследования.

Случай Новосибирской области на фоне описанных выше регионов выглядит крайне специфичным и в количественном, и в качественном отношении. Был проанализирован «Конкурс социально значимых проектов на предоставление грантов в форме субсидий из бюджета муниципального образования в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений данного муниципального образования». Это конкурс муниципального уровня, который проводится во всех без исключения районных и окружных муниципальных образованиях. В выборку попал 891 проект,

² Начиная с 2024 г. данный конкурс не проводится в связи с дефицитом регионального бюджета.

реализованный 552 ТОСами в период с 2018 по 2024 гг. За это время в регионе прошло 245 конкурсов, и о 115 из них нам удалось собрать информацию. Большие количественные значения связаны с тем, что в Новосибирской области конкурс проводится на муниципальном уровне, т.е. ежегодно в каждом из 35 районных и окружных муниципалитетов. С этим же фактором связан и относительно небольшой, по сравнению с другими регионами, процент данных, составивших эмпирическую базу исследования (удалось проанализировать 47 % от всех проведенных за указанный период конкурсов): информация не выложена централизованно на региональных ресурсах, а ее доступность и способы подачи на муниципальных ресурсах имеют существенные различия. Тем не менее, мы полагаем, что получившаяся выборка способна в полной мере дать представление об особенностях деятельности ТОС Новосибирской области. Обобщенные данные о выборке исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количество грантов, полученных ТОСами и попавших в выборку исследования*

Регион	Количество проведенных конкурсов в регионах							Всего полученных грантов
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
Республика Хакасия	не проводился	4	6	6	13	10	не проводился	39
Иркутская область	20	32	–	32	42	42	42	210
Новосибирская область	70	108	145	184	123	90	171	891

*Составлено автором

Отмеченные региональные особенности связаны с политикой в отношении ТОСов, принятой на уровне каждого региона, и с особенностями региональной институциональной организации в сфере деятельности ТОСов, которые будут описаны далее.

**Институциональный контекст деятельности ТОСов
и его региональная специфика**

В каждом регионе деятельность ТОСов включена в институциональный контекст, представленный органами власти различных уровней, фондами и специализированными организациями, осуществляющими организационную и консультативную поддержку. Несмотря на то, что деятельность ТОС очерчена рамками Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³, наше исследование показало, что та институциональная среда, в которую ТОСы оказываются включены на уровне регионов (и муниципалитетов), и которая определяет их возможности в сфере производства общественных благ, имеет существенные региональные отличия.

³ Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения: 20.09.2025).

По данным Доклада «Развитие движения ТОС на современном этапе. О практике взаимодействия органов местного самоуправления и территориального общественного самоуправления в субъектах Российской Федерации» количество ТОС в РФ увеличилось с 27603 (начало 2018 г.) до 38226 (начало 2023 г.), при этом статусом юридического лица обладало менее 7 % ТОСов⁴. Данные по количеству ТОСов в трех регионах исследования приведены в таблице 2 и свидетельствуют о том, что везде наблюдается значительный рост этого института.

Таблица 2

Количество ТОСов в Новосибирской, Иркутской областях и Республике Хакасия*

Регион	начало 2018 г.	начало 2025 г.
Республика Хакасия	45	241
Иркутская область	125	773
Новосибирская область	460	1283

*Составлено автором на основе анализа СМИ и данных официальных органов власти.

В каждом регионе действует система мер государственной поддержки ТОСов. Основным механизмом такой поддержки являются гранты, выделяемые на социально-значимую деятельность ТОСов.

Официально ТОСы могут получать грантовое финансирование из различных источников. Это могут быть негосударственные гранты, выдаваемые региональными организациями за проекты, значимые для региона. Но такие мероприятия имеют, как правило, разовый характер. Государственные гранты могут быть федерального уровня, – в частности, существует конкурс на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Но участие в них требует от ТОСа обязательного статуса юридического лица, что автоматически нивелирует эту возможность для большинства ТОСов. Кроме этого, ТОСы участвуют в конкурсе на президентские гранты наряду с другими СОНКО, что ставит их в условия жесткой конкуренции и снижает шансы на получение финансовых вливаний. Также существуют другие конкурсы федерального уровня, проводимые Российскими Фондами, в которых ТОСы могут принимать участие (Фонд Тимченко, Фонд Потанина).

Существуют гранты регионального уровня, предназначенные специально для ТОСов. Однако количество заявок, подаваемое на такие конкурсы, является относительно небольшим по сравнению с общим количеством ТОСов в регионе. По-видимому, объясняется это тем, что региональная комиссия физически не способна изучить и оценить большое количество заявок. Кроме этого, региональные конкурсы существуют не во всех субъектах Федерации. Например, в Новосибирской области областной конкурс грантов для ТОСов отсутствует. А в двух других регионах, попавших в нашу выборку, Республике Хакасия и Иркутской области, напротив, именно региональный конкурс является основным механизмом, позволяющим ТОСам получать грантовое финансирование. Также отметим,

⁴ Развитие движения ТОС на современном этапе. О практике взаимодействия органов местного самоуправления и территориального общественного самоуправления в субъектах Российской Федерации. Москва, 2023. [Электронный ресурс]. Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. URL: <https://tos29.ru/upload/medialibrary/79d/ek05szf6vfm8b6lczzn6k30vxxfho15r.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

что периодически на уровне регионов проводятся конкурсы (и специально для ТОСов, и общие для СОНКО), которые не имеют постоянного, ежегодно повторяющегося характера и часто носят тематическую направленность (например, патриотическую или природоохранную).

Наконец, существуют муниципальные гранты для ТОСов. Они распределяются муниципальными органами власти среди ТОСов, осуществляющих свою деятельность на территории муниципалитета. Таких конкурсов может быть несколько в зависимости от финансовых возможностей муниципалитетов (например, как показывает практика, число грантовых конкурсов и прочих мер поддержки в региональных столицах всегда больше, чем в обычных муниципалитетах).

В каждом регионе существуют и другие конкурсы регионального и муниципального уровня, имеющие на данный момент постоянный характер, предназначенные для СОНКО и активных граждан. Однако участвующие в них ТОСы ставятся в условия конкуренции с СОНКО, в результате чего участие в таких конкурсах не является для ТОСов массовым.

Обязательным условием участия в грантах является софинансирование проектов со стороны территориальных общественных самоуправлений. Это означает, что члены ТОСов должны в рамках реализации проекта потратить и свои ресурсы. Это могут быть финансовые ресурсы или физический труд членов ТОС, пересчитанный в виде денежного эквивалента. Официально доля софинансирования составляет не менее 10 %, но на практике она может в несколько раз превышать указанный показатель.

Система поддержки ТОСов (а также СОНКО) предполагает существование сети специализированных организаций, осуществляющих вспомогательные функции по отношению к ТОСам. Сюда мы относим региональные объединения ТОСов, а также сеть ресурсных центров различного уровня. Первые, как правило, координируют действия региональных ТОСов, налаживают взаимодействия между ТОСами, органами государственной власти и органами местного самоуправления. Вторые являются некоммерческими организациями, которые оказывают консультативную, методическую помощь и организационную поддержку ТОСам, а также исполняют ряд государственных функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством полномочий по решению вопросов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (фактически они являются операторами по работе с ТОСами).

Представленная схема является максимально общей и имеет свои вариации в каждом из регионов.

В **Иркутской области** к началу 2025 г. действовало 773 ТОСа. При этом статусом юридического лица обладало менее 5 % из них. ТОСы сформированы лишь в 34 из 42 муниципальных образований районного и окружного типа.

В регионе создан Союз территориальных общественных самоуправлений Иркутской области (официально существующий с 2019 г.), выступающий единой площадкой органов ТОС и местных сообществ в Иркутской области. Союз ТОС сотрудничает с отделом по развитию ТОСов ОГКУ «Ресурсный центр по поддержке НКО Иркутской области». При их поддержке в 2022 г. была разработана Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Иркутской области до 2036 г.⁵

⁵ Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Иркутской области до 2036 года. [Электронный ресурс]. Союз ТОС Иркутской области. URL: <https://союз-тос38.рф/steategyatos2036> (дата обращения: 20.09.2025).

Функционирует ОГКУ Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области, в котором есть отдел по работе с ТОСами. Также ресурсные центры с выделенными отделами для работы с ТОСами существуют в двух городских муниципальных образованиях. Но в большинстве случаев с ТОСами работают специалисты местных районных и окружных администраций.

Источниками грантового финансирования для ТОСов со статусом юридического лица являются федеральный конкурс президентских грантов, а также региональный конкурс «Губернское собрание общественности Иркутской области» (проводился с 2021 по 2024 гг.). Оба конкурса ориентированы в целом на поддержку СОНКО, и лишь единицы ТОСов оказываются получателями субсидий.

ТОСы без образования юридического лица могут принять участие в конкурсе «Лучший проект территориального общественного самоуправления Иркутской области», который регулярно проводится с 2017 г. Именно он является основным источником финансирования проектов ТОСов. По условиям конкурса победители определяются в трех различных группах, в зависимости от типа поселения: 1) группа сельских поселений; 2) группа городских поселений; 3) группа городских округов. Общее число победителей в конкурсе в разные годы варьировалось от 20 до 42; сумма гранта составляла от 88,5 тыс. руб. до 200 тыс. руб. Всего за время проведения конкурса было реализовано 287 проектов на общую сумму около 40 млн. руб. За счет того, что некоторые ТОСы участвуют в конкурсе ежегодно, за рассматриваемый нами в данной работе период (с 2018 по 2024 гг.) финансовую помощь для своей деятельности получили всего 134 ТОСа.

Существует финансовая поддержка ТОСов на уровне муниципальных образований, но она определяется финансовыми возможностями муниципалитета и поэтому не является ни повсеместной, ни постоянной. В 2023 г. половина муниципальных образований вообще не имела бюджетных средств для поддержки деятельности ТОСов, и только в бюджетах 4 муниципальных образований из 42 было предусмотрено проведение конкурса для ТОСов.

Также существуют другие конкурсы регионального уровня: в 2020 г. проводился конкурс «ТОСы Прибайкалья: там хорошо, где мы есть», с этого же года проводится областной конкурс «Доброе Сердце». Но данные конкурсы не обеспечивают сколько-нибудь широкое участие ТОСов, поскольку ориентированы на СОНКО.

В **Республике Хакасия** к началу 2025 г. действовало 241 ТОС, статусом юридического лица обладало 7 % из них. ТОСы сформированы во всех 5 городских округах и 8 муниципальных районах региона.

В регионе не сформировалась региональная организация, объединяющая деятельность ТОСов. Ресурсный центр был создан в 2021 г. при Общественной палате Республики. Его деятельность не ориентирована на ТОСы, основная помощь ТОСам оказывается на уровне муниципалитетов, в некоторых из которых созданы координационные советы и центры поддержки по развитию данного института.

Основным источником грантового финансирования ТОСов Республики является республиканский конкурс по предоставлению грантов в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений Республики Хакасия, порядок проведения которого утвержден постановлением Правительства Республики Хакасия от 19.07.2019 № 357. Принять участие в конкурсе могут только ТОСы в статусе юридического лица. С 2021 по 2023 гг. конкурс на предоставление грантов проводился при

софинансировании Фонда президентских грантов, благодаря чему призовой фонд удваивался. Сумма грантов за указанные годы колебалась от 100 до 720 тыс. руб. за проект. Начиная с 2024 г., в связи со сложной финансовой ситуацией в республике, данный конкурс не проводится. За период существования конкурса было реализовано 39 проектов на общую сумму 12 млн. руб. Грантовое финансирование получили 16 ТОСов, имеющих статус юридического лица. Отметим, что политика приоритетной финансовой поддержки ТОСов имеет положительный результат: с 2019 по 2024 гг. количество ТОСов со статусом юридического лица в регионе увеличилось с 4 до 17.

ТОСы без статуса юридического лица не имеют возможности прямого участия в конкурсах и получения грантовой поддержки. Но могут участвовать опосредованно. Существует конкурс для местных администраций («Лучшая местная администрация муниципального образования (поселения) по работе с территориальным общественным самоуправлением Республики Хакасия»). Финансовые средства, полученные муниципальными образованияами по итогам конкурса, используются на финансирование мероприятий, проводимых органами территориального общественного самоуправления, или на поощрение наиболее отличившихся руководителей и активистов территориального общественного самоуправления. Данный конкурс проводился в период с 2014 по 2019 и с 2023 по 2024 гг.

Кроме этого, в бюджеты муниципальных образований закладываются средства на поддержку деятельности ТОСов, связанной с развитием территорий жилых районов ТОСов, обеспечением культурно-досуговой деятельности населения, патриотическим воспитанием граждан и т. д.

В **Новосибирской области** к 2021 г. ТОСы были сформированы во всех окружных и районных муниципальных образованиях области. К июню 2024 г действовало 1283 ТОСа.

Региональное объединение ТОСов отсутствует, но при этом развита сеть ресурсных центров. В период с 2018 по 2024 гг. количество ресурсных центров в области выросло с 24 до 35. При этом около двух третей муниципалитетов используют ресурсные центры в качестве официальных посредников по работе с ТОСами. Во всех муниципальных образованиях разработаны муниципальные программы по развитию территориального общественного самоуправления, включающие комплексную систему мероприятий, направленных на создание условий для развития ТОСов.

Специальный региональный конкурс для поддержки ТОСов отсутствует. В региональных и федеральных конкурсах областные ТОСы могут принимать участие наравне с другими СОНКО (Конкурс по предоставлению грантов в форме субсидий из областного бюджета Новосибирской области социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию социально значимых проектов, проводимый с 2018 г.) или в качестве инициативных групп граждан (Областной конкурс общественных стартапов «Со мной регион успешнее», проводимый с 2020 г.).

Основным источником грантового финансирования для ТОСов области является «Конкурс социально значимых проектов на предоставление грантов в форме субсидий из бюджета муниципального образования в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений данного муниципального образования», проводимый муниципальными образованиями. Он является ежегодным, проводится регулярно во всех без исключения муниципальных образованиях и финансируется из трех

источников: областных субсидий, бюджетов муниципальных образований и средств, собранных населением. Областная субсидия на проведение данного конкурса составляет 20 млн. руб. в год и еще 7 млн. руб. поступает из местных бюджетов⁶. С 2025 г. областная субсидия на финансирование мероприятий по развитию ТОСов была увеличена до 81,5 млн. руб. Несмотря на то, что единая систематизированная информация по муниципальному конкурсу для ТОСов отсутствует в свободном доступе, проведенный анализ показывает, что за все время проведения гранты получили порядка 600 ТОСов, которые при помощи этих денег реализовали около 2000 проектов.

Также во многих муниципальных образованиях области проводится Конкурс «Лучший орган территориального общественного самоуправления», целью которого является оценка и поощрение деятельности органов ТОС.

Таким образом, при одинаковых трендах на увеличение количества ТОСов и рост их поддержки со стороны региональных и муниципальных властей мы видим, что региональные стратегии поддержки этого института оказываются абсолютно различными. По-разному складывается система финансирования ТОСов, в том числе грантового. Институциональное поле, в котором функционируют ТОСы, также формируется по-разному.

Муниципальные конкурсы для ТОСов в Иркутской области не распространены повсеместно в силу дефицита местных бюджетов. Основным источником грантового финансирования является ежегодный региональный конкурс для ТОСов.

В Республике Хакасия муниципальная поддержка конкурсов также не является постоянной и повсеместной и доходит до ТОСов опосредованно через муниципальные администрации, которые, в свою очередь, сами участвуют в региональном конкурсе. Существующий региональный конкурс ориентирован на поддержку ТОСов со статусом юридического лица. Наконец, в Хакасии все виды финансовой поддержки ТОСов не являются постоянными, что обусловлено экономической ситуацией в регионе.

В Новосибирской области ТОСы получают поддержку через повсеместно распространенную систему специальных муниципальных конкурсов, что приводит к увеличению числа социально значимых проектов, реализуемых при помощи ТОСов. Кроме этого, в области развивается сеть организаций, осуществляющих поддержку деятельности ТОСов. Объемы финансирования деятельности ТОСов значительно превышают показатели других обследованных регионов.

Дополнительно к этому в условиях различной экономической ситуации и по разному развивающейся институциональной среды формируется различное количество ТОСов, и различное их количество оказывается получателями грантовой поддержки и, следовательно, производителями социально значимых общественных благ.

Дальше мы рассмотрим содержание деятельности ТОС, которая попадает под грантовое финансирование. Какие категории проектов и в какой степени оказываются ядром деятельности по производству общественных благ, в которую государство вовлекает (либо допускает) ТОСы посредством выделения им грантов.

⁶ В Новосибирской области начал работу масштабный форум местного и общественного самоуправления [Электронный ресурс]. Правительство Новосибирской области. Новосибирь. URL: <https://www.nso.ru/news/66005> (дата обращения: 20.09.2025).

Общие тренды и региональная специфика в содержании поддерживаемых проектов

Анализ содержания грантов, реализуемых ТОСами, требовал предварительно выделить во всей массе проектов отдельные группы. Мы опирались на методику анализа, разработанную в рамках исследования ТОСов Новосибирской области [Зазулина, 2024]. Однако в данном исследовании методика была немного модифицирована. Связано это с тем, что, анализируя данные о деятельности ТОСов Иркутской области и Республики Хакасия, мы столкнулись с новыми практиками ТОС, которые не наблюдали в Новосибирской области.

Мы выделили следующие категории, в зависимости от типа деятельности:

1. Проекты, направленные на решение коммунально-бытовых проблем. Сюда вошли проекты, связанные с ремонтом дорог, установкой освещения, оснащением местных сообществ водой.

2. Проекты, направленные на проведение мероприятий. Это проекты по проведению различных праздников, а также по организации и работе различных кружков и секций (т. е. регулярной досуговой деятельности населения). Значимой составляющей таких проектов является финансирование кружковой деятельности, в связи с чем мы выделили и проанализировали подкатегорию «организация кружков».

3. Проекты, связанные со строительством детских и спортивных площадок, мы объединили в одну категорию. Обусловлено это тем, что часто оба эти пространства пересекаются в прямом смысле, будучи построенными на единой или сопредельных территориях (площадке). В условиях практики поэтапного строительства, распространенной среди ТОСов, один вид площадки постепенно дополняется элементами другого, в идеале объединяя спортивно-игровые формы для всех возрастов.

4. Проекты, связанные с благоустройством территории. Это самая обширная группа проектов, в которую попала самая различная деятельность ТОСов: озеленение территории населенных пунктов (дворов до парков), установка лавочек, беседок, различных малых архитектурных форм, памятных знаков, информационных стендов, установка и ремонт памятников, облагораживание мест захоронения и культурного наследия.

Кроме этого, в категориях «мероприятия» и «благоустройство территории» мы выделили отдельные подкатегории в зависимости от сферы реализации проектов: этнические (направленные на сохранение этнической самобытности)⁷, культурные (связанные с сохранением истории родного края), патриотические (в том числе связанные с помощью СВО).

Проекты по благоустройству были проанализированы с точки зрения благополучателей, на которых ориентированы проекты. Все проекты в этой группе были разделены на две категории: с увеличенным числом благополучателей и те, в которых благополучателями являются только члены ТОС.

⁷ В эту группу вошли проекты, связанные с сохранением и популяризацией традиционных элементов культур: казачьих, чувашских, русских и пр. – от игры на ложках до покупки или создания национальных костюмов для выступлений.

С одной стороны, мы понимаем, что предложенное разделение проектов достаточно условно, поскольку многие проекты носят комплексный характер и попадают сразу под несколько категорий. Однако предложенная типология позволяет выявить наиболее общие тенденции в деятельности ТОСов, четко очерчивает общие направления деятельности по сопроизводству общественных благ и их соотношение относительно друг друга, а также позволяет увидеть характерные черты современного этапа развития общественно-государственного партнерства в сфере ТОСо-строительства. Сравнение региональных кейсов показывает пределы вариативности такого партнерства в условиях различной региональной обстановки, но в рамках единого институционально-правового поля.

В каждом регионе среди проектов ТОСов представлены все перечисленные категории. При этом каждый региональный кейс продемонстрировал и выраженную специфику (диаграмма 1).

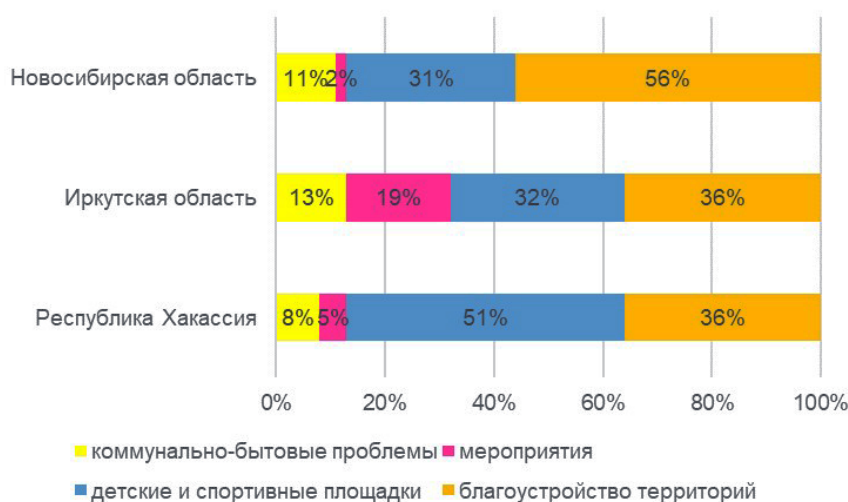

Диаграмма 1. Распределение грантовых проектов, реализуемых ТОСами по типу деятельности, %

Полученные данные показывают, что во всех обследованных регионах большинство проектов, реализуемых ТОСами, связаны с благоустройством территорий и строительством детских и спортивных площадок. Именно эти два типа деятельности по сопроизводству общественных благ встречают активный отклик со стороны членов территориальных общественных самоуправлений и получают финансовую поддержку со стороны государства. При этом в трех регионах соотношение между указанными типами деятельности различно. В Хакасии преобладают проекты по строительству детско-спортивных площадок (половина всех проектов, реализуемых ТОСами, относятся к этому типу). В Новосибирской области, напротив, больше половины всех проектов связаны с благоустройством территорий проживания местных сообществ, и лишь треть грантов выделяется на строительство детско-спортивных площадок. Наконец, в Иркутской области оба типа проектов представлены в относительно равной степени.

Две оставшиеся категории: проекты, ориентированные на решение коммунально-бытовых проблем, и проекты, связанные с проведением мероприятий, везде представлены в гораздо меньшей степени, а это значит – финансируются государством гораздо реже. В случае с коммунально-бытовыми проектами это объясняется их дороговизной,

значительно превышающей грантовое финансирование, рассчитанное на один год. В случае с мероприятиями, напротив, малое число подобных проектов связано с их низкой значимостью для жизни местных сообществ на фоне гораздо более насущных проблем, которые дает возможность решить партнерство с государством.

В Хакасии и Новосибирской области на коммунально-бытовые проекты и мероприятия в совокупности приходится лишь 13 % от всех выделяемых грантов. В Иркутской области таких проектов значительно больше – 32 %, т. е. почти треть от всех поддерживаемых проектов. Причем преобладают именно проекты типа «мероприятие» (составляют 19 % от всех реализуемых проектов).

Мы обнаружили, что в Иркутской области большая часть проектов, попавших в категорию «мероприятия», выделяются не просто на проведение какого-либо разового праздника. Цель таких проектов – организация различных кружков и секций и связанная с этим покупка инвентаря, который предполагается постоянно использовать в досуговой деятельности населения (реквизит для театральных постановок, костюмы для народного ансамбля, инвентарь для работы с керамикой, лыжное снаряжение и пр.). Подобные проекты предполагают проведение целой серии мероприятий и однозначно ориентированы на сплочение местных сообществ. Среди 41 мероприятия, реализованного ТОСами в Иркутской области, 19 связаны с организацией кружков и 27 – с покупкой инвентаря. Ни в Хакасии, ни в Новосибирской области массовая практика поддержки такого типа деятельности ТОСов нами не зафиксирована (диаграмма 2).

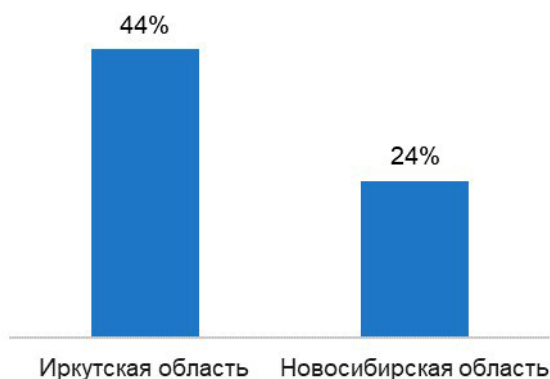

Диаграмма 2. Проекты, направленных на организацию кружков в категории «мероприятия»

Также часть проектов связана с покупкой инвентаря (в том числе для кружковой деятельности). Такие проекты встречаются и среди проектов по благоустройству, и среди мероприятий и связаны с покупкой относительно недорогих вещей, таких как компьютерная техника, настольные игры, спортивный инвентарь (диаграмма 3)⁸.

⁸ В Хакасии единственный проект, который попадает в категории «кружок» и «покупка инвентаря», – это грант на приобретение сценических костюмов для народного хора. В силу единичности случая, мы не учитывали его при расчетах.

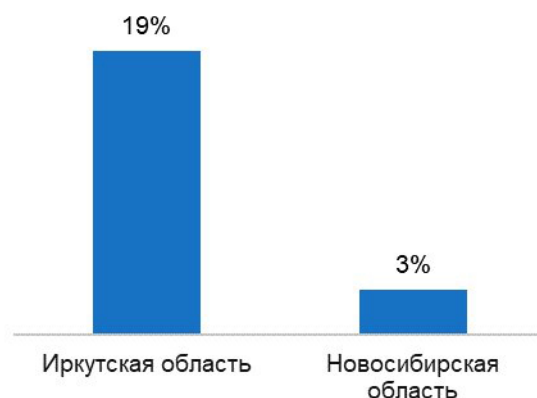

Диаграмма. 3. Проекты, направленные на покупку инвентаря в категориях «мероприятие» и «благоустройство территории»

На наш взгляд, распространенность практики покупки инвентаря, предназначенного для долгого использования, связана с достаточно низкими суммами грантов, которые не позволяют реализовать серьезные начинания, но способны улучшить качество жизни местных сообществ.

Данные, приведенные выше, показывают, что в Иркутской области формируется уникальная разновидность отношений между ТОСами и государством, при которой власти региона ориентированы на поддержку регулярной досуговой деятельности населения. Эту практику можно считать уникальной региональной особенностью, которая в других регионах не получила распространения.

Одним из результатов исследования, посвященного деятельности ТОСов Новосибирской области, стал зафиксированный нами «эффект увеличения благополучателей» [Зазулина, 2024]. Он заключается в том, что проекты, реализуемые ТОСами, часто направлены не только на решение проблем членов ТОСов, а производят общественные блага, которыми могут пользоваться большие группы населения, например: жители всего села и его гости, жители целого района или даже всего города. Такая особенность проектной деятельности ТОСов выступает дополнительным фактором при принятии решения о финансировании со стороны органов власти.

Среди ТОСов Новосибирской области, реализующих проекты по благоустройству территории, эффект увеличения благополучателей был зафиксирован в 66 % случаев. Одной из задач сравнительного межрегионального исследования было выяснить, является ли выявленная закономерность общей для различных регионов, и в какой степени она проявляется. Результаты представлены в диаграмме 4.

В Республике Хакасия эффект увеличения благополучателей так или иначе характерен для всех проектов по благоустройству территорий местных сообществ. В Иркутской области из 75 проектов по благоустройству на увеличенное число благополучателей ориентированы 60, что составляет 80 %. Таким образом, отмеченный эффект проявляется во всех исследованных регионах. По нашему мнению, подобная направленность деятельности ТОСов является одним из трендов в партнерских отношениях, выстраиваемых между государством и обществом на современном этапе.

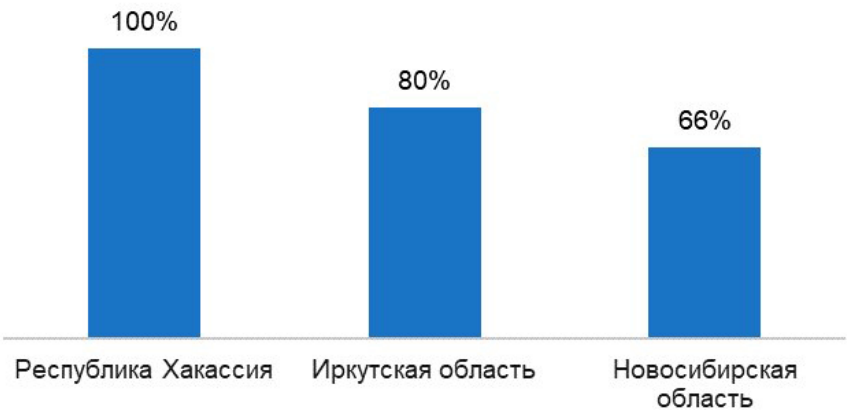

Диаграмма 4. Доля проектов с эффектом увеличения благополучателей среди проектов по благоустройству, %

Проводя пилотное исследование по Новосибирской области, мы выделили особую группу проектов, которую обозначили как «проекты по сохранению исторической и культурной памяти». Подсчет доли таких проектов производился только среди проектов по благоустройству территории, обладающих эффектом увеличения благополучателей. Однако анализ данных по другим регионам показал, что ориентация на сохранение памяти характерна не только для проектов по благоустройству, но и для такой категории проектов, как мероприятия. В связи с этим, методика подсчета была изменена. Мы учитывали все проекты по благоустройству территорий, а также все мероприятия. И уже среди них анализировали проекты, содержательно направленные на сохранение исторической и культурной памяти. При этом среди всей массы таких проектов мы выделили отдельные подкатегории: проекты с патриотическим содержанием (память о ВОВ, о воинах-интернационалистах, поддержка СВО), проекты, ориентированные на сохранение этнической культуры, а также проекты, связанные с сохранением исторического наследия (музейные экспозиции, мероприятия, посвященные истории родного края) (Таблица 3).

Таблица 3

**Проекты по сохранению исторической и культурной памяти
среди проектов по благоустройству и мероприятий в различных регионах, %**

Проекты	Республика Хакассия	Иркутская область	Новосибирская область
Всего, в том числе:	44,0	31,0	23,0
Проекты с патриотическим содержанием	25,0	18,0	22,0
Проекты по сохранению этнической культуры	19,0	10,0	0,2
Проекты по сохранению исторического наследия	-	3,0	0,8

Из представленных данных видно, что общая доля проектов по сохранению исторической и культурной памяти по всех обследованных регионах достаточно значительна и составляет от 23 до 44 %. Во всех регионах проекты с патриотическим содержанием

преобладают в этой категории, а в Новосибирской области практически полностью ее составляют. В Иркутской области и Республике Хакасия грантовое финансирование выделяется на поддержку проектов, направленных на сохранение этнической специфики.

Данные показывают, что во всех регионах проекты, связанные с сохранением исторической и культурной памяти, это прежде всего проекты по благоустройству территории, т. е. на современном этапе ТОСы при помощи государства активно занимаются сохранением исторического наследия и проявляется это в благоустройстве и реставрации памятных мест. Такая деятельность оказывается важна для местных сообществ и однозначно поддерживается (и финансово и морально) государством⁹. Если же речь идет именно о мероприятиях, связанных с сохранением исторической и культурной памяти (праздники, фестивали и пр.), то они финансируются гораздо реже и составляют лишь незначительную часть общественных благ, производимых ТОСами при грантовом финансировании.

При этом исследование показало, что в разных регионах соотношение различных типов деятельности, связанных с сохранением исторической и культурной памяти, имеет существенные отличия. Если в Новосибирской области из всех проектов такого типа 98 % – это проекты по благоустройству и лишь 2 % – это мероприятия, то в Иркутской области 44 % проектов с историко-культурным содержанием реализуются в виде мероприятий (наши данные показывают, что в половине случаев это мероприятия по организации кружков, связанных в основном с сохранением этнических культур) или лишь 56 % – в виде проектов по благоустройству памятных мест на территории проживания местных сообществ. В Хакасии среди проектов с историко-культурным содержанием 71 % реализуется в виде проектов по благоустройству и 29 % – в виде мероприятий.

На наш взгляд, можно утверждать о том, что происходит формирование различных региональных стратегий взаимодействия между властями и ТОСами или же стратегий включения ТОСов в деятельность по сопроизводству общественных благ.

Результаты и дискуссии

Данные, приведенные в статье, показывают, что в особенностях грантового финансирования ТОСов находят отражение стратегии взаимодействия между властями и местными сообществами, которые складываются в различных регионах.

В Иркутской области основным источником грантового финансирования является конкурс регионального уровня, в то время как муниципальные конкурсы для ТОСов не являются повсеместными в силу дефицита местных бюджетов. Не получила пока развития сеть ресурсных центров, оказывающих поддержку ТОСам. В то же время в условиях явного недостатка финансирования в Иркутской области складываются уникальные формы сотрудничества между ТОСами и органами власти, при которых последние финансируют

⁹ Это отнюдь не означает, что ТОСы не участвуют в патриотических мероприятиях, проводимых на предварительно благоустроенных ими территориях. Просто такое участие либо (как правило) проводится на общественных началах, либо финансируется из других источников. В данном случае нам важно подчеркнуть, что одно из направлений деятельности ТОСов – это производство благ, связанных с сохранением исторической и культурной памяти, которое осуществляется при финансовой помощи государства и проявляется преимущественно в виде деятельности по благоустройству территории.

иде деятельности по благоустройству территории.

создание кружков и секций, которые в дальнейшем организуют досуговую деятельность местных сообществ. В других обследованных регионах поддержка подобных проектов распространена в гораздо меньшей степени.

В Республике Хакасия все виды финансовой поддержки ТОСов не являются постоянными. Основным способом получения финансовой поддержки для ТОСов является конкурс регионального уровня. Но участвовать в нем могут только ТОСы в статусе юридического лица, кроме этого даже этот конкурс не проводится с 2024 г. Поддержка ТОСов на муниципальном уровне также не является постоянной и повсеместной и доходит до ТОСов опосредованно, через муниципальные администрации, которые, в свою очередь, участвуют для этого в региональном конкурсе. Большая часть проектов, реализуемых ТОСами, касается строительства детских и спортивных площадок. Именно такой тип общественных благ осознается как наиболее необходимый и государством, и обществом.

В Новосибирской области ТОСы получают поддержку через повсеместно распространенную систему специальных муниципальных конкурсов, что приводит к увеличению числа социально значимых проектов, реализуемых при помощи ТОС. Кроме этого, в области развивается сеть организаций, осуществляющих поддержку деятельности ТОСов. Объемы финансирования деятельности ТОСов значительно превышают показатели других обследованных регионов. При этом основная активность ТОСов Новосибирской области направлена на благоустройство территорий проживания и строительство детских и спортивных площадок.

В нашем исследовании различия в институциональных условиях существования ТОСов оказались связаны с различным объемом производимых ими общественных благ. Это находит свое отражение в количестве проектов, которые финансируются в каждом регионе и в количестве ТОСов, которые участвуют в процессе сопроизводства общественных благ. Региональные конкурсы для ТОСов позволяют оказать финансовую поддержку меньшему количеству проектов. Муниципальные конкурсы, напротив, оказываются фактором, увеличивающим объем производимых ТОСами общественных благ. Можно предположить, что данные параметры связаны с социально-экономическими показателями обследованных регионов.

В рамках исследования, проведенного ранее в Новосибирской области, мы выделили характерные черты в содержании проектов, реализуемых ТОСами. Анализ различных региональных кейсов, представленных в данном исследовании, лишь подтвердил выделенные тенденции, позволив выделить тренды, общие для всех регионов.

Во-первых, это тренд на поддержку проектов по благоустройству территорий проживания местных сообществ. Это деятельность по облагораживанию дворов, близлежащих площадей, парков, которая делает жизнь населения комфортнее. Значимой частью таких проектов являются проекты по строительству детских и спортивных площадок (которые мы для удобства выделили в отдельную группу). Они связаны с заботой о детях. Указанные две группы проектов лидируют во всех регионах, создавая ту область общественно-государственного партнерства, в которой пересекаются интересы государства и местных сообществ, объединенных в ТОСы. В Иркутской области они составляют более двух третей, а в Новосибирской области и Республике Хакасия – более 80 % от всех проектов.

Во-вторых, среди проектов по благоустройству значительную долю составляют проекты, в которых благоустройство территории связано с сохранением культурной, исторической памяти и традиций. Доля таких проектов составляет от 23 до 44 % от всех

проектов по благоустройству территорий. При этом в указанной группе преобладают проекты, связанные с патриотическим воспитанием и памятью о Великой Отечественной войне.

В-третьих, общим для всех регионов является тренд на поддержку и реализацию проектов со значительным количеством благополучателей. Большая часть проектов ТОСов реализуется усилием небольшой по численности группы активных жителей. При этом результатом проделанной ими работы (реализованного проекта) могут пользоваться большие группы населения (жители всего поселка или целого района города). Во всех обследованных регионах доля проектов с «эффектом увеличения благополучателей» составляет от 66 до 100 %.

Таким образом, в обследованных нами регионах различия в институциональной поддержке действующих ТОСов сопровождаются различиями в объеме производимых ТОСами общественных благ, а также определенными различиями в содержании деятельности ТОСов, поддерживаемой при помощи грантового финансирования. При этом во всех регионах разворачиваются общие тенденции, определяющие сферу общественных благ, производимых ТОСами на современном этапе.

Список литературы / References.

Березутский, Ю. В., Митрофанов, Д. В. (2023). Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска). *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (105). С. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150.

Berezutskiy, Yu. V., Mitrofanov, D. V. (2023). Territorial Public Self-government as a Tool for Involving the Population in Solving Issues of Local Importance (on the example of Khabarovsk). *The Power and Administration in the East of Russia*. No. 4(105). Pp. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150. (In Russ.)

Бреславский, А. С., Скворцова, Ю. П. (2021). *Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: опыт реализации гражданских инициатив в 2010-е годы*. Улан-Удэ: Изд-во «Оттиск».

Breslavsky, A. S., Skvortsova, Yu. P. (2021). *Territorial Public Self-government in the Republic of Buryatia: The Experience of Implementing Civil initiatives in the 2010s*. Ulan-Ude. (In Russ.)

Гордиенко, А. А. (2005). *Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе*. Новосибирск.

Gordienko, A. A. (2005). *Territorial Public Self-government in the Local Community*. Novosibirsk. (In Russ.).

Зазулина, М. Р. (2024). Местные сообщества в условиях сопроизводства общественных благ (на примере деятельности ТОС Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 5. №. 4. С. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100.

Zazulina, M. R. (2024). Local Communities in the Context of Co-Production of Public Goods (Using the Example of TPSG Activities in the Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 5. № 4. Pp. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100. (In Russ.)

Медведева, Н. В., Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2021). Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью. *Социологические исследования*. № 10. С. 72-82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5.

Medvedeva, N. V., Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2021). Territorial Public Self-government and Local Government: Problems of Interaction and Prospects for Constructive Partnership. *Sociological Research*. No. 10. Pp. 72-82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5. (In Russ.)

Чекрыга, М. А. (2023). Территориальное общественное самоуправление в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа. *Актуальные проблемы российского права*. Т. 18. № 9 (154). С. 21-37. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.021-037.

Chekry`ga, M. A. (2023). Territorial Public Self-government in Municipal Entities of the Constituent Entities of the Siberian Federal District. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 18. No. 9(154). Pp. 21-37. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.021-037. (In Russ.)

Шагалов, И. Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России. *ЭКО*. № 4 (538). С. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172.

Shagalov, I. L. (2019). The Effects of Co-production of the Social Infrastructure in Russia. *ECO*. No. 4 (538). Pp. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172. (In Russ.)

Шомина, Е. С. (2015). Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. № 4 (8). С. 95-104.

Shomina, E. S. (2015). Community Centers as Element of Neighboring Community Infrastructure. *Economic and Social Research*. No. 4 (8). Pp. 95-104. (In Russ.)

Ackerman, J. (2004). Co-Governance for Accountability: Beyond “Exit” and “Voice”. *World Development*. Vol. 32. No. 3. Pp. 447-463.

Gurgur, T. (2016). Voice, Exit and Local Capture in Public Provision of Private Goods. *Economics of Governance*. No. 17. Iss. 4. Pp. 397-424.

Ostrom, E., Parks, R. B. & Whitaker, G. P. (1978). *Patterns of Metropolitan Policing*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Co.

Ostrom, E. (1996). Crossing the great divide: Coproduction, synergy, and development. *World Development*. Vol. 24. No. 6. Pp. 1073-1087.

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Zazulina Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

УДК 316.776

СПЕЦИФИКА АГЕНТНОСТИ АУДИТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Т. К. Скрипкина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика агентности российской аудитории в различных сегментах современной медиасреды – традиционных, новых и синтетических медиа. На основе концепции активной аудитории и теории рационального выбора выделены ключевые параметры принятия решения аудиторией в рамках медиапотребления: ожидаемая награда от взаимодействия с тем или иным сегментом медиасреды и необходимые затраты для получения доступа к контенту. На материале глубинных полуструктурированных интервью показано, что наибольший потенциал с точки зрения агентности аудитории демонстрируют новые медиа благодаря доступности, интерактивности и персонализации медиатекстов. Традиционные медиа охарактеризованы респондентами как сегмент престижного медиапотребления, но взаимодействие с ними оказывается затруднено экономическими барьерами, тогда как синтетические медиа воспринимаются опрошенными преимущественно в качестве инструмента, требующего специфических навыков и не вызывающего доверия. Сделан вывод о частично реализованном и неравномерном характере потенциала современной медиасреды с точки зрения агентности аудитории, что указывает на необходимость развития цифрового образования, стимулирования доступности традиционных медиа, а также повышения уровня доверия к медиасреде в целом.

Ключевые слова: коммуникация, медиа, аудитория, агентность.

Для цитирования: Скрипкина, Т. К. (2025). Специфика агентности аудитории в современной российской медиасреде. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 138-152. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.138-152

SPECIFICITY OF AUDIENCE AGENCY IN THE MODERN RUSSIAN MEDIASCAPE

T. K. Skripkina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of Russian audience agency across various segments of the modern media environment – traditional, new, and synthetic media. Drawing on the concept of active audiences and rational choice theory, key parameters of audience decision-making within media consumption are identified: the expected reward from interacting with a particular segment of the media environment and the costs required to access content. Based on in-depth, semi-structured interviews, it is established that new media demonstrate the greatest potential for audience agency due to their accessibility, interactivity, and personalization of media texts. Traditional media are characterized by respondents as a prestigious media consumption segment, but interaction with them is hampered by economic barriers. Synthetic media are perceived primarily as a tool requiring specific skills and lacking credibility. This article concludes that the potential of the modern media environment in terms of audience agency is partially realized and uneven, highlighting the need to develop digital education, promote the accessibility of traditional media, and increase trust in the media environment as a whole.

Keywords: communication, media, audience, agency.

For citation: Skripkina, T. K. (2025). Specificity of Audience Agency in the Modern Russian Mediascape. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 138-152. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.138-152

На сегодняшний день медиасреда является одним из ключевых пространств формирования, поддержания и трансформации общественного дискурса, в рамках которого конструируются и легитимируются ключевые социальные идеи и ценности. В рамках этого пространства разворачиваются процессы, определяющие значимость тех или иных аспектов функционирования социальной системы, а также специфику мировоззрения и повседневных практик современного человека. При этом одним из ключевых элементов, определяющих специфику функционирования медиасреды, являются акторы – участники коммуникационных процессов, действия которых оказывают то или иное влияние на состояние медиасреды.

Если в ранних теориях медиа в качестве общепринятых использовались модели коммуникации, согласно которым данную функцию выполняли либо непосредственно авторы текстов [Lasswell, 1948, p. 221], либо структуры, обладающие каким-либо типом контроля над каналами распространения идей, будь то идеологический, технологический или институциональный [Альтюссер, 2013, с. 41], то начиная со второй половины XX в. эта точка зрения подвергается критике. Работы Р. Барта [Барт, 1994, с. 390] и М. Фуко [Фуко, 1996, с. 25] поставили под сомнение представление о медиатексте как об объекте, конструируемом исключительно автором, показав, что значение сообщения формируется в процессе его интерпретации. В современных реалиях консенсус в исследовательском сообществе смещается в сторону признания аудитории как одного из если не центральных, то значимых акторов медиасреды [Карпенко, 2025, с. 88]. Реакции, практики и поведенческие стратегии аудитории определяют то, какие идеи получают общественный резонанс, какие остаются маргинальными, а также то, какие форматы взаимодействия занимают в медиапространстве устойчивую позицию.

Также важно учитывать, что современная медиасреда обладает сложной, неоднородной и постоянно трансформирующейся структурой, что обусловлено как технологическими [Грушевская, 2022, с. 402], так и социально-экономическими причинами [Вартанова, 2018, с. 10]. Для систематизации процессов, происходящих в современном медиапространстве, исследователи выделяют в коммуникативной среде три основных сегмента: традиционные, новые и синтетические медиа. К первым относят периодическую и непериодическую печать, аналоговые радио и телевидение, а также другие носители информации, не содержащие цифрового компонента и отличающиеся опосредованной и отложенной во времени обратной связью [Сяолин, 2022, с. 20]. К новым медиа относят сегмент медиасреды, связанный с цифровыми и Интернет-технологиями [Hui Kyong Chun, 2006. p. 2], и характеризующийся такими чертами, как мультимедийность [Hills, 2009, p. 107], интерактивность, возможность оперативной обратной связи, сетевые принципы взаимодействия [Богданович, Федорова, 2020, с. 200] и конвергентность, т. е. возможность использования одного технического средства для передачи и получения разных форматов сообщений, а также обеспечения доступа к одному и тому же сообщению посредством разных устройств [Jenkins, 2006, p. 12]. Введенное в середине 2010-х гг. понятие «синтетические медиа» обозначает сегмент медиасреды, в рамках которого для создания

контента используются технологии слабого искусственного интеллекта (например, речь может идти о создании текстового или аудиовизуального контента при помощи нейросетевых алгоритмов) [Ромаданова, Мухаметшина, 2023, с. 37].

В последние годы все три направления претерпевают значительные изменения, включающие интенсивное развитие новых и синтетических медиа, а также трансформацию традиционных форматов, таких, как печатные издания, радио и телевидение. Эти процессы широко освещаются в научной литературе, как в контексте изменений в создании [Ефимова, 2025, с. 56] и распространении контента [Головин, 2022, с. 23], так и в связи с трансформацией поведенческих практик аудитории: перераспределением предпочтений между различными сегментами медиасреды в целом и конкретными площадками в частности [Девяткин, 2025, с. 56], сменой популярных форматов [Шумилина, 2025, с. 216], а также выявлением факторов, влияющих на эти сдвиги [Васильев, Дубровин, 2023, с. 117].

Однако наряду с макроуровневыми тенденциями, для исследования которых применяются преимущественно количественные методы, особую значимость приобретает микроуровень, в рамках которого осуществляется непосредственное взаимодействие читателя, зрителя или слушателя с конкретным сообщением. Именно на этом уровне проявляется агентность аудитории – т.е. способность осмысленно выбирать, интерпретировать, критически оценивать и даже трансформировать медиатексты [Дерябин, Попов, 2022, с. 75]. Исследование агентности как активной позиции аудитории позволяет рассмотреть восприятие сообщений как процесс активного вовлечения потребителей контента в конструирование, развитие и трансформацию медиадискурса.

В связи с вышеизложенным в рамках данной работы поставлена цель: выявить специфику агентности российской аудитории медиа в различных сегментах современной медиасреды. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: сформулировать теоретико-методологические основания исследования агентности аудитории в современной медиасреде; на материале глубинных интервью реконструировать практики потребления контента аудиторией в различных сегментах медиасреды, включая поведенческие стратегии, предпочтения, обоснования выбора; на основе полученных данных выявить, какие сегменты современной медиасреды обладают наибольшим потенциалом с точки зрения поддержки агентности аудитории.

Теоретико-методологические основания исследования агентности аудитории современной медиасреды

Понятие агентности аудитории обозначает способность индивидов осознанно и активно участвовать в медиапроцессах, а также оказывать влияние на медиадискурс посредством различных форм взаимодействия с медиасредой [Perusko et al., 2013, p. 138]. Признание аудитории не пассивным реципиентом, а самостоятельным субъектом коммуникационного процесса позволяет глубже понять, как именно формируется и трансформируется медиадискурс, какие смыслы легитимируются, а какие отвергаются, и каким образом развивается сама структура медиасреды.

Как отмечалось ранее, в настоящее время активно проводятся количественные исследования, которые фиксируют масштабы и динамику различных тенденций в сфере медиапотребления. Однако для понимания механизмов и логики поведения аудитории необходим качественный подход. В связи с этим в рамках данного исследования была

использована методология, ориентированная не на измерение частоты или объема потребления, а на реконструкцию хода рассуждений респондентов. Особое внимание уделяется тому, как респонденты с различными предпочтениями в сфере потребления контента объясняют свои выборы, оценивают достоверность источников, устанавливают границы доверия тому или иному источнику.

В современной теории медиа существуют различные подходы к анализу того, каким образом реализуется агентный статус аудитории медиа. В рамках данного исследования в качестве теоретического базиса мы опираемся на теорию рационального поведения, которая описывает, на каких основаниях осуществляется принятие решений (например, решений о выборе того или иного типа контента). Согласно данной теории, решение субъекта зависит от двух ключевых переменных: ожидаемой выгоды от результатов того или иного решения, а также затрат, необходимых для реализации этого решения [Oulasvirta et al., 2022, р. 7]. В зависимости от конкретной модели рациональности соотношение этих переменных может быть различным [Фахрутдинова, 2019, с. 137], однако их влияние на поведение субъекта остается системообразующим.

Применительно к медиасреде схожая модель была предложена в рамках теории активной аудитории. Согласно классическому подходу У. Шрамма, взаимодействие аудитории с тем или иным медиаканалом зависит от двух параметров: потенциальной награды, которую пользователь ожидает получить от контента (полезность, информативность, достоверность, развлечение и др.), а также усилия, которое необходимо предпринять для доступа к информации (это могут быть как действия по поиску труднодоступной информации, так и, например, получение образования, необходимого для того, чтобы понять сложные тексты) [Schramm, 1970, р. 19]. Изначально эта модель применялась преимущественно для объяснения выбора аудиторией тех или иных медиапродуктов (как правило, телевизионных каналов). Однако в условиях современной медиасреды, где активно развиваются новые формы участия аудитории в медиaprостранстве, данный подход приобретает новое значение: от указанных переменных в нынешних реалиях зависит не только выбор платформы, но и типы поведенческих практик, а также специфика вовлеченности аудитории в конструирование медиадискурса.

Ожидаемая награда от взаимодействия с контентом включает несколько ключевых параметров. Первый из них – это информационная полезность, т. е. возможность использования контента в профессиональной или какой-либо еще прикладной сфере, а также его достоверность [Шабан, 2020, с. 22]. Второй аспект – это развлекательный потенциал, т. е. способность медиапродукта приносить удовольствие пользователю [Калинкина, 2017, с. 156]. Третий аспект – это потенциал контента с точки зрения социализации, т. е. возможность использовать сообщения для включения в поддержание социальных связей (например, в ходе его обсуждения или рекомендаций знакомым) и формирования идентичности [Лебедева, 2022, с. 144]. Четвертым параметром является престижность контента, т. е. то, насколько его потребление считается одобряемым и достойным в той или иной социальной среде [Зубанова, 2011, с. 69].

При анализе необходимых усилий для получения доступа к медиаконтенту также учитываются несколько параметров. Первый из них – наличие фактических барьеров (экономических, технологических и др.), которые могут затруднить доступ к контенту [Колобова, 2019, с. 68]. Второй аспект – необходимость формирования определенных навыков для успешного взаимодействия, начиная от базовой грамотности и заканчивая

навыками промпт-инжиниринга [Булат, Кочнова, 2024, с. 26]. Третьим параметром являются характеристики текста, влияющие на возможность эффективного использования информации – это простота для восприятия, к которой относятся формальные характеристики медиатекста, например, формат, структура и длина сообщений, особенности синтаксиса и другие аспекты, обуславливающие удобство восприятия контента, а также его понятность – семантическая характеристика, отражающая степень доступности смыслов текста для пользователя [Варфоломеева, Харанутова, 2017, с. 104].

Данные параметры в рамках исследования использовались для оценки того, какие сегменты медиасреды вызывают наибольшую вовлеченность аудитории, в каких поведенческих практиках она проявляется и какие мотивы лежат в основе выбора респондентов. При этом особое внимание уделялось не столько фиксации конкретных действий и предпочтений, сколько реконструкции их мотивации и обоснований, определяющих поведение опрошенных в пространстве медиасреды.

Материалы интервью

В рамках данного исследования летом 2025 г. было проведено 30 глубинных полуструктурированных интервью. Выборка была сформирована по возрастному принципу и включала три группы по 10 респондентов: молодежь, работающие взрослые и пенсионеры. Такое распределение позволило учесть различия в уровне цифровой социализации, жизненном опыте и технологической компетентности, которые могут существенно влиять на практики взаимодействия с контентом, а также специфику фактических повседневных практик медиапотребления, структурирующую особенности восприятия различных типов сообщений.

Первый блок был направлен на выявление повседневных практик потребления медиаконтента и обоснований, лежащих в основе этих практик: респондентам предлагалось описать, какие медиаформаты они используют для чтения, прослушивания и просмотра, а также объяснить, почему предпочитают именно их. Наиболее популярными среди респондентов всех возрастных категорий являются новые медиа. Опрошенные объясняли свой выбор доступностью, разнообразием контента, а также удобством взаимодействия: *«[Контент новых медиа] может содержать всю ту же информацию, что и у традиционных, при этом он в разы компактнее, для доступа к нему достаточно одного устройства, в том числе телефона. Кроме того, цифровой контент легче обновлять, например, при исправлении ошибок. Доступ к цифровому контенту можно получить везде, где есть интернет, в любой момент. Кроме того, я не привязан к программе передач, могу смотреть нужный мне контент в удобное для меня время»* (муж., 23 года, программист). Респонденты старшего возраста также обосновывали свой выбор удобством и эргономичностью данного сегмента медиасреды: *«Электронные книги, цифровые новостные сайты читаю на планшете, потому что могу увеличивать шрифт для чтения, у бумажных книг такой возможности нет, а зрение уже слабое»* (жен., 64 года, пенсионерка).

Некоторые респонденты упомянули, что также проявляют интерес к традиционным медиа. Часть опрошенных подчеркивали эстетическую и культурную ценность таких форматов: *«Для меня ничто не может заменить бумажную книгу. И виниловые пластинки*

намного эстетичнее цифровых записей» (муж., 34 года, IT-специалист). Другие опрошенные, преимущественно старшего возраста, обосновывали свой выбор тем, что такой контент более привычен и требует меньше усилий: *«Радио и телевидение, как правило, смотрю и слушаю параллельно с выполнением домашней работы или вязанием, бумажные книги читаю те, что есть в личной библиотеке. Это доступно, это удобно»* (жен., 67 лет, пенсионерка).

Контент синтетических медиа у многих опрошенных либо вообще не вызывает интереса: *«Это не творчество, а его суррогат. Человека ничто не заменит»* (жен., 32 года, переводчик), либо его воспринимают в качестве дополнения к новым медиа, а не самостоятельного направления: *«Для меня синтетические медиа – это скорее рабочий инструмент для создания контента, а не что-то, что я сама читаю или смотрю»* (жен., 37 лет, журналист). Но примечательно, что одна респондентка рассказала о том, что предпочитает взаимодействовать с синтетическими медиа, поскольку ценит их гибкость и адаптируемость: *«В чат-боте я могу сама генерировать себе историю, какую хочу. Получается, будто ты главный герой сериала или книги. Из-за этого, кстати, я забросила книги, потому что намного интереснее теперь самой жить в истории, а не читать [историю] про персонажей, где ты ничего поменять уже не можешь»* (жен., 28 лет, бухгалтер).

Второй блок вопросов был посвящен выявлению ожидаемой награды, связанной с потреблением различных сегментов медиасреды. Респондентам предлагалось оценить, какой контент они считают наиболее информативным, интересным, перспективным с точки зрения социализации и конструирования идентичности, а также предположить, какой сегмент медиасреды, по их мнению, предпочитают люди, вызывающие у них наибольшее уважение, чтобы реконструировать престижный потенциал различных типов медиа. Большинство респондентов назвали наиболее информативными новые медиа, ссылаясь на доступность, разнообразие и возможность быстрого поиска и сопоставления источников. При этом, хотя многие демонстрировали низкий уровень доверия к медиасреде в целом, они подчеркивали, что именно в цифровом пространстве сохраняется возможность критической проверки контента: *«Сличение нескольких источников может дать хотя бы видимость достоверности, поэтому в цифровом пространстве можно рассчитывать хоть на какую-то истинность»* (муж., 34 года, библиотекарь). Традиционные медиа (в первую очередь книги, газеты и журналы) у части респондентов ассоциировались с большей надежностью, но признавались неудобными для оперативного поиска информации: *«Энциклопедический словарь, наверное, надежнее, но его еще найти надо и до нужной главы долистать. А интернет всегда под рукой»* (жен., 29 лет, маркетолог). Что касается синтетических медиа, то данный сегмент медиасреды не воспринимается пользователями как источник достоверного и информативного контента: *«Если в других источниках могут быть случайные ошибки, но их хотя бы можно перепроверить или уточнить, то нейросеть наврет практически с гарантией»* (муж., 31 год, курьер). Некоторые респонденты отметили, что в идеале стремятся использовать несколько источников, однако в условиях дефицита времени предпочитают новые медиа как наиболее практичный вариант.

Что касается развлекательного потенциала, то большинство опрошенных отдают предпочтение традиционным и новым медиа. При этом интерес к традиционным медиа был обоснован эстетическими причинами, а к новым – удобством и разнообразием форматов. При этом многие опрошенные упомянули о том, что сочетают интерес к обоим сегментам:

«Бумажная книга вызывает во мне больше чувств и приятных ощущений, чем цифровой текст. Но и новые медиа мне тоже нравятся, всегда здорово поиграть с друзьями по сети или включить на YouTube что-то интересное» (муж., 31 год, военнослужащий). Интерес к синтетическим медиа с точки зрения развлекательного потенциала у опрошенных достаточно низкий: *«[Для развлечения] можно почитать книги, полистать ленту, поиграть в игры, но пока что нейросети в контексте развлечений весьма слабы»* (муж., журналист, 29 лет). Тем не менее, отдельные респонденты отметили привлекательность возможностей для персонализации контента в данном сегменте: *«Я “подсела” на персонализированный контент, теперь другие виды медиа мне не очень интересны»* (жен., 28 лет, бухгалтер).

Следующая серия вопросов была направлена на оценку социализирующего потенциала различных типов медиа. Респондентам было предложено рассказать о том, какие категории контента, по их мнению, наиболее популярны в их ближайшем окружении и среди «современных людей в целом», а также какой контент они чаще всего обсуждают с близкими или рекомендуют кому-либо. Ответы о предпочтениях ближайшего круга общения в целом совпадали с выбором самих респондентов: *«Люди в моем окружении предпочитают тот же контент, что и я»* (муж., 19 лет, студент). При оценке предпочтений «современного человека» респонденты практически единодушно называли новые медиа, аргументируя свои предположения удобством, разнообразием контента, а также релевантностью коммуникативных практик цифровой среды современному образу жизни: *«Цифровой контент во многом удобнее аналогового и при этом успел устояться, в отличие от нейросетевого. С простым доступом к цифровому контенту уже выросло как минимум одно поколение. СМИ давно начали активно использовать социальные сети и блоги»* (муж., 23 года, программист). Что касается выбора контента для обсуждения, большинство респондентов говорили о том, что предпочитают традиционные или новые медиа, поскольку эти типы контента им наиболее интересны. В то же время многие подчеркнули, что этот выбор носит контекстуальный характер и зависит как от круга общения, так и от предпочтений конкретного собеседника: *«Зависит от того, с кем общаюсь. Мужу, например, могу посоветовать книгу или фильм, детям – переслать картинку или статью в соцсетях»* (жен., 61 год, преподаватель).

Наконец, еще один вопрос в рамках этого блока был задан с целью определить престижный потенциал различных сегментов медиасреды с точки зрения респондентов. Большинство опрошенных в качестве наиболее престижных назвали традиционные медиа (в первую очередь печатные книги), однако обоснования различались. Одни респонденты связывали такой выбор с интеллектуальным статусом аудитории: *«Поскольку люди, вызывающие у меня наибольшее уважение, – это писатели, издатели, книготорговцы, преподаватели университетов, ученые, то все они однозначно читают бумажные книги»* (муж., 31 год, IT-специалист), другие подчеркивали дисциплину и организованность, необходимые для изучения такого контента: *«Те, кто читает бумажные книги, – это люди, которые смогли организовать свою жизнь так, чтобы хватало времени на чтение. Это вызывает у меня уважение»* (муж., 36 лет, библиотекарь). Была также высказана точка зрения, согласно которой люди, вызывающие наибольшее уважение, характеризуются не приверженностью одному формату, а медиаграмотностью и открытостью к новым форматам контента: *«Мне нравятся люди, обладающие полной картиной мира. Для того, чтобы находить информацию о незнакомых областях и вопросах, необходимо уметь искать и верифицировать эту информацию. А для этого нужно работать со всеми типами контента»* (жен., 29 лет, вирусолог).

Третий блок вопросов в интервью был посвящен оценке респондентами затрат, связанных с взаимодействием с различными сегментами медиасреды. Участникам исследования предложили охарактеризовать доступность медиа по трем ключевым параметрам: наличие физических и технических барьеров, необходимость освоения специфических навыков для взаимодействия с контентом, а также характеристики текста – в частности, простота восприятия (определяемая форматно-жанровой доступностью) и понятность (семантическая прозрачность и возможность устойчивого считывания смыслов).

С точки зрения отсутствия барьеров наиболее доступными респонденты назвали новые медиа: наличие смартфона или компьютера у большинства современных людей, по мнению опрошенных, обеспечивает широкий и гибкий доступ к цифровому контенту, а его разнообразие позволяет подобрать медиапродукты, соответствующие различному бэкграунду и предпочтениям пользователей. Доступ к традиционным медиа, напротив, оценивался как ограниченный, в первую очередь по экономическим причинам: *«Просто посмотрите, сколько сейчас книги стоят. По-моему, это даже комментировать излишне»* (муж., 26 лет, журналист), а также с точки зрения удобства: *«Я, например, на съемной квартире живу, причем в студии. Бумажные книги и журналы мне нравятся, но хранить их в больших количествах просто негде. Да и телевизор мне ставить особенно некуда. Поэтому выбираю цифровой контент»* (жен., 32 года, переводчик). Что касается синтетических медиа, то респонденты, редко взаимодействующие с ними, предполагали, что их доступность в целом сопоставима с новыми медиа. Однако те, кто активно использует нейросетевые технологии, указывали на необходимость дополнительных расходов для получения нужного качества контента: *«Чтобы можно было взаимодействовать с нейросетями на нужном мне уровне, приходится периодически докупать токены. А это не очень дешево»* (жен., 34 года, контент-менеджер).

Что касается технического доступа, то респонденты сошлись во мнении, что в случае с традиционными и новыми медиа он не представляет значительных трудностей: *«Книги дорого стоят, но для них никаких дополнительных устройств не требуется, телефон и компьютер сейчас есть у всех, телевизор тоже, доступ к радио тоже получить несложно»* (жен., студентка, 21 год). Однако, относительно синтетических медиа мнения разделились. Респонденты, имеющие ограниченное представление об их специфике, полагали, что для доступа достаточно обычного смартфона или компьютера. В то же время более технически компетентные пользователи подчеркивали, что эффективная работа с современными нейросетями требует соответствующего аппаратного обеспечения: *«На слабом “железе” будет работать далеко не всякая нейронка. А у простеньких ботов функционал ограниченный, для полноценного взаимодействия его далеко не всегда хватает»* (жен., 30 лет, digital-художник).

Что касается наличия необходимых навыков для взаимодействия с контентом, большинство респондентов сошлись во мнении, что для взаимодействия с цифровыми медиа не требуется специфических умений, хотя отдельные участники интервью подчеркивали значимость цифровой грамотности. В отношении традиционных медиа мнения опрошенных разделились, одни респонденты утверждали, что базовыми навыками для взаимодействия с данным типом контента обладают все или почти все современные люди: *«Открывай книгу,*

да и читай. Чтобы включить телевизор или радио тоже много ума не надо» (жен., 59 лет, учитель), в то время как другие, напротив, указывали, что даже при кажущейся простоте формата содержательное взаимодействие с традиционными медиа требует определенного культурного бэкграунда: *«Книга – это тебе не картинки в Интернете. Мало просто уметь буквы различать, там понимать надо»* (муж., 46 лет, рабочий). В случае с синтетическими медиа большинство респондентов выразили точку зрения о том, что эффективное использование таких технологий предполагает освоение специфического навыка – промпт-инжиниринга. В то же время часть участников полагала, что для взаимодействия с данным сегментом медиасреды достаточно базовой цифровой грамотности. Таким образом, по всем трем сегментам медиасреды зафиксировано расхождение в оценках необходимого уровня навыков.

Оценка характеристик контента в различных сегментах медиасреды (простоты восприятия и понятности) выявила следующее. По мнению респондентов, простота восприятия достижима в рамках всех трех сегментов медиасреды и определяется не принадлежностью к тому или иному сегменту, а жанром и форматом конкретного медиатекста: *«На мой взгляд, это зависит от чего угодно, только не от того, к какому типу медиа относится контент. Скорее уж, тут нужно смотреть на то, как он создан, в какой форме, зачем. А так – в любом сегменте, по-моему, может быть как очень простой для восприятия текст, так и совсем невыносимый»* (муж., 41 год, предприниматель). Оценки семантических характеристик контента оказались более дифференцированными. Наиболее понятными респонденты называли тексты, транслируемые в сегменте новых медиа, подчеркивая, что ясность и доступность в данном случае обеспечиваются целенаправленно: *«Чаще всего информация представлена в сжатом виде и понятным для всех языком, более того, ее специально адаптируют для того, чтобы она была понятной. Результат закономерен»* (жен., 37 лет, журналист). Понимание контента традиционных медиа, по мнению большинства опрошенных, подразумевает сравнительно большие когнитивные усилия: *«Чтение книги, просмотр сложного, не развлекательного фильма требуют больше сознательных усилий, чтобы что-то понять. Конечно, с интернетом это несопоставимо»* (муж., 62 года, пенсионер). Что касается синтетических медиа, большинство респондентов отметили, что, несмотря на внешнюю простоту, их понятность часто снижается из-за непредсказуемости содержания и отсутствия устойчивого авторского замысла. Некоторые участники интервью прямо связывали эту особенность с отсутствием субъекта высказывания: *«Мне кажется, часто нейросетевой контент лишен смысла, поэтому его проблематично “понять”. Отсутствие автора отрубает источник информации для интерпретации»* (жен., 29 лет, дизайнер).

Таким образом, данные об ожидаемой награде и предполагаемых затратах, связанных с участием в различных сегментах медиасреды, с точки зрения опрошенных, в целом согласуются с заявленными предпочтениями и позволяют выявить потенциал каждого сегмента медиасреды с точки зрения агентности аудитории. Новые медиа демонстрируют наибольшую вовлеченность за счет оптимального баланса доступности, функциональности, привлекательности и адаптивности, а также возможностей для активного участия аудитории в коммуникационных процессах. Традиционные медиа, в свою очередь, сохраняют значительный потенциал в качестве формата престижного, культурно насыщенного потребления, хотя и малодоступного для некоторых категорий населения. Что касается

синтетических медиа, они воспринимаются опрошенными преимущественно в качестве инструмента, эффективность которого зависит от наличия специфических навыков; при этом у значительной части респондентов они не вызывают ни доверия, ни устойчивого интереса в качестве объекта медиапотребления.

Заключение

На основании задач, поставленных в начале данной статьи, можно сделать следующие выводы. Было показано, что агентность аудитории в современной медиасреде целесообразно рассматривать через призму теорий рационального выбора и концепции активной аудитории, в рамках которых поведение пользователей определяется балансом ожидаемой награды (информационной полезности, развлекательного потенциала, социализирующей функции и престижности) и затрат (технических, когнитивных и семантических). Такой подход позволяет перейти от представления об аудитории как о пассивном получателе к пониманию ее как активного участника, чьи решения основаны на осмысленной оценке медиаформатов.

На основании проведенных глубинных интервью было выявлено, что аудитория демонстрирует дифференцированные практики медиапотребления, зависящие от уровня цифровой компетентности, привычных повседневных практик и культурного бэкграунда. Респонденты последовательно обосновывают свои предпочтения, опираясь на критерии доступности, удобства, доверия и эстетической ценности. При этом новые медиа воспринимаются как наиболее благоприятная среда для проявления агентности: их гибкость, интерактивность, персонализация и техническая доступность позволяют пользователям не только выбирать, но и активно участвовать в формировании медиадискурса. Традиционные медиа сохраняют высокий престижный статус и ассоциируются с интеллектуальной глубиной и культурной устойчивостью, однако их потенциал сдерживается экономическими и эргономическими барьерами. Синтетические медиа на данный момент воспринимаются пользователями преимущественно в качестве утилитарных инструментов; их использование, по мнению опрошенных, требует специфических навыков (в частности, промпт-инжиниринга), а низкий уровень доверия и отсутствие восприятия контента как «осмысленного» снижают их привлекательность как объекта медиапотребления.

Таким образом, на основании полученных результатов можно заключить, что наибольший потенциал с точки зрения поддержки агентности аудитории демонстрируют новые медиа, тогда как традиционные и синтетические медиа обладают ограниченным потенциалом, который, тем не менее, может получить развитие при условии преодоления вышеуказанных барьеров. Ключевыми направлениями развития медиасреды в контексте укрепления агентности пользователей могут быть повышение доступности традиционных форматов, развитие цифрового образования, направленного на формирование критической медиаграмотности и навыков работы с ИИ-генерируемым контентом, а также восстановление базового уровня доверия к медиасреде в целом посредством верифицируемости транслируемой информации и повышения этических стандартов производства контента.

Поскольку на настоящий момент реализация агентного потенциала различных сегментов медиасреды остается неравномерной и сопряжена с рядом структурных и когнитивных ограничений, ее можно охарактеризовать как частично реализованную. Это требует внимания со стороны исследователей, специалистов в сфере медиа, а также регулирующих институтов. Однако, в случае преодоления указанных барьеров, дальнейшее раскрытие потенциала всех сегментов медиасреды с точки зрения агентности аудитории может стать полноценным и устойчивым, что создаст условия для формирования медиадискурса, основанного на активном вовлечении аудитории в коммуникативные процессы.

Список литературы / References

Альтюссер, Л. (2011). Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). *Неприкосновенный запас*. № 3 (77). С. 14-58.

Althusser, L. (2011). Ideology and Ideological State Apparatuses (Research Notes). *Emergency Reserve*. No. 3 (77). Pp. 14-58. (In Russ.)

Барт, Р. (1994). Смерть автора. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М. С. 384-391.

Barthes, R. (1994). The Death of the Author. In *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow. Pp. 384-391. (In Russ.)

Богданович, Г. Ю., Федорова, А. Ю. (2020). Новые медиа и медиаконвергенция как современная платформа восприятия медиапродукта. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. № 6 (1). С. 199-210.

Bogdanovich, G. Yu., Fedorova, A. Yu. (2020). New Media and Media Convergence as a Modern Platform for Media Product Perception. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*. No. 6 (1). Pp. 199-210. (In Russ.)

Булат, Р. Е., Кочнова, С. А. (2024). Обеспечение безопасного поведения обучающихся общеобразовательной организации в медиасреде. *Культура и безопасность*. № 1. С. 25-34. DOI: <https://doi.org/10.25257/KB.2024.1.25-34>.

Bulat, R. E., Kochnova, S. A. (2024). Ensuring Safe Behavior of Students of a General Education Organization in the Media Environment. *Culture and Security*. No. 1. Pp. 25-34. DOI: <https://doi.org/10.25257/KB.2024.1.25-34>. (In Russ.)

Вартанова, Е. Л. (2018). Медиа в контексте общественных трансформаций: к постановке проблемы. *Меди@льманах*. № 1 (84). С. 8-12.

Vartanova, E. L. (2018). Media in the Context of Social Transformations: Towards a Problem Statement. *Medi@lmanakh*. No. 1 (84). Pp. 8-12. (In Russ.)

Варфоломеева, Ю. Н., Харанутова, Е. И. (2017). Критерии оценки качества медиатекстов (на примере PR-текстов). *Litera*. № 1. С. 101-107.

Varfolomeeva, Yu. N., Kharanutova, E. I. (2017). Criteria for Assessing the Quality of Media Texts (Using PR Texts as an Example). *Litera*. No. 1. Pp. 101-107. (In Russ.)

Васильев, Н. А., Дубровин, В. Л. (2023). Изменения в медиапотреблении в современной России. *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 107-129. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.3.8>.

Vasiliev, N. A., Dubrovin, V. L. (2023). Changes in Media Consumption in Modern Russia. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 3. Pp. 107-129. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.3.8> (In Russ.)

Головин, Ю. А. (2022). Современные тенденции в сфере медиа. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. № 1. С. 20-24. DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.3>.

Golovin, Yu. A. (2022). Modern Trends in the Field of Media. *Scientific Works of Moscow University for the Humanities*. No. 1. Pp. 20-24. DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.3> (In Russ.)

Грушевская, В. Ю. (2022). Модель фильтрации информации в социальных медиа. *Журнал исследований социальной политики*. № 20 (3). С. 393-406.

Grushevskaya, V. Yu. (2022). A Model of Information Filtering in Social Media. *Journal of Social Policy Studies*. No. 20 (3). Pp. 393-406. (In Russ.)

Девяткин, Н. Р. (2025). Трансформация цифрового медиапотребления России в 2022-2025 годах: факторы и тенденции. *Вопросы медиабизнеса*. № 4 (2). С. 53-58.

Devyatkin, N. R. (2025). Transformation of Digital Media Consumption in Russia in 2022-2025: Factors and Trends. *Media Business Issues*. No. 4 (2). Pp. 53-58. (In Russ.)

Дерябин, А. А., Попов, А. А. (2022). Категории «субъективность» и «субъект» в исследованиях цифровой культуры. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 67. С. 69-79.

Deryabin, A. A., Popov, A. A. (2022). The Categories of “Subjectivity” and “Subject” in Digital Culture Studies. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 67. Pp. 69-79. (In Russ.)

Ефимова, О. В. (2025). Феномен «коллективного автора» в медиасреде. *Ученые записки Новгородского государственного университета*. № 1 (56). С. 46-57. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).46-57](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).46-57).

Efimova, O. V. (2025). The Phenomenon of the “Collective Author” in the Media Environment. *Scientific Notes of Novgorod State University*. No. 1 (56). Pp. 46-57. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).46-57](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).46-57) (In Russ.)

Зубанова, Л. Б. (2011). Социокультурный анализ медиапотребления: качественно-количественные параметры оценки аудитории Челябинска. *Челябинский гуманитарий*. № 2 (15). С. 68-84.

Zubanova, L. B. (2011). Sociocultural analysis of media consumption: qualitative and quantitative parameters for assessing the Chelyabinsk audience. *Chelyabinsk Humanitarian*. No. 2 (15). Pp. 68-84. (In Russ.)

Калинкина, Д. К. (2017). Тематизация понятия «развлечение» в исследованиях медиа. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 2 (51). С. 154-161.

Kalinkina, D. K. (2017). Thematization of the Concept of "Entertainment" in Media Studies. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. No. 2 (51). Pp. 154-161. (In Russ.)

Карпенко, И. И. (2025). Открытая журналистика: аудитория как субъект современной медиакommunikации. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. № 11 (1). С. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-8>.

Karpenko, I. I. (2025). Open Journalism: The Audience as a Subject of Modern Media Communication. *Research Result. Social and Humanitarian Research*. No. 11 (1). Pp. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-8>. (In Russ.)

Колобова, Е. Ю. (2019). Развитие российского медиарынка и цифровой разрыв. *Управленческое консультирование*. № 6 (126). С. 67-78. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-67-78>

Kolobova, E. Yu. (2019). Development of the Russian Media Market and the Digital Divide. *Management Consulting*. No. 6 (126). Pp. 67-78. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-67-78>. (In Russ.)

Лебедева, Л. Г. (2022). Роль масс-медиа в социализации личности и поколений (по социологическим материалам). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. № 22 (2). С. 139-144.

Lebedeva, L. G. (2022). The Role of Mass Media in the Socialization of Individuals and Generations (Based on Sociological Materials). *News of Saratov University. New Series. Sociology. Political Science Series*. No. 22 (2). Pp. 139-144. (In Russ.)

Ромаданова, С. В., Мухаметшина, Н. С. (2023). Влияние нейросетей на формирование медиареальности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. № 5 (2). С. 36-40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.4>.

Romadanova, S. V., Mukhametshina, N. S. (2023). The Influence of Neural Networks on the Formation of Media Reality. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*. No. 5 (2). Pp. 36-40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.4>. (In Russ.)

Сяолинь, Чж. (2022). Слияние традиционных медиа с Digital-медиа: проблемы и перспективы. *Язык. Словесность. Культура*. № 12 (3). С. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2022.97.24.003>.

Xiaolin, Zh. (2022). The Merger of Traditional and Digital Media: Problems and Prospects. *Language. Literature. Culture.* No. 12 (3). Pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2022.97.24.003>. (In Russ.)

Фахрутдинова, А. З. (2019). Модели рациональности в основаниях теории принятия решений. *Философия науки и техники.* № 24 (1). С. 131-144. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144>.

Fakhrutdinova, A. Z. (2019). Models of Rationality in the Foundations of Decision Theory. *Philosophy of Science and Technology.* No. 24 (1). Pp. 131-144. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144>. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.* М.: Касталь. 448 с.

Foucault, M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years.* Moscow. 448 p. (In Russ.)

Шаббаан, Д. (2020). Печатные СМИ против электронных СМИ. *Sciences of Europe.* № 55-3 (55). С. 21-24.

Shabaan, D. (2020). Print Media versus Electronic Media. *Sciences of Europe.* No. 55-3 (55). Pp. 21-24. (In Russ.)

Шумилина, П. Д. (2025). Медиапотребление в эпоху технологических трансформаций: анализ ключевых трендов и перспективы развития. *Социально-гуманитарные знания.* № 5. С. 214-217. DOI: <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2025-5-214-217>.

Shumilina, P. D. (2025). Media consumption in the era of technological transformations: analysis of key trends and development prospects. *Social and humanitarian knowledge.* No. 5. Pp. 214-217. DOI: <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2025-5-214-217>. (In Russ.)

Hills, M. (2009). Participatory Culture: Mobility, Interactivity and Identity. In Creeber, G., Martin, R. (eds.). *Digital cultures: Understanding new media.* New York. Open University Press. Pp. 107-121.

Hui Kyong Chun, W. (2006). Did Somebody Say New Media? In Hui Kyong Chun, W. Keenan, T. (eds.). *New Media, Old Media: A History and Theory Reader.* New York. Routledge. Pp. 1-13.

Jenkins, H. (2008). *Convergence culture: Where old and new media collide.* New York. NYU Press.

Lasswell, H. D. (1948). The Structure and Function of Communication in Society. In Bryson, L. (ed.). *The Communication of Ideas.* New York. The Institute for Religious and Social Studies. Pp. 215-228.

Oulasvirta, A., Jokinen, J. P. P., Howes, A. (2022). Computational Rationality as a Theory of Interaction. In *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '22), April 29–May 5, 2022, New Orleans, LA, USA*. New York. ACM. Pp. 1-14. DOI: <https://doi.org/10.1145/3491102.3517739>.

Perusko, Z., Vozab, D., Cuvalo, A. (2013). Audiences as a source of agency in media systems: Post-socialist Europe in comparative perspective. *Medialni Studia*. Vol. 7. No. 2. Pp. 137-154.

Сведения об авторе / Information about the author

Скрипкина Татьяна Константиновна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1159-6219>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Skripkina Tatiana – Junior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1159-6219>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316; 39

СОХРАННОСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. (на примере Сибири)*

М. А. Жигунова

Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
marizh.omsk@mail.ru

Аннотация. Данная статья базируется на результатах этносоциологических исследований автора, проведенных с 1985 по 2025 гг. в разных регионах Сибири. В ней представлены сведения о сохранности знаний о Великой Отечественной войне, об основных ее событиях и героях. Выборка исследования представлена различными половозрастными и социокультурными группами населения Сибири. Результаты показали, что количественные и качественные характеристики знания об основных событиях и героях войны у старшего поколения, существенно превышают характеристики осведомленности молодежи. Этнокультурные предпочтения различных групп населения объединяют общие черты. В заключении автор приходит к выводу, что необходимо применять междисциплинарный подход к дальнейшему изучению, сохранению и популяризации знаний о Великой Отечественной войне, значимых для сохранения историко-культурной и государственной идентичности, воспитания патриотизма у новых поколений россиян.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., военно-исторические исследования, Сибирь, любимые военные герои и художественные произведения, история и современность.

Для цитирования: Жигунова, М. А. (2025). Сохранность историко-культурного наследия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Сибири). *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 153-158. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.153-158

PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 (on the example of Siberia)*

M. A. Zhigunova

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk)
marizh.omsk@mail.ru

Abstract. This article is based on the results of the author's ethnosociological research conducted from 1985 to 2025 in various regions of Siberia. It provides information on the preservation of knowledge about the Great Patriotic War, its main events, and its heroes. The study sample includes various gender, age, and socio-cultural groups of the

* Исследование выполнено в рамках Госзадания Института археологии и этнографии СО РАН № FWZG-2025-0014.

* The Study was carried out Within the Framework of the State Assignment of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS № FWZG-2025-0014.

Siberian population. The results showed that the quantitative and qualitative characteristics of the older generation's knowledge about the main events and heroes of the war significantly exceed those of the younger generation. The ethnocultural preferences of different population groups share common features. In conclusion, the author concludes that it is necessary to intensify the promotion of the value of preserving and popularizing knowledge about the Great Patriotic War, as this is significant for the formation of historical, cultural, and national identity, and for fostering patriotism among new generations of Russians. It is also important to continue research in this area using an interdisciplinary approach.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945, military historical research, Siberia, favorite military heroes and works of art, history and modernity.

For citation: Zhigunova, M. A. (2025). Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the example of Siberia). *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 153-158. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.153-158

Актуальность сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. обусловлена активной фальсификацией мировой истории, антироссийской направленностью в политике многих государств, сопровождающейся сносом памятников советским воинам в Европе. Историко-культурное наследие этой войны является значимым механизмом единства и укрепления российской нации. Целью представленного в статье исследования является сопоставление уровня владения информацией об основных событиях и героях войны, о художественных произведениях на военную тему у респондентов разных поколений, а также анализ этнокультурных аспектов исторической памяти и выявление современных предпочтений. Выборка представлена различными половозрастными и социокультурными группами населения Сибири (студенты, рабочие, служащие, пенсионеры). Статья базируется на этносоциологических, этнографических и музееведческих исследованиях автора, выполненных с 1985 по 2025 гг. Использовались следующие методы исследования: массовые опросы, индивидуальные тематические интервью, непосредственное и включенное наблюдения. Их дополнили архивные документы и сведения из современных средств массовой информации. В 2025 г. были опрошены студенты 1–3 курсов Омского государственного педагогического университета (факультет истории, философии и права; филологический факультет; факультет экономики, менеджмента, сервиса и туризма), а также курсанты Омской академии Министерства внутренних дел России (факультет подготовки сотрудников полиции). Среди взрослого поколения – рабочие, служащие и пенсионеры г. Омска. Всего обследовано было охвачено 505 человек (из них 94 – взрослое население, 1941–2000 гг. рождения). По национальной принадлежности 48 %, определивших свою идентичность, отнесли себя к русским, также в выборке присутствуют: белорусы, евреи, казаки, казахи, немцы, россияне, сибиряки, татары, украинцы. Среди единичных ответов: «русский немец, потомок украинских переселенцев», «русская казашка», «русская узбечка», «татаро-казашка», «метиска», «космополит», «рептилоид» и др.

На территории Западной Сибири этносоциологические исследования наиболее активно проводятся сотрудниками Института философии и права СО РАН [Абрамова, 2024; Попков, 2024], а также Омского научного этнографического центра [Жигунова, 2024, с. 72-76, 134-144]. Изучению событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в рамках заявленной проблематики посвящены публикации советских и российских ученых различных специальностей, краеведов, а также научные конференции и семинары, активизация проведения которых фиксируется в юбилейные годы Победы. Среди них особое

место занимают шесть проведенных в Омске Всероссийских научных конференций «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», материалы которых представлены в одноименных изданиях 1995–2025 гг. Информация об этом содержится в предыдущих публикациях автора, а также в работах Т. Н. Золотовой, И. А. Селезневой, Н. А. Томилова и других омских историков. VI Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была посвящена 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. Она прошла в г. Омске 15–16 мая 2025 г..

Различные аспекты этой тематики обсуждались ранее на других мероприятиях. Так, в г. Омске были успешно проведены: Научно-практическая конференция «Дмитрий Михайлович Карбышев: кадет, генерал, патриот» (2001 г.), Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 190-летию Омского кадетского корпуса (2003 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения» (2006 г.), Международная научно-практическая конференция «Манякинские чтения: Проблемы и обеспечение национальной безопасности: прошлое, настоящее, будущее» (70-летию Победы и 70-летию окончания Второй мировой войны посвящается) (2015 г.), Омские военно-исторические чтения (2021–2024 гг.). В 2025 г. состоялись: XI Международный Сибирский исторический форум «Мы ковали Победу!» (г. Красноярск), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память и преемственность поколений» (г. Абакан), Всероссийский научный семинар «Этнокультурные сообщества Евразии: Великая Победа в памяти поколений» (г. Новосибирск) и др. В различных учреждениях культуры и образования были организованы специализированные выставки, посвященные Великой Отечественной войне.

Согласно результатам многолетних исследований автора, проведенных в период с 1985 по 2025 гг., события, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., вызывают чувство национальной гордости от 43 % до 90 % опрошенных жителей Сибири. В 2025 г. представители различных половозрастных групп называли от 1 до 13 основных ее событий. Среди них чаще всего встречаются: блокада Ленинграда, Сталинградская и Курская битвы, оборона Москвы и взятие Берлина, а также: битвы на Днестре, за Кавказ и Севастополь, под Волховом, Ржевом и Прохоровкой, Белорусская наступательная операция «Багратион». Среди известных героев Великой Отечественной войны респонденты называли от 1 до 11 фамилий, только 3 человека среди молодежи 2025 г. не вспомнили ни одной. В пятерку самых любимых военных героев вошли: Г. К. Жуков, Д. М. Карбышев, З. А. Космодемьянская, А. М. Матросов, А. П. Маресьев. Также нередко упоминали: Н. Ф. Гастелло, И. В. Конева, К. К. Рокоссовского и героев известных художественных произведений (среди которых лидируют Штирлиц – Максим Исаев и Василий Теркин). Нередко встречаются комсомольцы-молодогвардейцы (участники подпольной антифашистской организации в г. Краснодар), Герои Советского Союза: Ульяна Громова, Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов. Их знают во многом благодаря роману А. А. Фадеева, который выдержал несколько переизданий. Некоторые называли пионеров-героев: Марата Казея, Валю Котика, Леню Голикова и Зину Портнову, своих родственников и знакомых: «мой прадед», «наш дедушка», «моя бабушка», «мой тесть», «наш сосед» и др. Встретились единичные варианты ответов: «Петр Багратион», «Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Наташа Ростова» и др.

Интересно, что количество названных в начале 2025 г. 30 взрослыми основными событий и героев Великой Отечественной войны существенно превысило ответы 300 студентов Омского государственного педагогического университета. Среди молодежи встречались варианты: «не знаю», «затрудняюсь ответить», «не могу сейчас вспомнить». В Омской

академии Министерства внутренних дел России 31 % курсантов не указали фамилию любимого героя, заменив следующими ответами: «не имею одного любимого, т. к. уважаю всех»; «их очень много, выделять одного-двух не вижу смысла»; «считаю такой вопрос некорректным, кто воевали – герои» и др.

Все опрошенные 2025 г. назвали по несколько известных кинофильмов о Великой Отечественной войне. Среди них в первой десятке любимых: «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики», «17 мгновений весны», «Летят журавли», «Судьба человека», «Живые и мертвые», «Два бойца», «Они сражались за Родину», «Офицеры», «Т-34». Взрослые часто называли также: «Аты-баты, шли солдаты», «Батальоны просят огня», «Белорусский вокзал», «Битва за Москву», «Женя, Женечка и Катюша», «Освобождение», «Щит и меч». Встречались варианты: «почти все советские фильмы о войне нравятся»; «стараюсь не смотреть подобные фильмы из-за близкого восприятия вещей» и пр. В 2025 г. в Омске многие упоминали документальный фильм «Малютка: большой поступок маленького человека». Он посвящен истории знаменитого танка, деньги на который собрали дети Омска, благодаря 6-летней девочке Аде Занегиной. Она написала письмо в газету, которое было опубликовано 25 февраля 1943 г. в «Омской правде», в нем она сообщила, что копила деньги себе на куклу (122 рубля 25 копеек), но отдает их на строительство танка и призвала последовать ее примеру. Тогда дети собрали более 160 тысяч рублей. Об этом в 2025 г. сняли кинофильм, разыскали в Подмоскowie Аделю Александровну Занегину и пригласили ее на премьеру, которую она смотрела в Омске со слезами на глазах.

По совокупным результатам опросов среди известных и любимых военных песен явно лидируют «Катюша» и «День Победы», за ними следуют: «Журавли», «Темная ночь», «Синий платочек», «Смуглянка», «Землянка», «Три танкиста», «Священная война», «Десятый наш десантный батальон» и др. Также называют песни В. С. Высоцкого («Братские могилы», «Он не вернулся из боя») и группы «Любэ» («Комбат», «Солдат»), военные песни и баллады Б. Ш. Окуджавы. У молодого поколения встречаются в ответах песни рок-группы «Дайте танк (!)» и др. Интересно, что курсанты из Монголии, приглашенные на мероприятие, посвященное Дню Победы 2015 г., в Общественную палату Омской области, утверждали, что у них на родине знают много советских песен, в том числе «Катюшу», «Три танкиста», «В землянке» и др. Из акций, популяризирующих историко-культурное наследие Великой Отечественной войны, среди наиболее известных – «Бессмертный полк». В 2025 г. в Омске он состоялся в трех форматах: традиционное шествие было дополнено водным (яхта «Сибирь» и еще 15 судов, заплыв на 1 км «Омских моржей» по Иртышу) и воздушным (парашютные группы над Соборной площадью города). В 30-й раз прошла акция «В лесу прифронтовом» (партизанская деревня, интерактивные площадки в д. Черёмушки Омского района). Широко известны также Всероссийские акции «Георгиевская лента» (с 2005 г.) и «Поезд Победы» (с 2020 г.).

Согласно исследованиям автора с 1995 по 2025 гг., праздник День Победы – 9 мая – неизменно входит в пятерку самых любимых праздников жителей Сибири. Наряду с этим, среди отдельных представителей современной молодежи встречаются единичные суждения: «я равнодушно отношусь к Дню Победы», «этот праздник ко мне не относится, т. к. я не участвовал и не знаю, что такое война».

Сохранению и пропаганде историко-культурного наследия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. активно способствуют различные специализированные и тематические мероприятия, выставки, музейные экспозиции. В 1985 г. в Омске был открыт Музейный комплекс воинской славы омичей. В честь героев называют улицы и образовательные

учреждения. Имеются также памятники и скульптурные композиции, посвященные военной истории. Среди них можно назвать памятник труженикам тыла (9 фигур, установлен в 2010 г.) и памятник Д. Т. Язову (присвоено последнему маршалу Советского Союза в 1990 г.), установленный у Казачьей кадетской школы-интерната № 9, которая носит его имя. Представлены сведения о воинах-сибиряках и в экспозиции Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации в Москве – личные вещи Героя Советского Союза Д. М. Карбышева и Министра обороны СССР Д. Т. Язова, информация о гвардии лейтенанте В. И. Сарафанове, Героях Советского Союза П. И. Ильичеве, М. Н. Цукановой и др. [Орешин, 2025 с. 115].

В завершение следует отметить, что за период опросов с 1985 по 2025 гг. существенно снизился уровень знаний по истории Великой Отечественной войны, что особенно заметно у молодого поколения. Во многом это связано с резким сокращением количества учебных часов, отведенных на изучение этого великого события в истории страны в образовательных учреждениях с конца XX в. В советский период большое значение уделяли изучению и популяризации военно-исторической тематики. Регулярно проходили встречи школьников и студентов с живыми свидетелями событий 1941–1945 гг., выпускались художественные кинофильмы, проводились смотры-конкурсы военной песни, военизированная игра «Зарница», почетные караулы у Вечного огня и другие мероприятия, способствовавшие военно-патриотическому воспитанию. Этническая, религиозная, гендерная и социально-профессиональная принадлежность на знания историко-культурного наследия этой войны практически не влияет. Этнокультурные предпочтения характеризуются большей стабильностью. Наряду с широко известными кинофильмами «Летят журавли», «Два солдата» и др. называют и новые, среди литературных и песенных предпочтений на протяжении многих лет чаще всего называют те же произведения. Знания основных событий и героев войны среди старшего и молодого населения существенно различаются, а в этнокультурных предпочтениях фиксируются общие черты, т. е. преемственность поколений сохраняется.

Полученные результаты исследования позволяют заключить, что, несмотря на наличие у большинства жителей нашей страны чувства гордости и единения при воспоминании о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., тем не менее, необходимо активизировать использование комплексного междисциплинарного подхода к дальнейшему изучению историко-культурного наследия, а также пропаганды сохранения ее особенно – среди детей и молодежи. Для этого необходимо объединить усилия научно-исследовательской, учебно-воспитательной и культурно-просветительской деятельности. Знания о наследии Великой Отечественной войны важны для сохранения историко-культурного и государственного самосознания, формирования идентичности, воспитания чувства гордости и патриотизма у новых поколений россиян.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2024). Просветительский потенциал генеалогических исследований как фактор интеграции межэтнических и локальных сообществ. *Философия образования*. Т. 24. № 3. С. 39-51.

Abramova, M. A. (2024). Educational Potential of Genealogical Research as a Factor of Integration of Interethnic and Local Communities. *Philosophy of Education*. Vol. 24. No. 3. Pp. 39-51. (In Russ.)

Жигунова, М. А. (2024). *Этнографический Омский научный центр: история и современность*. Отв. ред. В. П. Корзун. Новосибирск. 184 с.

Zhigunova, M. A. (2024). *Ethnographic Omsk Scientific Center: History and Modernity*. Korzun, V. P. (ed.). Novosibirsk. 184 p. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2024). 55 лет сибирской этносоциологии. *Социологические исследования*. № 2. С. 146-148.

Popkov, Yu. V. (2024). 55 Years of Siberian Ethnosociology. *Sociological Research*. No. 2. Pp. 146-148. (In Russ.)

Орешин С. А. Великая Отечественная война в экспозиции Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации // *Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.* Материалы VI Всероссийской научной конференции (г. Омск, 15-16 мая 2025 г.). (2025). Отв. ред. И. А. Селезнева. М.; Омск. С. 115.

Oreshin S. A. The Great Patriotic War on display at the Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation // *Siberia: Contribution to the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945*. Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conference (Omsk, 15-16 May 2025). (2025). Moscow. Omsk. P 115. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 20.11.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Zhigunova Marina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 20.11.2025

Accepted for publication: 02.12.2025

УДК 1:327.8:37(470+517.3)

ВЕКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛИИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Н. Хишигдулам

Монгольский национальный университет образования (г. Улан-Батор)
khishigdulam@msue.edu.mn

А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. Статья представляет результаты комплексного анализа столетней эволюции российско-монгольского образовательного партнерства (1920–2025 гг.) как уникального кейса трансформации образовательных связей в условиях геополитических изменений. На основе компаративного исторического анализа описан процесс формирования образовательной системы в Монголии на базе советской модели, дана характеристика ее перехода к многовекторному сотрудничеству на современном этапе, определены перспективы развития монголо-российских отношений в сфере образования. Обоснована необходимость создания модели российско-монгольских образовательных связей, отражающей объективно сложившуюся ситуацию партнерского сотрудничества в условиях существующей конкуренции с другими потенциальными участниками в образовательном пространстве Монголии.

Ключевые слова: система образования Монголии, советская образовательная система, языковая политика, российско-монгольское сотрудничество, образовательная интеграция, образовательная дипломатия, академическая мобильность.

Для цитирования: Хишигдулам, Н., Изгарская, А. А. (2025). Векторы интеграции системы образования Монголии: к проблеме эволюции российско-монгольского партнерства. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 159-175. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.159-175

INTEGRATION VECTORS OF THE MONGOLIAN EDUCATION SYSTEM: TO THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF RUSSIAN-MONGOLIAN PARTNERSHIP

N. Khishigdulam

Mongolian National University of Education (Ulaanbaatar)
khishigdulam@msue.edu.mn

A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the centenary evolution of the Russian-Mongolian educational partnership (1920–2025), treating it as a unique case study in the transformation of educational ties amidst geopolitical changes. Based on a comparative historical analysis, the process of formation of the Mongolian educational system in the Soviet period is described, its transition to multi-vector cooperation at the present stage is characterized,

and prospects for the development of Mongolian-Russian relations in the field of education are determined. The article substantiates the task of forming a model of educational relations that reflects the objectively established situation of competitive cooperation.

Keywords: Mongolian education system, Soviet educational system, language policy, Russian-Mongolian cooperation, educational integration, educational diplomacy, academic mobility.

For citation: Khishigdulam, N., Izgarskaya, A. A. (2025). Integration Vectors of the Mongolian Education System: To the Problem of the Evolution of Russian-Mongolian Partnership. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 159-175. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.159-175

Введение

Российско-монгольское образовательное сотрудничество представляет собой редкий пример столетнего партнерства, прошедшего через радикальные политические и социальные трансформации: от революционной модернизации 1920-х гг. через период тесной советско-монгольской интеграции к постсоциалистической диверсификации и современному поиску новых форм взаимодействия. Изучение этого исторического опыта актуально не только для понимания двусторонних отношений России и Монголии, но и для более широкого теоретического осмысления механизмов образовательной дипломатии, трансформации средств интеграции в условиях геополитических изменений и характера международных образовательных связей.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. С одной стороны, российско-монгольское образовательное партнерство находится на критическом перепутье, существует реальная опасность утраты российского присутствия в образовательном пространстве Монголии. Усиливается конкуренция со стороны западных и азиатских образовательных систем, меняется структура глобального образовательного рынка. И в это же время происходит смена поколений, монголов, владеющих русским языком, с каждым годом становится все меньше. С другой – опыт российско-монгольских отношений предоставляет уникальный материал для анализа долгосрочных эффектов образовательной интеграции. Он позволяет проследить, как институциональные связи, созданные в одну историческую эпоху, трансформируются в принципиально иных условиях. Современная Монголия реализует стратегию многовекторной образовательной политики, что делает ее показательным кейсом для изучения механизмов диверсификации международных образовательных связей малыми, с позиции миросистемного подхода – периферийными, государствами.

Методология исследования. Данное исследование рассматривает образовательное сотрудничество не через призму односторонней «культурной экспансии» или «мягкой силы» [Nye, 2004, pp. 5-32], как это часто можно встретить в современной литературе, а как сложный миросистемный процесс взаимовыгодного обмена, в котором обе стороны на разных исторических этапах играли активную роль и извлекали специфические выгоды [Steiner-Khamsi, 2004, pp. 1-24].

Экономический аспект интеграционной динамики. В соответствии с миросистемным подходом динамика российско-монгольского сотрудничества объясняется сменой стратегий развития Российского государства [Arrighi, 1990]. В советский период экономика социалистических стран развивалась относительно автономно от мировой системы

разделения труда. Устойчивость такой системы зависела от многообразия составляющих ее элементов, способных выполнять широкий спектр видов деятельности. Поэтому формирование социалистической системы разделения труда создавало условия для развития внешних и внутренних периферийных областей советской системы. Этим определялись тесные взаимосвязи СССР и Монголии – государства, вторым вставшим на путь развития социализма. Распад СССР привел к смене развития стратегии и России, и Монголии. Россия, как и бывшие республики Советского Союза, активно начала встраиваться в миросистему, стремясь в конкурентной борьбе занять наиболее благоприятные ниши в торговле со странами капиталистического ядра. Это привело к распаду ранее сформированных связей. Распад связей тяжело ударил по экономике и обществу и России, и Монголии. Но если связи России были диверсифицированы, то монгольскому правительству пришлось искать новые международные связи, которые могли не только влить в экономику страны капитал, но и уравновесить опасное экономическое влияние со стороны Китая.

Культурный аспект интеграционной динамики. Для анализа культурных связей будем использовать синтез миросистемного подхода, а именно концепции двух употреблений культуры И. Валлерстайна [Wallerstein, 2000], и концепции цивилизаций как зон и сетей престижа Р. Коллинза (парадигма неовеберизма) [Collins, 2001]. На этой основе отношения Москвы и Улан-Батора можно проинтерпретировать как связи двух разных по масштабу центров советской цивилизации. Москва после Октябрьской революции 1917 г. выступает как центр творчества нового мира, пример для подражания, а позже становится основным защитником идей социализма. Формируемая Москвой культура (употребление I) в своей основе содержит бинарную картину мира. Мир поделен на «капиталистический» и «социалистический», на «эксплуататорский» и «свободный от эксплуатации», на «несправедливый» и «справедливый», на «старый» и «новый». Культура (употребления II) выстраивала иерархию и создавала многообразие элементов внутри системы. Во внутреннем устройстве системы Москва занимала место «старшего брата», который интегрировал общества в единое целое и определял правила и для республик СССР, и для стран социалистического лагеря. Москва была интегрирующим центром, Улан-Батор – интегрируемым. После распада системы социализма Москва утрачивает роль творческого (по Коллинзу) центра советской цивилизации. Ее экономические и политические элиты встраиваются в сети зон мирового престижа и транслируют соответствующие образы потребления, управления, образования. Творчество заменяется инжиниринговой адаптацией западных образцов к российским реалиям, в разной степени бедных, внутренних регионов. Эти же процессы шли в Монголии. Выстраивая свою национальную идентичность с опорой на традиционную культуру (употребление II), политическая и экономическая элиты Монголии устанавливали связи с мировыми сетями престижа, стремясь избежать судьбы Внутренней Монголии. Так, например, Д. В. Ушаков показал, что монгольская образовательная система, как и российская, переживала схожие трансформации под влиянием неолиберальных идей и западных стандартов [Ушаков, 2018].

Теоретическая рамка исследования основывается на концепциях образовательной дипломатии и транснационального образовательного пространства, разработанных Г. Штайнер-Хамси, а также на критическом анализе постсоциалистических трансформаций образовательных систем [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006; Weidman, Bat-Erdene, 2002, pp. 117-130]. Особое внимание уделяется диалектике модернизации и культурной идентичности,

вопросам образовательного неравенства в условиях глобализации [Изгарская, 2022] и роли языковой политики в формировании международных образовательных связей [Хишигдулам, Изгарская, 2025].

Методологическая архитектура исследования основана на принципе триангуляции, интегрирующем множественные подходы и источники для обеспечения валидности и глубины анализа столетней эволюции российско-монгольского образовательного партнерства. Центральным инструментом выступает компаративный исторический анализ. Он позволяет выявить общие закономерности и специфические особенности трех качественно различных периодов сотрудничества: советского периода глубокой интеграции (1920–1990 гг.), трансформационного периода кризиса и переориентации (1990–2010 гг.) и современного этапа фрагментарного восстановления связей (2010–2025 гг.). Сравнительный анализ структурирован по четырем взаимосвязанным измерениям: количественные показатели академической мобильности, институциональные механизмы взаимодействия, языковая политика (статус русского языка и его конкуренция) и геополитический контекст (внешнеполитические стратегии и конкуренция образовательных систем).

Для интерпретации нарративов сотрудничества применяется критический дискурс-анализ. Он позволяет выявить, как один и тот же исторический процесс репрезентируется в советской / российской и монгольской традициях, избегая тем самым односторонней интерпретации и учитывая множественные голоса.

Позиция авторов (монгольского и российского исследователей) обеспечивает «взгляд изнутри» обеих традиций, требуя при этом критической дистанции от националистических нарративов. Временная дистанция позволяет объективно оценить модель советского сотрудничества. Междисциплинарный характер работы сочетает элементы истории образования, социологии международных отношений и компаративной политологии, обогащая аналитическую перспективу.

Советский период: формирование плодотворного образовательного партнерства (1920–1990 гг.)

После победы Народной революции 1921 г. и провозглашения Монгольской Народной Республики в 1924 г. перед молодым государством открылись новые возможности для образовательного сотрудничества с СССР [Rossabi, 2005, pp. 45-67]. Это партнерство родилось из реальных нужд двух молодых социалистических государств. Монголии требовалась современная система образования и подготовки национальных кадров. Советский Союз, нуждавшийся во внешних связях и имевший опыт ликвидации массовой неграмотности, мог предложить эффективные, проверенные на практике решения. Советско-монгольские связи в сфере образования формировались в условиях почти тотальной неграмотности монгольского населения, лишь незначительная часть монголов умела читать и писать [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006, pp. 78-92; Актамов, Григорьева, 2022, с. 67]. Традиционное образование существовало только в буддийских монастырях, где обучение велось на старомонгольской письменности с использованием тибетского и маньчжурского языков. Ученые и педагоги столкнулись с задачей не просто реформировать существующую систему, а фактически создать современную национальную систему образования с нуля.

Языковая реформа и ее последствия. Решающим оказался языковой вопрос. В 1931 г. был осуществлен переход на латинизированный алфавит, а в 1946 г. – окончательный переход на кириллицу, адаптированную для монгольского языка [Kaplonski, 2004, pp. 112-135]. Это решение, принятое под влиянием СССР, имело огромные долгосрочные последствия. Оно фактически интегрировало Монголию в советское образовательное и информационное пространство, сформировало интеллектуальную элиту, воспитанную в рамках советской образовательной традиции. Монгольский историк Ж. Бор, анализируя создание современного образования, подчеркивал: «Монголия, приняв советский опыт, совершила скачок от феодализма к социализму, и в этом процессе школа и высшее образование сыграли решающую, модернизирующую роль»¹. Однако переход на кириллицу, будучи технически эффективным решением для массовой грамотности, привел к разрыву с собственной письменной традицией. Как отмечают Г. А. Дырхеева и Г. Наранчимэг, целое поколение монголов оказалось отрезано от классической монгольской литературы на старомонгольской письменности [Дырхеева, Наранчимэг, 2019].

Системные характеристики образовательной интеграции. Советская модель образовательной интеграции с Монголией была комплексной и многоуровневой. На начальном этапе основное внимание уделялось ликвидации неграмотности и созданию базовой инфраструктуры образования. К концу 1930-х гг. в Монголии появилась сеть начальных школ, где обучение велось на монгольском языке с обязательным изучением русского. Военный и послевоенный периоды принесли еще более глубокую интеграцию. Открытие в 1942 г. Монгольского государственного университета стало поворотным моментом. Университет был создан при прямой помощи СССР, который направил преподавателей (в том числе эвакуированных из Москвы) и оборудование, а также содействовал разработке учебных планов и программ по образцу советских вузов, что обеспечило полную унификацию образовательного процесса [Джагаева, 2019, с. 34].

Центральным элементом интеграции стала подготовка монгольских специалистов в советских вузах. Межправительственное «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР и содержании их» от 12 мая 1948 г. обеспечило ежегодное планомерное увеличение числа монгольских студентов в Советском Союзе [Суржко, 2022, с. 96]. Эта традиция обменов зародилась еще в 1922 г., когда первые пятнадцать монгольских студентов были отправлены в Москву для получения высшего образования. Только с 1951 по 1961 гг. в вузах СССР было подготовлено 410 специалистов для экономики Монголии [Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 47]. Монгольский исследователь Д. Чимэддорж отмечает: «Без тесного сотрудничества с советскими высшими учебными заведениями подготовка наших собственных технических и научных кадров была бы невозможна. Это была основа индустриализации и становления Монголии как современной нации»². Вместе с тем образовательные программы в СССР включали обязательное изучение марксизма-ленинизма и истории КПСС. Н. Баатар прямо указывает, что подготовка кадров способствовала формированию элиты, «лояльной к социалистической модели развития»,

¹ Бор, Ж. (1980). *Монголын боловсролын түүхэн замнал. (Исторический путь монгольского образования)*. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. Х. 15.

² Чимэддорж, Д. (1978). *Дээд боловсролын хөгжил ба Зөвлөлтийн тусламж (Развитие высшего образования и советская помощь)*. Улаанбаатар. Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл. Х. 45.

что ограничивало интеллектуальную свободу и критическое мышление³. Возможность учиться в СССР становилась механизмом формирования привилегированного класса – партийной номенклатуры.

Результаты и достижения советского периода. В результате совместных мероприятий монгольских и советских педагогов уже к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а в начале 1970-х гг. Монгольская Народная Республика (МНР) стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд стран, обладающих высоким научным и культурным потенциалом [Энхбаяр, 2011, с. 97]. В стране была создана полноценная, многоуровневая система образования (дошкольное, высшее, послевузовское), что позволило Монголии готовить собственные высококвалифицированные кадры практически во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы. Была создана современная интеллектуальная и управленческая элита, ориентированная на советскую / российскую культуру. К концу 1980-х гг. система образовательной интеграции СССР и МНР достигла своего пика. Сотрудничество привело к впечатляющим результатам: по данным переписи 1989 г., уровень грамотности среди взрослого населения Монголии составил около 97 %, что было сопоставимо с показателями развитых стран⁴.

В целом, как отмечают монгольские исследователи, за прошедшие сто лет более 70 тыс. граждан Монголии получили в СССР высшее, среднеспециальное или профессиональное образование. Наглядным подтверждением влияния российского образования служит тот факт, что выпускники российских / советских вузов составляли треть парламента Монголии в 2020–2024 гг. и более 60 % научных сотрудников⁵.

Эпоха трансформаций и переосмысления приоритетов (1990–2010 гг.)

Демократические преобразования в 1990 гг. в Монголии и трансформация Советского Союза естественным образом привели к пересмотру приоритетов в области международного сотрудничества. Образовательная сфера, как и многие другие области взаимодействия, столкнулась с необходимостью адаптации к новым политическим и экономическим реалиям [Heaton, 1992; Pomfret, 2000]. Первые признаки кризиса проявились уже в 1990–1991 гг., когда резко сократилось финансирование образовательных программ с советской стороны. Особенно болезненным оказалось прекращение программ подготовки монгольских специалистов в советских, а затем российских вузах. Если в 1986–1990 гг. в советские вузы ежегодно направлялось до 1300 человек [Энхбаяр, 2011, с. 97], то к середине 1990-х гг. общее число обучающихся драматически сократилось. Это было прямым следствием трансформации образовательных систем и в Монголии, и в России. Происходила замена советской модели на западную, что вело к снижению востребованности российских вузов

³ Баатар, Н. (2018). *Монгол Оросын соелын хамтын ажиллагаа*. (Монголо-российское культурное сотрудничество). Улаанбаатар. МУИС хэвлэл. Х. 145.

⁴ Yembaa, B., Munkh-Erdene, K. (2006). Literacy Country Study: Mongolia. [Online]. UNESCO. UNESDOC. Цифровая библиотека. Р. 6. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146207> (Assessed: 01 October 2025).

⁵ Erdenejargal, E. (2022). Mongolian Graduates of Russian Higher Education Institutions Celebrate Anniversary Dates. [Online]. *The Mongol Messenger*. 17 October. Available at: <https://montsame.mn/en/read/306099> (Assessed: 01 October 2025).

[Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 51]. Поскольку Монголия не развивала собственную исследовательскую базу, полагаясь на советскую науку, после 1991 г. происходит коллапс многих научных институтов, не способных функционировать автономно.

Трансформация языковой политики. Наиболее драматичным аспектом постсоветской трансформации Монголии стала радикальная смена языковой политики и последующая маргинализация русского языка в образовательном пространстве. В советский период русский язык фактически выполнял функции второго государственного и занимал ведущее место в учебных программах, однако после 1990 г. его позиции резко ослабли. Утрата русским языком доминирующего положения в монгольской школе явилась прямым следствием вынужденной геополитической переориентации Монголии, взявшей курс на сближение с западными государствами и диверсификацию внешнеполитических контактов. Масштаб языковых изменений в Монголии после 1990-х гг. оказался значительным. По данным исследования «Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика, проблемы» статус русского языка снизился: он утратил обязательный характер в общеобразовательных школах, стал факультативным в старших классах, а английский стал приоритетным иностранным языком [Дырхеева и др., 2021, с. 31-36]. Поскольку часы на русский язык сокращались, часть учителей русистского профиля была вынуждена перейти на преподавание других языков. По различным оценкам в настоящее время русским языком в той или иной степени владеет менее 30 % населения Монголии. Как отмечают исследователи, современное положение русского языка остается проблемным и требует целенаправленных усилий для его восстановления [Намжилсурэн, Рулиене, 2024].

Самым серьезным долгосрочным последствием стал разрыв языковой преемственности между поколениями. Современная монгольская молодежь оказалась лишена непосредственного доступа к литературному и научному наследию периода тесного советско-монгольского сотрудничества. Молодые люди не могут свободно работать с научными трудами и читать книги, составлявшие интеллектуальный багаж их родителей. Процесс «англизации» образовательной среды остается доминирующим трендом: английский язык превратился в ключевой маркер социальной мобильности, академического успеха и международной интеграции.

Геополитическая переориентация. Постсоветский период характеризовался кардинальным изменением геополитических ориентиров Монголии [Rossabi, 2005, pp. 234-256; Karlonski, 2004, pp. 167-189]. Политика «третьего соседа», официально провозглашенная в середине 1990-х гг., предполагала диверсификацию внешнеполитических связей и снижение зависимости Монголии и от Китая, и от России. Образовательная сфера стала одним из важнейших инструментов реализации этой стратегии.

Высшее образование в Монголии, основывавшееся на советской модели, претерпело значительную диверсификацию в постсоветский период [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006, pp. 145-168]. Стремясь к международному признанию качества образования, Монголия начала самостоятельно выбирать и внедрять лучшие мировые практики. С 2009 г. Министерство образования, культуры и науки начало работу по апробации Международной Кембриджской программы: «31 лабораторная школа была создана для апробации

и реализации этих учебных программ»⁶. Параллельно в сотрудничестве с Японским агентством международного сотрудничества (JICA) был реализован двухэтапный проект по внедрению методики «Исследование урока», которая «сегодня стремительно развивается как лучший механизм непрерывного развития учителя на рабочем месте во многих странах мира»⁷.

Этот процесс демонстрирует, что образовательное партнерство XXI в. для Монголии не сводится к модели односторонней передачи знаний и опыта, а является активным выбором мировых моделей с учетом собственных целей и вызовов⁸. Однако следует подчеркнуть, ироничным кажется то, что продвижение некоторыми международными донорами американских моделей образования сопровождалось критикой советской системы, но внедряемые модели не достигли такого массового успеха в развитии базовой грамотности и других навыков, как коммунистическая монгольская система образования [Rossabi, 2005, p. 66]. Более того, интеграция мировых стандартов в стране с доминирующим в составе оседлым населением способствует закреплению социального неравенства, игнорированию специфики кочевого скотоводства [Stolpe 2016; Хишигдулам, 2024; Хишигдулам, Изгарская, 2025, с. 94]. Дети из пасторальных сообществ сталкиваются с противоречиями между требованиями формального школьного образования и особенностями традиционного образа жизни. Эти трудности усугубляют социальное и образовательное неравенство, что вместе с расширением международных образовательных программ стимулирует молодежь искать возможности обучения и трудоустройства за рубежом [Ahearn, Bumochir, 2016, pp. 87-96]. Согласно отчетам Программы развития ООН⁹ и Международной организации по миграции¹⁰ значительная часть молодых монголов рассматривает международное образование как средство профессионального и социального продвижения.

Современный этап: попытки восстановления утраченных позиций (2010–2025 гг.)

Осознание масштабов утраченного влияния в образовательной сфере Монголии пришло к российскому руководству лишь к 2010-х гг. Первые системные попытки восстановления образовательного присутствия в Монголии были предприняты в 2010–2012 гг. Важным шагом стало создание в 2012 г. Федерального агентства Россотрудничество. В рамках деятельности этого ведомства была активизирована работа Российского центра науки и культуры в Улан-Баторе.

⁶ Бэгз, Н. (2019). *Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): Туришлага, сургамж. (Развитие образования в Монголии (1992–2017): Опыт, уроки)*. Улаанбаатар. [Online]. Available at: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshlaga-surgamzh-ol4> (Accessed: 05 September 2025). X. 97.

⁷ Бэгз, Н. (2019). *Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): Туришлага, сургамж ...*

⁸ Анализ ключевых документов образовательной политики Монголии в постсоветский период, который выявил сложное противоречие между стремлением к внедрению международных образовательных образцов и задачей сохранения национальной идентичности, основанной на традиционной монгольской культуре [см.: Хишигдулам и др., 2024].

⁹ Mongolia Human Development Report 2016: Building a Better Tomorrow – Including Youth. Ulaanbaatar: United Nations Development Programme. (2016). [Online]. *UNDP Mongolia*. Available at: <https://www.undp.org/mongolia/publications> (Accessed: 01 September 2025).

¹⁰ Migration in Mongolia: Policy, Trends and Social Impacts. Ulaanbaatar: IOM Mongolia. (2020). [Online]. *International Organization for Migration (IOM)*. Available at: <https://mongolia.iom.int> (Accessed: 01 September 2025).

В соответствии с Планом приема на 2021/2022 уч. г. в российской системе образования было выделено 515 квот на обучение граждан Монголии, а на 2023/2024 уч. г. – 620 мест. Российское образование сохраняет привлекательность для монгольской молодежи. Особенно популярными среди монгольских студентов остаются традиционные направления подготовки: медицина, инженерные специальности, экономика и управление. Значительная часть студентов поступает в российские вузы для изучения горного дела и геологии.

Одной из наиболее успешных инициатив стала детская программа «Мы поедem в Артек», в рамках которой ежегодно несколько сотен монгольских школьников получают возможность отдохнуть в знаменитом детском лагере в Крыму. Однако программа имеет скорее символическое значение, поскольку краткосрочные визиты не формируют устойчивых языковых навыков и не компенсируют отсутствие системного изучения русского языка.

Институциональное развитие сотрудничества. Системное восстановление позиций российского образования требует не только увеличения квот, но и развития институциональной инфраструктуры – создания филиалов российских вузов или совместных факультетов на территории Монголии. В 2022 г. была подписана Программа сотрудничества между Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством образования и науки Монголии на 2022–2024 гг.¹¹ Важным элементом институционального развития стало создание совместных образовательных программ и учебных заведений. Развиваются программы академической мобильности для преподавателей и исследователей. Особое место занимают программы дистанционного обучения, которые позволяют существенно снизить стоимость обучения.

Экономический фактор особенно важен. Российское образование сохраняет значительное ценовое преимущество. Стоимость обучения для иностранцев варьируется от \$1100 до \$3800 в год (63000–344000 руб.), при среднем диапазоне \$2500–\$8000, в зависимости от специальности и престижа учебного заведения¹². Правительство РФ субсидирует 80–90 % стоимости¹³, предоставляет монгольским студентам бесплатное проживание и обучение по государственным квотам.

Для сравнения, в США стоимость обучения может достигать \$24000 в год (магистратура \$10 000–\$20 000), хотя иногда предоставляются скидки (до \$9900). Обучение в Китае обходится в среднем \$3000–\$10000 в год¹⁴, что делает его конкурентоспособным. Местное монгольское образование для граждан почти бесплатно, но для иностранцев –

¹¹ Программа сотрудничества между Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством образования и науки Монголии на 2022–2024 годы. (2022). [Электронный ресурс]. *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=45091 (дата обращения: 22.09.2025).

¹² Study in Russia: Tuition Fees & Scholarships. (2025). [Online]. *Educations.com*. Available at: <https://www.educations.com/study-guides/europe/study-in-russia/tuition-fees-13341> (Accessed: 09 October 2025).

¹³ 11 best Russian Universities for International Students. (2025). [Online]. *Study International*. 15 April. Available at: <https://studyinternational.com/news/best-russian-universities/> (Accessed: 09 October 2025).

¹⁴ Cost of Studying in China. (2025). [Online]. Available at: <https://www.cucas.cn/feature/index/2325/2325?lang=en> (Accessed: 09 October 2025).

от \$2500¹⁵. Низкое международное признание монгольских дипломов стимулирует отток молодежи. Острым вопросом является трудоустройство выпускников. Высокий уровень безработицы среди монгольской молодежи¹⁶ вынуждает выпускников искать работу за рубежом. Выпускники российских вузов традиционно имеют высокий уровень трудоустройства в Монголии, особенно в технических и медицинских областях. Однако растущий спрос на англоязычных специалистов дает преимущество выпускникам западных вузов. Интернационализация рынка труда Монголии (9900 иностранных специалистов на начало 2025 г.) усиливает внутреннюю конкуренцию¹⁷.

Языковые программы и поддержка русского языка. Фонд «Русский мир» реализует в Монголии несколько программ, направленных на поддержку изучения русского языка. Созданы русские центры при крупнейших университетах страны. Важной инициативой стало открытие Центра открытого образования на русском языке на базе Российско-Монгольской школы, где «предусмотрено проведение пробного государственного тестирования по русскому языку как иностранному»¹⁸. Министерство просвещения России также реализует проект «Российский учитель за рубежом»¹⁹. В рамках проекта с сентября 2022 г. 12 учителей из России начали преподавать русский язык в школах пяти регионов Монголии. В Улан-Баторе в школе № 162 с 2023 г. ведется обучение по российским образовательным стандартам. Российские педагоги проводят уроки и организуют олимпиады по русскому языку среди учащихся школ района Сонгинохайрхан. Проект предоставляет российским педагогам уникальную возможность работать в международной образовательной среде. Однако программа имеет недостаточный масштаб – 12 учителей на всю страну. Наблюдается нехватка современных цифровых учебных материалов на русском языке. Программа носит символический характер по сравнению с массовым присутствием Корпуса мира США в 1990-х.²⁰ Помимо этого, отсутствие преемственности между уровнями системы образования, системного преподавания русского языка в школе и вузе влечет за собой отсутствие перспектив карьерного роста, что сильно снижает привлекательность российской программы. Таким образом, обучение по российским стандартам в отдельных школах создает «образовательные островки», которые не способствуют системным изменениям, но создают проблемы при переходе на более высокие ступени образования. С. Наранчимэг справедливо отмечает: «Для успешного продвижения русского языка необходим не только культурный, но и прагматический стимул:

¹⁵ Bryce Loo. (2023). Education in Mongolia. [Online]. WENR (World Education News Reviews). 14 February. Available at: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (Assessed: 09 October 2025).

¹⁶ Mongolia Economic Update: Youth Employment Challenges. (2024). World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia> (Accessed: 01 October 2025).

¹⁷ Around 9,900 Foreign Nationals Employed in Mongolia as of March 2025. (2025). [Online]. MONTSAME (Mongolian News Agency). 18 April. Available at: <https://montsame.mn/en/read/367023> (Accessed: 01 October 2025).

¹⁸ Первый Центр открытого образования на русском языке заработал в Монголии. (2024). [Электронный ресурс]. ВГТРК. 4 сент. URL: <https://smotrim.ru/article/4127100> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁹ 285 монгольских школьников получили сертификаты об уверенном владении русским языком. (2023). [Электронный ресурс]. Портал Российское образование. 15 мая. URL: <https://edu.ru/news/prodvizhenie-russkogo-yazyka-za-rubezhom/285-mongolskih-shkolnikov-poluchili-sertifikaty-ob/> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁰ Peace Corps in Mongolia. (2024). [Online]. Peace Corps. Available at: <https://www.peacecorps.gov/mongolia/> (Accessed: 12 September 2025)

признание российских дипломов, высокая востребованность русскоязычных специалистов в монгольской экономике и реальные инвестиции в совместные научно-технические проекты»²¹. Однако на текущий момент критический анализ существующих российских программ выявил значительный разрыв между декларируемыми целями и реальными результатами. Многие инициативы остаются недофинансированными, фрагментарными и не имеют системного характера.

Международное образовательное сотрудничество: здоровая конкуренция и взаимное обогащение

Расширение образовательных горизонтов. Современная Монголия имеет уникальные возможности для интеграции международных образовательных практик и ресурсов различных стран мира. Такая интеграция способствует расширению академических и культурных горизонтов молодежи и формированию глобальных компетенций [Weidman, Bat-Erdene, 2002, p. 135; Ahearn, Bumochir, 2016, p. 93]. Программа Фулбрайта (Fulbright)²² начала свою деятельность в Монголии с середины 1990-х гг. Первые монгольские участники – Fulbright Visiting Scholar и Fulbright Foreign Student – отправились в США в 1994–1995 гг.²³ Параллельно с этим, Корпус мира США (Peace Corps) начал работу в Монголии в 1991 г. по приглашению правительства страны. Волонтеры с самого начала преподавали английский язык в школах и консультировали по вопросам образования, способствуя развитию коммуникативных навыков и международных контактов²⁴. Страны Европейского Союза активно развивают образовательное сотрудничество с Монголией. Программа Erasmus+ предоставляет возможности для академической мобильности. Германия реализует стипендиальные и исследовательские программы обменов DAAD, Великобритания взаимодействует через Британский совет²⁵, Франция – через Альянс Франсез. Китай усиливает образовательное присутствие через институты Конфуция. Южная Корея активно реализует образовательные программы, основанные на феномене «Корейской волны». Япония традиционно поддерживает тесные образовательные связи с Монголией через стипендиальные программы MEXT. Таким образом, Монголия сочетает возможности международной академической мобильности с внутренними вызовами образовательного неравенства, создавая сложный, но перспективный контекст для развития системы образования.

²¹ Наранчимэг, С. (2023). *Монголын боловсролын гадаад харилцаа: Прагматик шийдэл ба сорилтууд (Международные отношения в сфере образования Монголии: Прагматические решения и вызовы)*. Улаанбаатар. Эрдмийн хэвлэлийн газар. Х. 12.

²² Программа «Фулбрайта» не внесена в официальный реестр нежелательных организаций в России, но ее администратор, Институт международного образования (ИЕ), был признан нежелательным, что привело к приостановке программы.

²³ Fulbright Program in Mongolia. (2022). [Online]. U.S. Embassy Ulaanbaatar. Available at: <https://mn.usembassy.gov/education-culture/scholarships/fulbright-student/> (Accessed: 10 October 2025).

²⁴ About Peace Corps Mongolia. [Online]. Peace Corps Official Website. Available at: <https://www.peacecorps.gov/mongolia> (Accessed: 01 October 2025).

²⁵ С 5.06.2025 является нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

Возможности для развития российско-монгольского партнерства

Уникальные преимущества российского образования. Российское образование обладает рядом уникальных преимуществ. Главным конкурентным преимуществом является сохраняющаяся общественная симпатия к России. В соответствии с опросом 2020 г. Россия является наиболее предпочтительной страной для сотрудничества (79,5 % граждан) и разделяет 1-е место с США как страна желательная для получения образования (61,2 %) [Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 49-50]. Традиционно сильные позиции российских университетов в области естественных наук, инженерии, медицины создают прочную основу для привлечения студентов. Важным преимуществом является относительная территориальная близость России к Монголии.

Реализация этих преимуществ зависит от решения целого ряда задач. Во-первых, требуется модернизация системы взаимодействия российских образовательных организаций с иностранными студентами. Необходимо кардинально упростить процедуры поступления, сократить бюрократические барьеры, повысить качество сопровождения студентов. Во-вторых, для достижения реального эффекта необходима координация усилий различных ведомств (Минобрнауки, Минпросвещения, МИД, Россотрудничество), создание единой стратегии образовательной дипломатии и выделение адекватных ресурсов для ее реализации. В-третьих, критически важным является развитие программ изучения русского языка как иностранного. В-четвертых, необходимо активнее использовать современные информационные технологии. Создание качественных онлайн-курсов на русском языке с субтитрами на монгольском языке может привлечь большое количество слушателей. Перспективным представляется создание виртуальных экскурсий по российским университетам. В-пятых, ограниченность государственных средств требует поиска альтернативных источников финансирования российско-монгольских взаимосвязей в области образования и культуры. Важным направлением может стать привлечение российского и монгольского бизнеса. Перспективным представляется развитие образовательного кредитования для иностранных студентов.

Заключение

Российско-монгольское сотрудничество в области образования имеет прочные исторические корни и значительный потенциал для развития. Реализация этого потенциала потребует терпения, взаимного уважения и готовности к инновациям от всех заинтересованных сторон. Современные изменения в образовательном ландшафте не следует рассматривать исключительно как утрату позиций, но скорее как естественную эволюцию в направлении большего разнообразия и многовекторности. Монголия, получившая доступ к образовательным ресурсам различных стран, может формировать более сбалансированное и космополитичное поколение специалистов. Для России это создает как вызовы, так и новые возможности. Необходимость конкурировать с другими образовательными системами стимулирует повышение качества российских образовательных услуг, развитие инновационных подходов, лучшее понимание потребностей международной аудитории.

Ключевым принципом развития международного сотрудничества в области образования должно стать признание равноправия и взаимной выгоды. Образовательное партнерство XXI в. не может строиться по модели односторонней передачи знаний и опыта. Необходимо отказаться от конкуренции за «эксклюзивное влияние» в пользу модели «партнерского сотрудничества». Монголия, интегрированная в международное образовательное пространство и имеющая связи с различными образовательными системами, представляет большой интерес для России как партнер, чем как изолированная, зависимая страна. Многовекторность монгольской образовательной политики следует рассматривать не как угрозу российским интересам, а как возможность для взаимного обогащения и развития инновационных форм сотрудничества. Современная Монголия обладает собственными достижениями, которые могут быть интересны и полезны российским партнерам.

Будущее российско-монгольского образовательного партнерства не предопределено. Реализация позитивного сценария сотрудничества зависит от конкретных действий и инвестиций, которые обе стороны готовы предпринять в ближайшие годы. «Окно возможностей» для восстановления российских позиций в области образования остается открытым, но оно, к сожалению, постепенно сужается по мере укрепления позиций других образовательных систем и сокращения числа владеющих русским языком монголов. В конечном счете, успех партнерства в сфере образования зависит от способности всех участников адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом лучшие традиции прошлого.

Список литературы/ References

Актамов, И. Г., Григорьева, Ю. Г. (2022). Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений). *Монголоведение*. Т. 14. № 1. С. 65-82.

Aktamov, I. G., Grigorieva, Y. G. (2022). Cooperation between Russia and Mongolia in the Scientific and Humanitarian Sphere: Key Milestones (to the Centenary of the Establishment of Diplomatic Relations). *Mongolian Studies*. Vol. 14. No. 1. Pp. 65-82. (In Russ.)

Джагаева, О. А. (2019). Вклад РСФСР / СССР в развитие системы образования Монгольской Народной Республики в 1921-1945 гг. *Oriental Studies*. Т. 12. № 4. С. 32-36.

Dzhagaeva, O. A. (2019). The Contribution of the RSFSR / USSR to the Development of the Education System of the Mongolian People's Republic in 1921-1945. *Oriental Studies*. Vol. 12. No. 4. Pp. 32-36. (In Russ.)

Доржиева, И. Ц., Цыремпилова, Э. В. (2021). Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования. *Общество: политика, экономика, право*. № 6. С. 46-51.

Dorzhieva, I. Ts., Tsyrempilova, E. V. (2021). Export of Russian Educational Services to Mongolia in the Context of the Reform of the Mongolian Education System. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 6. Pp. 46-51. (In Russ.)

Дыркхеева, Г. А., Наранчимэг, Г. (2019). Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности (монгольская письменность). *Гуманитарный вектор*. № 3. С. 98-104.

Dyrkheeva, G. A., Gombodorzhiyn, N. (2019). Language Policy in Mongolia: Problem of Revival of the Old Mongolian Script (The Mongolian Script). *Humanitarian Vector*. Vol. 14. No. 3. Pp. 98-104. (In Russ.)

Дыркхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С., Цэрэнчимэд, С., Дашдондог, Э. (2021). Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика, проблемы. *Социоллингвистика*. № 1 (5). С. 31-48.

Dyrkheeva, G. A., Tsybenova, Ch. S., Tserenchimed, S., Dashdondog, E. (2021). Russian language in Mongolian Education System: State, Dynamics, Problems. *Sociolinguistics*. No. 1 (5). Pp. 31-48. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2022). Образовательное неравенство в современной Монголии: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ. *Философия образования*. Т. 22. № 2. С. 82-98.

Izgarskaya, A. A. (2022). Educational Inequality in Modern Mongolia: On the Problem of Socio-Cultural Transformations of Peripheralizing Societies. *Philosophy of Education*. Vol. 22. No. 2. Pp. 82-98. (In Russ.)

Намжилсурэн, Ж., Рулиене, Л. Н. (2024). Место русского языка в современной школе Монголии: к постановке проблемы. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. № 2. С. 133-140. DOI: 10.37972/chgpu.2024.123.2.016.

Namzhilsuren, Zh., Ruliene, L. N. (2024). The Status of the Russian Language in Modern Mongolian Schools: Problem Statement. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. No. 2. Pp. 133-140. (In Russ.)

Суржко, А. В. (2022) Советско-монгольское сотрудничество в сфере высшего образования (1946-1991 гг.): характеристика основных договоров и соглашений. *Гришаевские чтения: материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти д-ра истор. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. В. Гришаева*. Красноярск, 11-12 ноября 2021 г. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. С. 94-99.

Surzhko, A. V. (2022). Soviet-Mongolian Cooperation in the Field of Higher Education (1946–1991): Characteristics of the Main Treaties and Agreements. In *Grishaevskie Chteniya: Proceedings of the IV National Scientific Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education V. V. Grishaev*. Krasnoyarsk, 11-12 November 2021. Krasnoyarsk. Pp. 94-99. (In Russ.)

Ушаков, Д. В. (2018). Современные тенденции развития монгольской системы образования (часть 1). *Философия образования*. № 4. С. 82-92.

Ushakov, D. V. (2018). Current Trends in the Development of the Mongolian Education System (part 1). *Philosophy of Education*. No. 4. Pp. 82-92. (In Russ.)

Хишигдулам, Н. (2024). Влияние глобальных образовательных реформ на локальное неравенство: мирсистемный анализ программы Кембридж и Pearson в Монголии. *Пространства и взаимодействия. Материалы XXII Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*. Новосибирск. С. 100-103.

Khishigdulam, N. (2024). The Impact of Global Education Reforms on Local Inequality: A Worldsystems Analysis of the Cambridge-Pearson Program in Mongolia. In *Spaces and Interactions. Proceedings of the XXII International Conference of Young Scientists in Humanities and Social Sciences*. Novosibirsk. Pp. 100-103. (In Russ.)

Хишигдулам, Н., Ичинхорлоо, Ш., Изгарская, А. А. (2024). Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции. *Философия образования*. № 3. С. 52-71.

Khishigdulam, N., Ichinkhorloo, Sh., Izgarskaya, A. A. (2024). Educational Policy in Modern Mongolia: Key Stages and Trends. *Philosophy of Education*. Vol. 24. No. 3. Pp. 52-71. (In Russ.)

Хишигдулам, Н., Изгарская, А. А. (2025). Двухязычное образование этнических меньшинств в Монголии. *Философия образования*. Т. 25. № 2. С. 93-114.

Khishigdulam, N., Izgarskaya, A. A. (2025). Bilingual Education of Ethnic Minorities in Mongolia. *Philosophy of Education*. Vol. 25. No. 2. Pp. 93-114. (In Russ.)

Энхбаяр, Д. (2011). Трансформация системы образования Монголии. *Власть*. № 3. С. 96-99.

Enkhbayar, D. (2011). Transformation of the Education System in Mongolia. *Vlast (The Authority)*. No. 3. Pp. 96-99. (In Russ.)

Ahearn, A., Bumochir, D. (2016). Contradictions in Schooling Children among Mongolian Pastoralists. *Human Organization*. Vol. 75. № 1. Pp. 87-96.

Arrighi, G. (1990). The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery. In Martin, W. G., Wallerstein, I. (eds.). *Semiperipheral States in the World-economy*. New York. American Sociological Association; Greenwood Press. Pp. 11-44.

Collins, R. (2001). Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*. Vol. 16 (3). Pp. 421-437.

Heaton, W. R. (1992). Mongolia in 1991: The Uneasy Transition. *Asian Survey*. Vol. 32. No. 1. Pp. 50-55.

Kaplonski, C. (2004). *Truth, History and Politics in Mongolia: The Memory of Heroes*. London. Routledge.

- Nye, J. S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York. PublicAffairs.
- Pomfret, R. (2000). Transition and Democracy in Mongolia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 1. Pp. 149-160.
- Rossabi, M. (2005). *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley. University of California Press.
- Steiner-Khamsi, G. (2004). *The Global Politics of Educational Borrowing and Lending*. New York. Teachers College Press.
- Steiner-Khamsi, G., Stolpe, I. (2006). *Educational Import: Local Encounters with Global Forces in Mongolia*. New York. Palgrave Macmillan.
- Stolpe, I. (2016). Social versus Spatial Mobility? Mongolia's Pastoralists in the Educational Development Discourse. *Social Inclusion*. Vol. 4. No. 1. Pp. 19-31.
- Wallerstein, I. (2000). Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. In *The Essential Wallerstein*. New York. The New Press. Pp. 264-288.
- Weidman, J. C., Bat-Erdene, R. (2002). Higher education and the state in Mongolia: Dilemmas of democratic transition. In Weidman, J. C., Duderstadt, B. L. (eds.). *Higher Education in the Developing World: Changing Contexts and Institutional Responses*. Greenwood Press. Pp. 129-148. [Online]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/264347366_Higher_Education_and_the_State_in_Mongolia_Dilemmas_of_Democratic_Transition. (Accessed: 01 October 2025).

Сведения об авторах / Information about the authors

Хишигдулам Нанжидмаа – преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования, Монголия, Улан-Батор, Сүхбаатар дүүрэг, 296, e-mail: khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Khishigdulam Namjidmaa – Lecturer of the Department of English and German Language of the Mongolian State University of Education, Mongolia, Ulaanbaatar, Sukhbaatar District, 296, e-mail: khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>.

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

The paper was submitted: 13.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

ПРАВО

УДК 340.115

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ПОЗИЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
artemova-an-1991@yandex.ru

Аннотация. В контексте реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) до 2030 г. одной из ключевых правовых проблем становится определение правосубъектности систем искусственного интеллекта. В статье анализируется перспектива наделения ИИ статусом «электронного лица» по аналогии с исторически сложившейся конструкцией юридического лица. Автор рассматривает данный вопрос не с антропоцентрических позиций, а через призму экономического анализа права, исследуя цели и условия такого шага. Обосновывается, что правосубъектность является инструментом регулирования, а ее предоставление ИИ возможно при достижении им достаточной степени автономности в принятии решений и должно быть экономически целесообразным, способствуя росту благосостояния и притоку инвестиций, при одновременном создании компенсационных механизмов для минимизации потенциальных рисков и защиты прав третьих лиц.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, ограниченная ответственность, экономический анализ права, конструкция юридического лица, автономность ИИ.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2025). Правосубъектность искусственного интеллекта с позиции экономического анализа права. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 176-183. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 176-183

THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FROM THE PERSPECTIVE OF THE ECONOMIC ANALYSIS OF LAW

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
artemova-an-1991@yandex.ru

Abstract. In the context of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence (AI) until 2030, determining the legal personality of artificial intelligence systems has become one of the key legal problems. The article analyzes the prospect of granting AI the status of an “electronic person”, drawing a parallel with the historically established concept of a legal entity. The author examines this issue not from an anthropocentric perspective, but through the lens of the economic analysis of law, exploring the goals and conditions for such a step. It is argued that legal personality is a regulatory tool, and its granting to AI is possible upon achieving a sufficient level of decision-making autonomy and should be economically feasible, contributing to the growth of prosperity and attracting investments. This should be accompanied by the simultaneous creation of compensation mechanisms to minimize potential risks and protect the rights of third parties.

Keywords: artificial Intelligence; legal personality; electronic person; limited liability; economic analysis of law; legal entity; AI autonomy.

For citation: Artemova, A. N. (2025). The Legal Personality of Artificial Intelligence from the Perspective of the Economic Analysis of Law. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 176-183. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4. 176-183

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их активное проникновение в ключевые сферы экономики и социальной жизни ставят перед правовой наукой и законодателем принципиально новые вызовы. В Российской Федерации, как и во многих других странах, этот процесс стимулируется принятием стратегических документов, таких как Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.¹, которые задают вектор технологического прорыва. Однако правовое обеспечение этого прорыва отстает от темпов технологических изменений. Одним из наиболее дискуссионных и фундаментальных вопросов становится определение правового статуса самих систем ИИ. Традиционная правовая парадигма, опирающаяся на субъектность физических и юридических лиц, оказывается недостаточной для регулирования отношений с участием автономных алгоритмов, способных к самостоятельному принятию решений и причинению вреда. В связи с этим в научном сообществе все активнее обсуждается концепция наделения ИИ особой правосубъектностью по модели «электронного лица».

Термин «электронное лицо» был впервые упомянут в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике». Несмотря на рекомендательный характер, резолюция стала одним из первых в мире серьезных шагов по комплексному осмыслению правовых и этических вызовов, связанных с развитием робототехники и искусственного интеллекта. В разделе, посвященном гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, в числе прочего было предложено наделение в долгосрочной перспективе роботов особым правовым статусом, «чтобы по крайней мере самые сложные автономные роботы могли быть признаны имеющими статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и возможное применение электронной личности в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами»².

Выдвинутая идея о закреплении особой правосубъектности в форме «электронного лица» инициировала в научном сообществе активную полемику относительно допустимости признания искусственного интеллекта субъектом права. Данная дискуссия актуализируется на фоне растущей сложности ИИ-систем, которые обретают способности к независимому анализу, самообучению и адаптации поведения – функциям, традиционно ассоциируемым с человеческим интеллектом. Вместе с тем сама постановка вопроса через призму сопоставления ИИ с человеком представляется непродуктивной, ибо правосубъектность является сугубо правовым инструментом, связь которого с антропологическими категориями (сознание, воля, интересы и др.) отсутствует. «Для каждого юриста утверждение о наделении физических и юридических лиц правосубъектностью исключительно в силу закона – базовая непреложная истина» [Василевская, 2023, с. 34].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.10.2025).

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). [Online]. *Official Journal of the European Union*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (Accessed: 14 October 2025).

Исторически субъект права как юридическая категория и человек как биологическое существо никогда не были тождественны. Так, в римском праве рабы не признавались субъектами права, а латинское слово «persona», переводимое как «лицо», имеет второе значение «маска». То есть лицо (субъект права) – это не что иное, как маска, надеваемая юриспруденцией на людей и производных субъектов. «Как человек, оказавшийся в греческом или римском театре, в котором артисты носили специальные маски, переносился в особый мир, так и юристы для пространства правовой реальности ввели знаково-символическое понятие субъекта права» [Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 30]. Таким образом, правосубъектность – суть юридическое качество, которое предоставляется законом для определенной цели.

Следует всецело согласиться с Г. А. Гаджиевым и Е. А. Войниканис в том, что «признавая важность человеческой личности, уникальность стремления человека к самопознанию и моральному совершенству, мы не должны отказываться от концепта юридического мира. Редуцируя личность к лицу, к определенной совокупности функций или юридических масок, право совсем не обедняет понимание человеческой природы и способностей. Скорее, право конституирует еще одно, дополнительное измерение социального бытия человека» [Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 36].

Правосубъектность является элементом юридического мира, с помощью которого право обеспечивает эффективное регулирование общественных отношений. Как в свое время была создана конструкция юридического лица, наделенная правосубъектностью для адаптации законодательства к социальным реалиям, так и создание конструкции электронного лица для участия в определенных правоотношениях является вполне адекватным решением при условии наличия соответствующих условий, требующих этого шага. Таким образом, вопрос о наделении правосубъектностью ИИ должен звучать не «Могут ли системы ИИ быть наделены правосубъектностью?», а «С какой целью и при каких условиях системы ИИ могут быть наделены правосубъектностью?» Иными словами, правосубъектность ИИ – вопрос не самой возможности, а цели и условий.

В качестве условия наделения ИИ правосубъектностью ученые называют автономность ИИ от человека [Понкин, Редькина, 2018, с. 105], материализацию поведения робота в реальном мире посредством совершения им действий, порождающих юридические факты [Лаптев, 2019, с. 97-99]. Таким образом, необходимой предпосылкой наделения ИИ правосубъектностью является автономность ИИ – способность организовывать свое поведение и принимать самостоятельные решения.

Что касается цели наделения ИИ правосубъектностью, представляется необходимым рассмотреть данный вопрос с позиции такого направления политико-правового анализа права, как экономический анализ, цель которого состоит в прогнозировании влияния принятия тех или иных правовых норм на экономическое поведение индивидов, определении того, в какой степени те или иные правовые нормы будут влиять на экономическое благосостояние и экономическую эффективность.

А. Г. Карапетов справедливо указывает на то, что «для адекватного развития права необходимо уяснение реальных истоков тех или иных перипетий истории права и реальных причин принятия и функционирования действующих правовых институтов. Очень часто эти истоки и причины носили сугубо или преимущественно экономическую природу: правотворцы прошлого с помощью соответствующих правовых институтов вольно или невольно решали те или иные экономические задачи» [Карапетов, 2016, с. 32].

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере конструкции юридического лица. В свое время создание конструкции юридического лица и наделение его правосубъектностью имело свои экономические причины: необходимость вовлечения в гражданский оборот союза лиц привела к появлению конструкции юридического лица, а необходимость привлечения капитала и юридического оформления его централизации привела к закреплению ограниченной ответственности участников по долгам юридического лица. Благодаря возможности ограничить свою ответственность размером доли в уставном капитале участники юридического лица не боялись вкладывать деньги в новое предприятие, что, в свою очередь, способствовало развитию экономики и благосостояния государства.

Фундамент концепции юридического лица как самостоятельного участника гражданских правоотношений был заложен в римском праве. Экономические потребности Римской республики привели к необходимости наделить хозяйственной самостоятельностью новые территории – муниципии (*municipes*). Им предоставили имущественные права, аналогичные правам частных лиц, включая правоспособность в суде, право собственности и наследования. Деятельность муниципий осуществлялась через органы управления (магистраты), что делало их аналогом субъектов права [Ельяшевич, 2007, с. 163-165].

Ученые также усматривают прообраз корпорации в римских товариществах публиканов (*societates vectigalium publicanorum*), занимавшихся откупом государственного имущества, доходов, а также выполнением подрядов и поставок [Суворов, 2000, с. 205]. Подобная практика позволяла государству сокращать административные расходы, перекладывая задачи по эксплуатации активов и сбору доходов на частных лиц. Для финансирования масштабных проектов таким товариществам требовался значительный капитал, что обуславливало их многочисленный состав и, как следствие, сложности коллективного участия в гражданском обороте. Наделение их правосубъектностью стало тем правовым решением, которое устранило данное организационное препятствие.

В качестве непосредственных предшественников акционерных обществ выступили колониальные торговые компании XVII в., возникновение которых стало прямым следствием Великих географических открытий XV–XVI вв. Расширение мировой торговли и колонизация новых территорий обусловили объективную потребность в выработке новых, более эффективных форм аккумуляции капитала. Ключевым решением проблемы финансирования масштабной деятельности подобных компаний стала институционализация принципа ограниченной ответственности их участников. Данный правовой механизм заключался в том, что инвесторы, приобретая долю в ожидаемой прибыли, несли риск убытков исключительно в размере внесенного вклада, будучи освобожденными от ответственности по обязательствам компании всем своим личным имуществом.

Таким образом, появление конструкции юридического лица, основанной на принципах самостоятельной правосубъектности и ограниченной ответственности, было продиктовано экономическими потребностями. И следует признать, что конструкция юридического лица в полной мере данные потребности удовлетворила. Не случайно президент Колумбийского университета Н. М. Батлер охарактеризовал корпорацию с ограниченной ответственностью как «величайшее изобретение современности», превосходящее по значимости даже энергию пара и электричество [Bainbridge, Henderson, 2016, p. 2].

Экономические выгоды корпорации с ограниченной ответственностью были детально проанализированы Ф. Истербруком и Д. Фишелем на примере публичных корпораций, для которых характерно отделение владения от управления. Ими были выделены следующие

преимущества: 1) стимулирование инвестиций (инвесторы получают возможность вкладывать средства без необходимости контроля за менеджментом и без риска потерять больше суммы вложений, что снижает общую стоимость ведения бизнеса); 2) равенство акционеров (ответственность, ограниченная долей участия, делает всех акционеров равными, избавляя их от взаимного контроля за финансовым состоянием друг друга); 3) стимулирование менеджмента (свободное обращение акций и угроза смены управления в случае падения их стоимости мотивируют менеджеров к эффективной работе); 4) информационная прозрачность (рыночная цена акций служит универсальным индикатором положения дел в корпорации, не требуя от инвесторов дополнительных издержек на оценку); 5) диверсификация рисков (инвесторы могут распределять свои вложения между различными активами, не опасаясь масштабных убытков, что способствует развитию рынка инвестиций в целом) [Easterbrook, Fischel, 1991, pp. 41–44.].

Важнейшей целью права с позиции теории экономического анализа является рост экономического благосостояния общества. Конструкция юридического лица в полной мере отвечает данной цели, поскольку способствует развитию экономики: позволяет привлекать значительные капиталы для ведения бизнеса, гарантируя инвесторам защиту их личного имущества от последствий возможной неудачи корпорации.

При этом право должно стремиться к достижению экономической эффективности – «принятию правовых решений, эффективность которых вытекает из того, что за счет предписываемого позитивным правом распределения прав или иных решений общий объем прироста экономического благосостояния выигрывающих от такого регулирования перевешивает общий объем издержек, возникающих у тех, кто от него проигрывает (критерий Калдора-Хикса)» [Карапетов, 2016, с. 127]. Иными словами, право должно соизмерять издержки и выгоды, которые то или иное правовое решение влечет для разных групп индивидов, обеспечивать оптимальный баланс интересов государства, бизнеса и частных лиц.

Так, законодательно закреплённая возможность создания корпорации как самостоятельного субъекта права в совокупности с возможностью участников корпорации ограничить свою ответственность создали предпосылки для использования конструкции корпорации недобросовестными участниками гражданского оборота в противоправных целях, уклонения от исполнения обязательств, обмана кредиторов. Однако выгоды, которые несет в себе конструкция юридического лица для развития экономики государства (экономического благосостояния общества), значительно превышают издержки отдельных частных лиц. Что не позволяет отказаться от данной конструкции, но заставляет государство искать правовые механизмы обеспечения баланса интересов, сглаживания противоречий. Это проявляется в законодательном закреплении правовых институтов, разработанных на основе доктрины «снятия корпоративной вуали». В частности, в России получил развитие институт субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц в рамках процедуры банкротства.

Переходя от анализа правовых норм *ex post* к *ex ante*, следует установить, будет ли введение категории «электронное лицо» и наделение его самостоятельной правосубъектностью отвечать цели роста экономического благосостояния государства и будет ли такое решение экономически эффективно (не превысят ли издержки такого решения полученных выгод). Принимая во внимание опыт использования конструкции юридического лица, введение конструкции электронного лица, с одной стороны,

будет способствовать привлечению инвестиций в проекты по разработке и внедрению технологий ИИ в отраслях экономики и социальной сферы, с другой стороны – приведет к появлению проблемы злоупотребления ограниченной ответственностью.

Представляется, что преимущества для роста экономического благосостояния в масштабе всего государства могут превысить издержки в виде причинения ущерба отдельным частным лицам. Так, к числу потенциальных экономических выгод можно отнести: 1) стимулирование инвестиций (ограниченная ответственность «электронного лица» снизит риски для инвесторов и разработчиков, что позволит привлечь больше капитала в разработку и внедрение ИИ-технологий, особенно в рискованные и инновационные проекты); 2) правовая определенность (создание специального режима для ИИ позволит адаптировать законодательство к новым реалиям, будет способствовать развитию цифровой экономики и технологического предпринимательства); 3) автоматизация и эффективность (ИИ сможет самостоятельно участвовать в гражданском обороте (заключать сделки, управлять активами), что повысит эффективность бизнес-процессов; 4) создание новых рынков (рынка страхования ответственности ИИ, компенсационных фондов, услуг по аудиту и сертификации автономных систем и др.).

Вместе с тем, как и в случае с юридическими лицами, для минимизации издержек от введения категории электронного лица и обеспечения баланса интересов потребуются закрепление правовых механизмов, таких как государственная регистрация и надзор, лицензирование и стандартизация, обязательное страхование ответственности ИИ, создание компенсационных фондов, субсидиарная ответственность разработчиков или владельцев в случае злоупотреблений и др.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью является не столько философским или антропоцентрическим, сколько сугубо практическим и инструментальным. Правосубъектность представляет собой не врожденное качество, а юридический инструмент, создаваемый для эффективного регулирования общественных отношений и достижения конкретных социально-экономических целей.

Исторический опыт создания и эволюции конструкции юридического лица наглядно демонстрирует, что появление новых субъектов права обусловлено в первую очередь экономической целесообразностью. Наделение организаций самостоятельной правосубъектностью и принципом ограниченной ответственности было продиктовано необходимостью привлечения капитала, диверсификации рисков и стимулирования инвестиций, что в конечном итоге способствовало росту экономического благосостояния общества. Несмотря на сопутствующие издержки, такие как возможность злоупотреблений, совокупные выгоды от данной конструкции многократно превосходили потенциальные потери, что подтверждается ее устойчивостью и распространенностью.

По аналогии с этим, введение категории «электронного лица» для автономных систем ИИ может быть экономически оправданным шагом, отвечающим вызовам цифровой экономики. Целью же такого наделения должна стать максимизация экономической эффективности: стимулирование инвестиций в разработку и внедрение передовых технологий ИИ, снижение транзакционных издержек и создание предсказуемых условий для ведения бизнеса. Условиями для наделения ИИ правосубъектностью являются достижение ИИ достаточной автономности в принятии решений, превышение экономических выгод над издержками, создание эффективной системы гарантий для защиты прав третьих лиц.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что экономический анализ является не единственным методом анализа политики права, и окончательное решение должно приниматься на основе комплексного анализа, учитывающего не только экономические, но и этические, социальные и иные факторы, чтобы обеспечить устойчивое и справедливое регулирование отношений с участием ИИ в будущем.

Список литературы / References

Василевская, Л. Ю. (2023). Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. № 5. С. 32-40.

Vasilevskaya, L. Yu. (2023). Artificial Intelligence: Problems of Civil Law Qualification. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 5. Pp. 32-40. (In Russ.)

Гаджиев, Г. А., Войниканис, Е. А. (2018). Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики). *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 4. С. 24-48.

Gadjiev, G. A., Voinikanis, E. A. (2018). Could be a Robot a Subject of Law? (in Search of Legal Forms for a Digital Economy). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 4. Pp. 24-48. (In Russ.)

Ельяшевич, В. Б. (2007). *Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота*. В 2 т. Т. 1. М.: Статут.

Yelyashevich, V. B. (2007). *Selected Works on Legal Entities, Objects of Civil Relations and the Organization of Their Circulation*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Карапетов, А. Г. (2016). *Экономический анализ права*. М.: Статут.

Karapetov, A. G. (2016). *Economic Analysis of Law*. Moscow. (In Russ.)

Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 79-102.

Laptev, V. A. (2019). Artificial Intelligence and Liability for its Work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 79-102. (In Russ.)

Понкин, И. В., Редькина, А. И. (2018). Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. Т. 22. № 1. С. 91-109.

Ponkin, I. V., Redkina, A. I. (2018). Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *RUDN Journal of Law*. Vol. 22. No. 1. Pp. 91-109. (In Russ.)

Суворов, Н. С. (2000). *Об юридических лицах по римскому праву*. М.: Статут.

Suvorov, N. S. (2000). *On Legal Persons in Roman Law*. Moscow. (In Russ.)

Bainbridge, S. M., Henderson, M. T. (2016). *Limited Liability: A Legal and Economic Analysis*. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.

Easterbrook F. H., Fischel D. R. (1991). *The Economic Structure of Corporate Law*. Cambridge. London.

Сведения об авторе / Information about the author

Артемова Анастасия Николаевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Artemova Anastasiia – Candidate of Juridical Sciences, Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

The paper was submitted: 14.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

РЕЦЕНЗИИ

УДК 1(091)

НЕИСТОВСТВО НУЛЯ ... РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НИКА ЛАНДА «ЖАЖДА АННИГИЛЯЦИИ. ЖОРЖ БАТАЙ И ВИРУЛЕНТНЫЙ НИГИЛИЗМ»

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rodin.kir@gmail.com

Аннотация. Дается краткая рецензия на вышедший недавно на русском языке перевод книги Ника Ланда «Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм» (перевод Олега Лунева-Коробского и Василия Каменских). Прослеживается противопоставление Ландом подлинного со-общения (имманентной растраты) трансцендентным фикциям автономии личности, социальных институтов и Единого. Разбирается порожденное необычным синтезом гегелевской негативности и батаевской гетерологии понятие «исступленного нуля» и новый – вирулентный – нигилизм.

Ключевые слова: нигилизм, растрата, аннигиляция, имманентность, Единое, коммуникация, личность.

Для цитирования: Родин, К. А. (2025). Неистовство нуля ... Рецензия на книгу Ника Ланда «Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм». *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 184-189. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.184-189

FRENZY OF THE ZERO ... A REVIEW OF NICK LAND'S "THE THIRST FOR ANNIHILATION: EORGES BATAILLE AND VIRULENT NIHILISM"

K. A. Rodin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rodin.kir@gmail.com

Abstract. This article provides a concise review of the recently published Russian translation of Nick Land's "The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism" (translated by Oleg Lunev-Korobsky and Vasily Kamenskikh). It examines Land's juxtaposition of authentic communication – conceived as immanent expenditure – against the transcendent fictions of personal autonomy, social institutions, and the One. The analysis focuses on the concept of the "zero" emerging from an unconventional synthesis of Hegelian negativity and Bataillean heterology, as well as Land's reconceptualization of nihilism as a virulent force.

Keywords: nihilism, annihilation, immanence, the One, communication, personality.

For citation: Rodin, K. A. (2025). Frenzy of the Zero ... A Review of Nick Land's "The Thirst for Annihilation: Eorges Bataille and Virulent Nihilism". *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 184-189. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.184-189

Стараниями Олега Лунева-Коробского и проекта Spacemorgue в 2025 г. создан русский перевод книги Ника Ланда «Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм» [Ланд, 2025].

Автор русского предисловия и переводчик неожиданно замечает: «... в нигилизме нет места для лукавства». Одновременно: «... лукавство неизбежно». Переводчик (раз)очарован английским философом и, наверное, хотел бы и нам передать хотя бы немного (раз)очарования. Поэтому не будем кичиться (не)знанием незнания и попробуем «поучиться интеллектуальной искренности» [Там же, с. 7-8].

Ланд эпиграфом к предисловию берет из Батая: «... причины написать книгу кроются в желании изменить (неприемлемые) человеческие взаимоотношения». Отношения – невыносимая скудность и мизерабельность. Человеческое со-общение опосредовано условностями, институтами, тюрьмами трансцендентного. «В определенный момент стремление к совершенно ясным человеческим отношениям ... превращается в стремление к уничтожению» (жажду аннигиляции) [Там же, с. 11]. Контингентное замечание почему-то становится прологом для книжки по атеистической религии. В недавно изданных на русском языке лекциях по политической теологии апостола Павла встречается интересное наблюдение: содержание прочитанного, понятого текста после прочтения можно вполне развернуть из названия. В названии сокрыто содержание. И из содержания становится понятным название (сказано про «Феноменологию духа» и «Бытие и время») [Таубес, 2025, с. 63-64]. Ланд же не требует завершеного герменевтического круга (полного прочтения и возвращения в начало) и понятен из названия и нескольких эпиграфов.

Книжка составлена из комментариев на Батая. Помимо Батая разбираются Ницше, Шопенгауэр, Кант, немного – Гегель, Деррида. Глава 8 построена вокруг прозы Генри Миллера. Конstellляция фрагментов скрепляется сквозной темой жажды аннигиляции и производной от жажды серий псевдотеоретических набросков по атеистической религии «исступленного нуля». Однако путь наш начинается с со-общения.

Сообщение (или безличная близость) «может существовать только в извращенных промежуточных пустотах неудачи» (Батай поработал «для препятствования обращению яростных пустот к умиротворенному забвению») [Ланд, 2025, с. 14, 17]. Автономия субъекта и различные институциональные фикции подменяют безличную близость. И все-таки коммуникация за пределами различных опосредований невозможна. Поэтому помимо невыносимой, немислимой пустоты (яростного обнаружения и опустошения скудости человеческих отношений) сообщение безличной близости не содержит никакого сообщения. Прилюдная десексуализация и убогая учтивость «заменила нам сообщение» [Там же, с. 301]. Однако вновь: сообщение – не больше крика. Голая непосредственная жизнь немислима и не подлежит сообщению. И все-таки нужно избежать мирного летаргического сна. Нужно усилить крик до невозможной растраты, до агонии. «Только агония имеет над нами власть соблазнения. Индивидуальная жизнь должна быть растрчена без остатка (сгореть в желании дотла) – или жизнь обернется «невыносимой пошлостью» [Там же, с. 300].

Батай захвачен невозможностью-растратой. Ланд настаивает на безнадежном и яростном вычитании невозможности из растраты. Ничто Ладна разворачивается как бы между растратой и невозможностью растраты. Невозможным сообщением и сообщением невозможности. Невозможность-растрата переводится в безнадежный режим сообщения невозможности: «... текст был вскормлен чрезвычайной избыточностью».

Одновременно: избыточность «беспомощно цепляется за ноль» [Там же, с. 12].

Относительно собственного письма автор говорит: «... высокомерие смешивается с мертвенно-бледным смирением. ... хронический скулеж сродни выродившемуся отголоску подпольного человека Достоевского» [Там же, с. 17]. Парадоксы продиктованы невыполнимой задачей: личность «предназначена для принесения в жертву». Написание текста – не принесение жертвы, и поэтому текст всегда будет отдавать притворством. Остается «изводить изложение присутствием я» [Там же, с. 19-20]. «Страдать до омерзения, расстроенных нервов, воспламенения ясного рассудка и исступления мысли» [Там же, с. 27]. Про личность Ланд пишет: «... интеллект, личность и сознание – поверхностные и производные характеристики ... нервных систем... не соответствуют природе космоса ...; личность ... – эфемерная пена ..., личность ... – рана ..., залитая густой кровью клетка» [Там же, с. 52]. Ланд, вероятно, восхищается Ницше и Шопенгауэром. «Нигде за пределами текстов Ницше не найти боевой машины антиперсонализма такой свирепости». «Шопенгауэр – великий источник безличного в мышлении после Канта» [Там же, с. 241, 242].

Можно нарисовать схему. Жизнь есть бесконечная имманентная растрата (подлинное со-общение). Личность или трансцендентные фикции (и метафизика состояла на службе фикций) препятствуют жизни (вводят растрату и смерть в трансцендентный порядок сохранения, накопления, полезного производства). Нужно преодолеть жалкий порядок тождественного и вернуться к имманентной растрате (к смерти).

Введем соответствующие темы и приведем некоторые цитаты.

Растрата. «Батай сообщает ... исступление негативной благой вести». «Истина солнца на пике расточительной славы – необходимость бесполезной растраты».

«... возвращение сдерживаемой энергии в имманентность ...».

Предел растраты – смерть. «Жизнь заражена смертью ..., пропитана неостановимой реальностью утраты».

«... жизнь бесконечно разъедается смертью».

«Смерть ... или растрата – единственный конец ..., окончательный предел».

Расход «возвращает энергию на солнечную траекторию». «Жертвоприношение – коллапс трансценденции» [страницы соответственно: Там же, с. 154, 75, 23, 286, 283, 22, 81, 23].

Трансцендентное. «Подлинная траектория утраты – имманентность, непрерывность, базовая материя или поток».

Трансцендентность «бессильна против свирепого безразличия имманентности». Трансцендентность размывается имманентностью. Но «процесс никогда не разрешается гомогенной негацией».

«Каждая цивилизация стремится к трансцендентному Эону ... поместить на сохранение функциональный аппарат хроноса».

Трансценденция – порождающий принцип порядка. «Трансгрессия открывает путь к ... ликование в полном изничтожении порядка ..., рушит человечество в безграничном жертвоприношении».

«Ритуалы, обычаи, кодексы – ... против высвобождения невыносимых сил». По сравнению с праздником уничтожения страх уничтожения и машина поддержания порядка – скучные обычаи рабов.

«Литература – нарушение трансценденции, темное и нечестивое рассеивание жертвенной раны ... сообщение более фундаментальное в сравнении с псевдокоммуникацией инструментального дискурса».

Нужно оставить бесполезные «попытки спасти трансцендентальную философию от несовместимых с жизнью спазмов» [страницы соответственно: Там же, с. 22, 288, 179, 122, 178, 24, 35].

Бросается в глаза неочевидное и сверх меры пустое перетолкование (overinterpretation) Ницше.

Ницше: «Жизнь ... тождественна инстинкту роста, власти, накопления сил, упрямого существования». Высшие ценности лишены воли к власти и суть ценности нигилизма и «гибельной деградации». Вместо устранения препятствий росту жизни Ланд упивается бесконечным возобновлением девальвации высших ценностей (под прикрытием странного концепта индифферентного и (в немыслимой сверх-интенсивности бесконечного аннигилирования) не-единого нуля). По Ланду вечное возвращение перезаряжает историю «благодаря нигилистической индифференциации между нулевым исступлением и исступлением нуля». Пассивный нигилизм – нуль религии. Активный нигилизм – религия нуля [Там же, с. 251-252]. Подмена роста жизни какой-то религией нуля – небрежность и просто неверное прочтение Ницше. Безжалостные и безнадежные (безжалостные-в-безнадежности и безнадежные-в-безжалостности) попытки в экстазе-омерзении различить между нулем и исступлением нуля (между нулем религии и религией нуля) обезразличиваются. Вне различия желание распадается на безразличие и бесконечное пароксизмальное возобновление обезразличивания, безусловно. Однако нелепо подменять имманентный рост жизни исступлением нуля, а Ницше – философией подпольного человека. Приравнивать конвульсии нуля к вечному возвращению.

Ланд заходит слишком (и недостаточно) далеко. Ницше останавливает войну против исторического христианства на Иисусе. Ланд временами возобновляет нападки на Назаретянина.

«Христианство научило меня ненавидеть ...» [Там же, с. 150].

Введем помимо растраты и трансцендентного последнюю тему.

Единое и Благо. Критерии блага (тождественность, постоянство, благожелательность, трансцендентная индивидуальность) «коренятся в предохранительных импульсах ... подлой, инертной и трусливой породы животных». Благо всегда было лишь трусливой волей (по Ницше).

«Батай ... решается вступить в борьбу против Единого в одиночестве».

«Только нуль не подлежит дроблению ..., недифференцируемость без единства ...».

Монотеизм пропитан «жестоким одиночеством Единого». «... Бог монотеизма – высшее или абсолютное бытие – отвечает за воспроизводство тюрьмы индивидуации в масштабах космоса» [страницы соответственно: Там же, с. 123, 196, 206, 173, 198].

Единое и благо действительно практически неразрывно переплелись и стали, возможно, преимущественным инструментом истолкования ранних христианских текстов в истории христианства. Возьмем недавний пример. В толковании на письмо апостола Павла к Филиппийцам Карл Барт относительно 2 стиха 2 главы развертывает эпопею Единого. В Синодальном переводе: «... будьте единомысленны и единомысленны» (в английском переводе было бы: be of one mind). Карл Барт усматривает призыв «помышляйте об едином». И начинает писать Единое с заглавной буквы. Некоторые цитаты:

Единое «... есть некий последний принцип». Никто не может опираться на последний принцип «как на собственный принцип против других»; «... положить предел даже принципиальному спору между людьми».

«Единое вошло в отношения людей»; «... требует объединения разъединенных людей».

«Смирение перед Единым ...». Для достижения единых помыслов «должно быть налицо Единое ...».

Карл Барт пытается доказать необходимое единство церкви. Но Единое опосредует и отношения между людьми:

«Притязания ближнего ко мне – притязания на ... терпение, внимание, снисхождение ... – притязание Единого». Голос ближнего «есть голос Единого». «Заповедано при виде ближнего думать о единстве» [Барт, 2010, с. 233-237].

Для Ланда и Батая невыносимая мизерабельность человеческих отношений создается и поддерживается Единым вне зависимости от приложений Принципа к конкретным институтам. Однако апостол про Единое и Благо в письме к Филиппийцам ничего не говорит. Евангелия и ранние христианские тексты были отданы на растерзание (в жертву) мизерабельности и были растерзаны метафизическими интерпретациями.

Список литературы / References

Барт, К. (2010). *Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.

Bart, K. (2010). *Interpretation of the Epistles to the Romans and Philippians*. Moscow. (In Russ.)

Ланд, Н. (2025). *Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм*. [Электронный ресурс]. URL: https://spacemorgue.com/media/The_Thirst_for_Annihilation_1.0.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

Land, N. (2025). *The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism*. [Online]. Available at: https://spacemorgue.com/media/The_Thirst_for_Annihilation_1.0.pdf (Accessed: October, 10, 2025). (In Russ.)

Таубес, Я. (2025). *Политическая теология апостола Павла*. СПб.: Владимир Даль.

Taubes, J. (2025). *The Political Theology of Paul the Apostle*. St. Petersburg. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Rodin Kirill – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>.

The paper was submitted: 15.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 316

ЭТНИЧНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ: ФАКТЫ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Е. М. Арутюнова, Е. Ю. Щеголькова

Институт социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

Аннотация. Специфика российского общества, обусловленная длительной историей активного межэтнического взаимодействия, определяет значимость исследования феномена этничности. Авторы статьи рассматривают его через призму формирования общественной памяти, гармоничных межличностных и межкультурных отношений, адаптационного потенциала личности, подвергающегося испытаниям в условиях современных трансформаций российского общества.

В обзоре представлены основные идеи докладов участников секции «Этничность в отношениях между людьми: факты и факторы влияния», состоявшейся в рамках VII Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти» и XI Съезда Российского общества социологов (РОС) 13 ноября 2025 г.

Ключевые слова: этничность, общественная память, адаптационный и социетальный потенциалы.

Для цитирования: Абрамова, М. А., Арутюнова, Е. М., Щеголькова, Е. Ю. (2025). Этничность в отношениях между людьми: факты и факторы влияния. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 190-195. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.190-195

ETHNICITY IN RELATIONS BETWEEN PEOPLE: FACTS AND INFLUENCING FACTORS

M. A. Abramova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

E. M. Arutyunova, E. Yu. Shchegolkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow)

Abstract. The unique nature of Russian society, shaped by a long history of active interethnic interaction, determines the importance of studying the phenomenon of ethnicity. The authors examine it through the lens of the formation of public memory, harmonious interpersonal and intercultural relationships, and the adaptive potential of individuals, which is being tested in the context of contemporary transformations in Russian society.

This review presents the main ideas of the presentations by participants in the section "Ethnicity in Interpersonal Relations: Facts and Influencing Factors," held at the 7th All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Formation and Functioning of Public Memory" and the 11th Congress of the Russian Society of Sociologists (ROS) on November 13, 2025.

Keywords: ethnicity, public memory, adaptive and societal potential.

For citation: Abramova, M. A., Arutyunova, E. M., Shchegolkova, E. Yu. (2025). Ethnicity in Human Relations: Facts and Influencing Factors. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 190-195. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.190-195

12–14 ноября 2025 г. в г. Москве состоялся VII Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти» и XI Съезд Российского общества социологов (РОС).

Организатором этих мероприятий традиционно выступает Российское общество социологов. Вместе с РОС организаторами конгресса являются Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН и Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского».

Актуальность темы VII Всероссийского социологического конгресса определяется современными российскими реалиями, где общественная память играет ключевую роль в формировании идентичности и социального взаимодействия граждан. В эпоху стремительных изменений и глобализации для России, как страны с многовековой историей развития, становится чрезвычайно важным переосмыслить свою историю и культурное наследие, чтобы разработать стратегию социального развития российского общества. В этих условиях обращение к теме общественной памяти и стремление сохранить традиции становятся важными факторами формирования российской идентичности. Общественная память, связывая прошлое и настоящее, помогает сообществам адаптироваться к новым вызовам времени. Традиции и значимые события прошлого обуславливают выработку новых социальных норм и ценностей, актуальных для общества сегодня.

Важно отметить, что современные технологии и коммуникации оказывают сильное влияние, на насыщение общественной памяти не только изменяя способы передачи информации, но и обеспечивая новый контекст для интерпретации исторических событий и культурных традиций. Это может, как влиять на разрушение устоявшихся представлений, так и создавать новые, важные для будущих поколений.

Таким образом, общественная память и механизмы ее функционирования представляют собой актуальные темы для исследований взаимосвязанных процессов, обеспечивающих устойчивость и развитие социальных систем. В данном контексте очень важно изучать как различные группы и сообщества воспринимают и интерпретируют свою социальную память, а также как это влияет на их социальное поведение и идентичность. Социальная память является одним из факторов обуславливающих такие процессы как адаптация или дезадаптация, в том случае, если ее содержание создает предпосылки для выстраивания конфликтующих оценок, формирования деструктивной общественной позиции.

В условиях современной социально-политической ситуации, а также трансформационных процессов, осуществляющихся на территории России в последние 30 лет проблема адаптации человека, развития его адаптивного потенциала и адаптационного капитала становится весьма актуальной. Л. В. Корель отмечает, что социетальный (общественный) капитал имеет экономическую, социальную, культурную, политическую, человеческую составляющие (виды) и производную от них – адаптивную составляющую [Корель, 2008, с. 134–135]. Мы бы хотели отметить, что этничность в данном контексте является одним из важных компонентов социетального капитала, обуславливающего не только адаптивные способности личности, но и этнических групп. В рамках страны, история, культура и современное состояние которой характеризуются поликультурностью, обращение к исследованию феномена этничности его роли в выстраивании межэтнических, межличностных отношений становится чрезвычайно значимым.

Одна из секций VII Всероссийского социологического конгресса «Этничность в отношениях между людьми: факты и факторы влияния» была посвящена представлению результатов исследований феномена этничности как определяющего взаимодействие людей в современных условиях. Руководителями секции выступили: Мария Алексеевна Абрамова, д.пед.н., проф., в.н.с., зав. отделом социальных и правовых исследований ИФПР СО РАН (г. Новосибирск); Екатерина Михайловна Арутюнова, к.соц.н. в.н.с., руководитель отдела этнической социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва). Координатор секции – ученый секретарь Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН Елена Юрьевна Щеголькова (г. Москва). Формат выступлений предполагал как очное, так и дистанционное участие.

Выступление Евгения Александровича Варшавера, канд. соц. наук, в.н.с. РАНХиГС, доц. НИУ ВШЭ, рук. группы исследований миграции и этничности (г. Москва) на тему «Этничность в Дагестане через призму когнитивного поворота: доклад по результатам серии эмпирических проектов» было посвящено обоснованию когнитивного подхода в социологии, позволяющего рассматривать этничность как категоризацию, закреплённую в институтах и перепроизводящуюся в мириадах актов восприятия и коммуникации с людьми и предметами. Автор представил результаты исследований в Республике Дагестан.

Ольга Васильевна Васильева, канд. филос. наук из Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) осветила проблему этнических интересов в рамках проекта реализации национального государства.

Николай Иванович Карбаинов, н.с. сектора истории российской социологии Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург) в докладе «Тунгусы Забайкалья: траектории этнической ассимиляции в XIX – первой четверти XXI вв.» сфокусировал внимание на потребности интеграции примордиалистской и конструктивистской позиций при рассмотрении феномена. В качестве материалов полевых исследований докладчик опирался на наблюдения, серию интервью и данных подворового анкетного опроса, проведенного в Забайкальском крае в 2022 г. и в Бурятии в 2023 г.. Одним из значимых результатов исследований стал вывод о том, что непреднамеренным последствием инструментального проекта локальной элиты Мылы по «эвенкизации» стала актуализация и рост престижности хамниганской идентичности (эффект взаимодействия

с официальной категорией «эвенки»). Данный результат подвел исследователя к выводу о том, что ключевыми механизмами этнического гистерезиса являются примордиальные связи, механизм памяти / забвения, механизм внешней идентификации + языковой и культурный активизм.

В докладе Зарины Хизировны Лепشوковой, канд. психол. наук, г.н.с. Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) «Зондирование множественной социальной идентичности россиян: результаты сетевого анализа» была затронута проблема конфликтов в процессе самоидентификации личности в современной России. Обострение конфликтности обусловила СВО, ставшая для россиян серьезным вызовом, усилившим поляризацию российского общества, актуализировав противоречия между сторонниками и противниками прозападного курса развития России. В 2023 г. начался процесс консолидации. Анализ типов социальной идентичности позволил выявить доминирование по устойчивости этнической и гражданской идентичностей, а выделение двух независимых кластеров «пророссийского» и «прозападного» позволил обнаружить в их внутренней иерархии отличия. Так «пророссийский» объединяет этническую, гражданскую, славянскую, советскую и религиозную идентичности, а «прозападный» состоит из европейской и глобальной идентичностей.

Константин Сергеевич Мокин, д-р соц. наук, в.н.с. сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва) представил доклад на тему «Территориальная идентичность как ресурс стратегии адаптации этнических миграционных сообществ», где рассматривая феномен идентичности пришел к выводу, что территориальная идентичность в социальной и политической практике остается ключевым коллектором других видов идентичности, таких как этническая, гражданская, конфессиональная и др., часто «растворяя» их в себе, но при этом придавая им «особые» оттенки, маркируя ее носителей.

Результаты коллективного исследования Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, выполненного с сентября 2024 по январь 2025 гг. представил Данил Александрович Киселев, м.н.с. ЮРФ ФНИСЦ РАН (г. Ростов-на-Дону) в докладе «Оценка миграционной ситуации жителями регионального сообщества (на примере Ростовской области)». Выборочная совокупность составила 1370 респондентов. Целью исследования стало получение новых данных о восприятии жителями Ростовской области мигрантов, миграционных процессов и миграционной политики региона. В ходе анализа собранной информации был выявлен тренд на возрастающее ощущение угрозы безопасности, исходящее, по мнению опрошенных, со стороны мигрантов. Полученные результаты обуславливают необходимость разработки и принятия не только экономических и правовых мер, но и инициации активной работы с общественным мнением, направленным на борьбу с негативными стереотипами, а также реализацию эффективных программ по адаптации и интеграции приезжих в региональное сообщество для снижения уровня социального напряжения.

Региональная тематика была продолжена выступлением на материале исследований в Республике Саха (Якутия). Е. М. Арутюнова в своем докладе обобщила актуальные тенденции развития этнической, региональной и локальной идентичностей якутян.

Доклад Е. Ю. Щегольковой, с.н.с. ФНИСЦ РАН (г. Москва), был посвящен анализу динамики межэтнических установок россиян в турбулентный период с 2020 г.

Гость из дружественного Кыргызстана Нурбек Ашимканович Омуралиев, д-р соц. наук, профессор, заведующий Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Института философии им. А. Алтмышбаева Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызская Республика), на примере роли П. П. Семенова-Тян-Шанского в становлении Кыргызстана показал длительную связь в развитии этносоциологических исследований между Кыргызстаном и Россией. Докладчик высказал мнение о потенциальных возможностях сотрудничества, о тенденциях, формирующих социально-политическое и научное пространство Кыргызстана.

В заключение был представлен доклад Миляуши Фаритовны Сиразетдиновой, канд. филос. наук, старшего преподавателя кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа) «Развитие научной тематики специфически-локального и универсального в сферах занятости титульных этносов России в 2000–2025 гг.». В исследовании докладчиком использованы наукометрические показатели, собранные вручную на платформе Elibrary по ключевым словам, применены вторичный анализ литературы за 2000–2025 г. (114 научных работ) и инструменты сетевого анализа; VOSviewer и обработки данных Polyanalyst (Мегапьютер). В результате были выявлены тематические кластеры публикаций и сетевые связи организаций и авторских коллективов, имеющих общие публикации по исследуемой тематике, и их изменения за 2000–2025 гг.

В целом участники секции отметили дружескую атмосферу, в которой прошло обсуждение докладов. Выступающим было задано множество детализирующих вопросов, а также были сделаны предложения и рекомендации по развитию тем исследований. Обмен мнениями способствовал установлению новых договоров о сотрудничестве.

Список литературы / References

Корель Л.В. Российский модернизационный проект и адаптация // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибир. эконом.-социолог. школы Новосибирск, 2008. С. 143-169

Korel L.V. Russian modernization project and adaptation // Russia and Russians in the New Century: Challenges of the Time and Horizons of Development: Research Novosibirsk. economy.–a sociologist. schools Novosibirsk, 2008. С. 143-169

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>.

Щеголькова Елена Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, e-mail: le_na_3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6982-6674>.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

После доработки: 20.11.2025

Принята к публикации: 26.11.2025

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Arutyunova Ekaterina – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>.

Shchegolkova Elena – Research Fellow at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Krzhizhanovskogo str., 24/35, building 5, e-mail: le_na_3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6982-6674>.

The paper was submitted: 14.11.2025

Received after reworking: 20.11.2025

Accepted for publication: 26.11.2025

УДК 304.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

В. В. Петров

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vvpetrov@mail.nsu.ru

Аннотация. В условиях международной конкуренции и санкционного давления поддержка исследований, направленных на достижение технологического суверенитета и конкурентоспособности, а также создание условий для научных открытий и их внедрения, становятся вопросами национальной безопасности. Изучение истории науки позволяет выявить закономерности, извлечь уроки из успехов и неудач, а также лучше понять причинно-следственные связи, что способствует принятию более обоснованных решений и определить фокус перспективных научных исследований.

В работе представлен краткий обзор основных научных направлений, обсуждавшихся на XLVI Международной годичной научной конференции «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования академии наук СССР)», состоявшейся 27–31 октября 2025 г. в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук.

Ключевые слова: академическая наука, научная политика, национальная безопасность.

Для цитирования: Петров, В. В. (2025). Исторический опыт организации научных исследований: социальный контекст. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 196-203. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.196-203

HISTORICAL EXPERIENCE IN ORGANIZING SCIENTIFIC RESEARCH: SOCIAL CONTEXT

V. V. Petrov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vvpetrov@mail.nsu.ru

Abstract. In the context of international competition and sanctions pressure, supporting research aimed at achieving technological sovereignty and competitiveness, as well as creating conditions for scientific discoveries and their implementation, is becoming a matter of national security. Studying the history of science allows us to identify patterns, learn lessons from successes and failures, and better understand cause-and-effect relationships, which facilitates more informed decision-making and determines the focus of promising scientific research.

This paper presents a brief overview of the main research areas discussed at the XLVI International Annual Scientific Conference “Scientific Study and Development of Russia and Adjacent Territories (on the 100th Anniversary of the Founding of the USSR Academy of Sciences)”, held October 27–31, 2025, at the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: academic science, science policy, national security.

For citation: Petrov, V. V. (2025). Historical Experience in Organizing Scientific Research: Social Context. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 196-203. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.196-203

В 2025 г. исполняется 100 лет Академии наук СССР (АН СССР), которая была высшим научным учреждением Советского Союза, действовавшим с 1925 по 1991 гг. Будучи образованной постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1925 г. на основе Российской академии наук (до Февральской революции – Императорская Санкт-Петербургская академия наук)¹, она объединила ведущие научные институты и ученых страны и стала осуществлять общее научное руководство всеми исследованиями, подчиняясь Совету Министров СССР. Первым президентом АН СССР стал известный геолог Александр Петрович Карпинский, до этого занимавший пост президента Российской академии наук.

Амбициозная миссия АН СССР заключалась не только в развитии фундаментального знания (наука ради науки), но и в прикладных исследованиях (наука ради дела) для решения конкретных насущных задач страны, что означало ориентацию на практический результат, на реальные изменения в жизни каждого человека и всего государства.

В рамках поставленных задач Академия наук должна была, во-первых, не просто заниматься уже существующими дисциплинами, а активно их развивать и совершенствовать, что предполагало постоянный поиск и разработку новых методов исследования. Во-вторых, тщательно изучая все природные «сокровища» страны – от полезных ископаемых и лесных массивов до водных ресурсов, она должна была находить способы максимально эффективного использования этих ресурсов на благо государства, чтобы они приносили реальную пользу. В-третьих, устанавливать прочную связь науки с реальной жизнью, где ученые должны были стать настоящими мостами между лабораториями и реальным миром. Их миссия заключалась в том, чтобы брать сложнейшие научные теории, результаты экспериментов и наблюдений и превращать их в конкретные решения для промышленности, сельского хозяйства, строительства и всего, что называлось «культурно-экономическим строительством СССР»².

Академия наук СССР сыграла колоссальную роль в развитии науки и технического прогресса, оставив после себя бессмертное наследие: в 1991 г. на ее основе была создана Российская академия наук (РАН). Научные учреждения, находившиеся в бывших союзных республиках, перешли под юрисдикцию их новых независимых государств, но все действительные члены Академии наук СССР автоматически становились членами РАН, а все имущество (здания, оборудование, суда и т. д.), принадлежавшее учреждениям АН СССР на территории России, было передано в собственность новосозданной РАН, что помогло сохранить интеллектуальный потенциал, научно-лабораторную базу и традиции российской и советской науки.

27–31 октября 2025 г. в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук состоялась XLVI Международная годичная научная конференция «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования академии наук СССР)». Предметом внимания и обсуждения на конференции стал широкий круг вопросов данной научной

¹ *Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета. О признании Российской Академии Наук высшим ученым учреждением Союза ССР. 27 июля 1925 г.* [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/394977-postanovlenie-prezidiuma-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-o-priznanii-rossiyskoy-akademii-nauk-vyshshim-uchenym-uchrezhdeniem-soyuza-ssr-27-iyulya-1925-g> (дата обращения: 01.11.2025).

² *100 лет с начала научных триумфов Академии наук СССР.* [Электронный ресурс]. URL: <https://science.mail.ru/articles/5694-100-let-akademii-nauk-sssr/> (дата обращения: 01.11.2025).

проблематики: история организации и проведения научных экспедиций и исследовательских путешествий на огромных территориях Российского государства и сопредельных территориях в XVIII – начале XX вв.; экспедиции Академии наук СССР как важный фактор научного изучения территорий союзных республик; роль филиалов и баз Академии наук СССР в формировании и развитии всесоюзного научно-образовательного пространства; от филиалов Академии наук СССР к академиям наук союзных республик; проблемы координации исследований внутри страны; вклад отечественных исследователей в развитие международного научного взаимодействия и улучшение межгосударственных отношений России и сопредельных стран, а также ряд других актуальных вопросов [Наука и техника ..., 2025].

Организаторами конференции в 2025 г. выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, «Военно-медицинский музей» Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербургское отделение Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук.

На открытии конференции прозвучали приветственные слова от председателя Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга Комитета А. С. Максимова, председателя Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук академика РАН А. С. Рудского, директора Института истории материальной культуры Российской академии наук, д.ист.н., проф. РАН А. В. Полякова, директора Центрального музея связи имени А. С. Попова, члена Правления Российского исторического общества, к.ист.н. С. А. Иванюка и директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, к.соц.н. Н. А. Ащеуловой.

В рамках пленарного заседания были представлены доклады, посвященные не только исторически значимой роли АН СССР, но и ряду вопросов, которые на данный момент остаются нерешенными. Так, Н. А. Ащеулова в своем докладе «100-летие образования Академии наук СССР: советский опыт формирования и развития всесоюзного научно-образовательного пространства» отметила, что исследователи неоднократно в своих работах рассматривали историю создания Академии наук СССР, однако, несмотря на существующие фундаментальные исторические, социолого-научоведческие, статистические работы, еще недостаточно изучена роль Академии наук СССР как главного центра координации исследований в союзных республиках, малоизучены и не опубликованы многие источники, хранящиеся в архивах Академии наук, научных организаций нашей страны, бывших советских республик.

Ю. М. Батурин и Б. И. Крючков в докладе «Роль Академии наук в становлении и развитии системы отбора и подготовки космонавтов», обратившись к аналитическим данным, показали, что нынешнее взаимодействие космонавтики и РАН осуществляется по очень большому числу направлений, как на личностном, так и корпоративном уровне.

Постановка и сопровождение большинства целевых работ и космических экспериментов на борту российских космических станций и международной космической станции, а также ряд важных НИОКР выполняются организациями Госкорпорации «Роскосмос» совместно с академическими институтами. Представители Академии наук принимают активное участие в проведении общекосмической подготовки кандидатов в космонавты, а космонавты-испытатели в ходе подготовки в группах специализации и совершенствования, а также экипажах, участвуют в научно-практических конференциях, семинарах и тематических круглых столах, проводимых под эгидой РАН. Данное взаимодействие демонстрирует, что космонавтика является важнейшей научной сферой деятельности РАН, обеспечивающей сотрудничество ученых и специалистов космической отрасли для решения научных и народно-хозяйственных задач по освоению космического пространства в интересах развития нашей страны.

Е. Ю. Басаргина в докладе «200-летний юбилей Академии наук в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН» представила делопроизводственные документы, коллекцию поздравительных адресов, собрание газетных вырезок, газет и журналов, посвященных юбилею, а также печатные издания, подготовленные к юбилею Академией наук, и иллюстративный материал, в том числе и ранее неизвестный.

Также 200-летию Академии был посвящен и доклад С. А. Лимановой «200-летний юбилей РАН / АН СССР: институциональный аспект», в котором было обосновано, что борьба разных политических сил за влияние в академической среде, на фоне которой происходила подготовка к празднованию юбилея, является важным индикатором значимости Академии и осознания дальнейших перспектив развития.

А. А. Будко в докладе «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне. Подходы к обобщению» обозначил тот факт, что за период военных действий советской медицине удалось накопить колоссальный опыт восполнения человеческих ресурсов страны, необходимых для победы над врагом. Значимость осмысления и обобщения данного опыта Военно-медицинским музеем отмечена в Постановлении Совета Министров СССР от 26 марта 1946 г. № 664, подписанном лично И. В. Сталиным, где труд научных сотрудников музея был приравнен к труду научных сотрудников Академии медицинских наук СССР.

Доклад А. В. Самарина «Реализация АН СССР государственной научно-технической политики на Европейском Севере СССР в 1945–1968 гг.» был посвящен развитию филиальной сети академических институтов. Он отметил, после Великой Отечественной войны развитие науки в СССР вернулось к методам 1930-х гг., чему способствовали полученные от Германии репарации и целые производства. Тем не менее советским ученым удалось адаптировать полученные технологии к советским условиям во многом благодаря развитию филиальной сети, нацеленной преимущественно на решение конкретных прикладных задач, т. е. фактически начала формироваться новая система, в которую входили новые структуры и механизмы, нацеленные на ускорение темпов технологического развития, сближения фундаментальной, прикладной науки и производства.

В рамках работы конференции значительное внимание было уделено развитию научных исследований в союзных республиках. Так, М. Г. Сеидбейли (г. Баку, Азербайджан) в докладе «Зарождение академического востоковедения в Азербайджане в советский период» отметила, что процесс становления академического востоковедения в Азербайджане был длительным и многогранным. Большую роль в этом сыграло сотрудничество с ведущими российскими и зарубежными учеными, в результате чего азербайджанская школа

востоковедения получила возможность выйти на новый уровень. Создание Азербайджанского государственного университета, Восточной библиотеки, приглашение крупных специалистов, проведение Всесоюзного тюркологического съезда, а также организация научных обществ и исследовательских центров стали важными предпосылками формирования национальной школы востоковедения.

Ежегодная конференция традиционно ориентирована на вопросы, связанные с историей развития Академии наук, поэтому в рамках секционных заседаний доминировал исторический аспект, связанный с развитием конкретных предметных направлений: биологии, математики и механики, астрономии, физики, географии, геологии, информатики, связи, электроники, транспорта, военной науки, авиации и космонавтики, инженерной деятельности, судостроения, архивного дела, медицины, экологической истории и ряда других.

Подобный подход позволяет выделить «реперные точки», ставшие знаковыми для трансформации российского общества в каждый конкретный исторический период. Примечательно, что по сложившейся многолетней традиции в рамках конференции отдельное внимание было уделено социальному контексту, в рамках которого проходит исследовательская деятельность ученого. Данному направлению была посвящена отдельная секция «Социологические проблемы науки» под председательством директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук канд. соц. наук Н. А. Ащеуловой. В докладе А. В. Басовой «К вопросу об “искусственном интеллекте” как новой форме агентности» обсуждалось предложение говорить об ИИ, повсеместно применяемом в научных исследованиях и разработках, не в терминах «интеллекта», а в терминах «новой агентности». По мнению автора, такой подход к пониманию ИИ позволит видеть в нем не столько «разумную» часть агентности, сколько успешно справляющуюся с решением определенного рода задач без необходимости быть разумной в биологическом плане. Главная особенность агентности ИИ в настоящее время заключается в том, что в нем важен результат, а не то, является ли агент или его поведение разумным. Значит, ИИ следует рассматривать не как воспроизведение интеллекта биологического типа, но, напротив, как то, что способно обойтись вообще без него, будучи инструментом, успешно расширяющим возможности человека.

Е. В. Васильева в докладе «Участие ученых ДВФАН АН СССР в освоении региона. 1932-1939 гг.» обратилась к тематике развития филиальной сети, о чем говорилось на пленарном заседании, обозначив, что создание филиалов АН СССР явилось результатом формирования научной политики, объединенной единой целью модернизации страны, понимаемой как активизация ее индустриального развития и в этом плане ковариационно связанной с институтом науки, в конечном счете ориентированным на то же. При этом заявил о себе и субъективный фактор – личное участие академика В. Л. Комарова – в число первых из создаваемых территориальных подразделений был выдвинут Дальневосточный филиал (1932 г.). Хотя регион во всех отношениях был одним из слаборазвитых в стране, тем не менее, в конечном итоге Дальневосточный филиал сформировался как значимое научное подразделение АН СССР, и неожиданным для ученых было его закрытие в 1939 г.

Е. А. Иванова, Л. Г. Николаева в докладе «Гранты Российского научного фонда в области гуманитарных и социальных наук: сравнительный анализ Москвы и Санкт-Петербурга» представили аналитическую информацию о распределении грантового финансирования между университетским и академическим сектором научных исследований.

Обращаясь к вопросам международного взаимодействия, Е. Е. Лях в докладе «Наука как фактор “мягкой силы”: молодежный вектор международного сотрудничества» обозначила, что произошедшие новейшие геополитические трансформации придают импульс развитию новых систем международных отношений, в которых «мягкая сила» выступает в качестве транслятора способности государства привлекать международных субъектов для решения стратегических задач, построения дружественных отношений, основанных на демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов. Производство фундаментального знания и поиск возможности его прикладного применения могут быть использованы как факторы, влияющие на установление международных отношений, формирование поликультурного диалога, увеличение численности научных кадров и обмен знаниями и опытом. Автором обосновано, что если окажется возможным соединить потенциалы молодежной направленности и мягкой силы, то это может способствовать усилению позиций не только российской науки на глобальном рынке, но и продвижению российской социокультурной идентичности.

В развитие темы вовлечения молодежи в научную деятельность на заседании секции были представлены результаты многолетних социологических исследований, направленных на выявление трудовых предпочтений выпускников Новосибирского государственного университета, ориентированного на подготовку научных кадров, показавшие, что в 2024 г. доминирующей сферой деятельности выпускников НГУ остается «Наука, научное обслуживание» (46 %), а в системе образования продолжило трудовую деятельность 15 % выпускников. Полученные результаты могут свидетельствовать об эффективности выстроенного взаимодействия НГУ и СО РАН в сфере подготовки молодых исследователей.

Немаловажным аспектом стали вопросы трансформации системы управления академической наукой. М. О. Окунева в докладе «Трансформация управления наукой на региональном уровне в 1990-е гг.» отметила, что поскольку в 1990-е гг. централизованная советская система управления наукой распалась, то в условиях политического и экономического кризиса и острой нехватки средств на финансирование научной деятельности необходимо было создать новую систему управления, которая позволила бы сохранить отечественный научно-технический потенциал. Расширение политической и экономической самостоятельности российских регионов коснулось и управления наукой: Конституция РФ 1993 г. закрепила среди предметов совместного ведения федерации и ее субъектов вопросы науки (п. «е» ст. 72). Начала формироваться новая двухуровневая система управления, включавшая федеральный и региональный уровни, при этом важное изменение произошло и в управлении академической наукой: республики в составе РФ получили право создавать собственные академии наук, и четыре из них им воспользовались, что привело к новой схеме организации фундаментальных и прикладных исследований.

Переключаясь с выступлениями, прозвучавшими на пленарном заседании, А. Н. Родный в докладе «Война как фактор инновационной активности химиков», обозначил, что самыми крупномасштабными событиями XX столетия стали мировые войны, существенно изменившие жизнь миллионов людей, прежде всего в экономически развитых странах. Он подчеркнул, что Первая и Вторая мировые войны на долгие годы задали вектор развития научных социумов: значительно возросла скорость процесса коррозии «интернационала ученых»; национальные научные сообщества стратегически стали

конкурирующими. На примере химической науки он показал, что из всех воевавших стран российские химики на длительное время оказались в наибольшей изоляции и, если судить по уровню их инновационной активности, менее конкурентоспособными. Войны способствовали мобилизации научно-технического потенциала; появлению национально-государственной идеологии; росту прикладных исследований; профессиональной мобильности химиков; формированию новой мобилизационной «элиты» (организаторов и руководителей крупных научно-технологических проектов) и страты мобилизационных химиков, прошедших научно-практическую школу в сжатые сроки военного времени. При этом, обращаясь к данным Второй мировой войны, он обозначил, что в период 1941–1945 гг. инновационная активность советских химиков снизилась в 2 раза, в послевоенный период (1946–1950 гг.) восстановилась на уровне 83 %, в то время как за период военных действий у немецких химиков произошел резкий спад в 6 раз, а у английских – сохранилась на прежнем уровне, но снизилась в 4 раза в послевоенное время.

Л. П. Рощевская в докладе «80-летие Коми НЦ УрО РАН как проявление современной коммеморативной практики» обосновала, что поскольку юбилей крупного академического научного учреждения представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение и солидаризацию памяти о значимых событиях в истории науки, то его можно рассматривать как часть коммеморативной практики в форме большого количества юбилейных публикаций, что является характерной чертой современного мира.

Конференция прошла в традиционном академическом формате, включающем в себя проведение пленарного заседания, 17 научных секций и 4 круглых столов, в работе которых приняли участие не только санкт-петербургские исследователи, но и ученые из других регионов России и ряда зарубежных стран – всего более 200 человек. Отличительной чертой конференции стала ее разноплановость, позволившая осуществить всестороннее обсуждение широкого круга предметных и междисциплинарных вопросов как в историческом контексте, там и в рамках актуальной проблематики.

По мере усложнения политических и социальных отношений в обществе все более актуальной становится потребность учитывать исторические корни многих явлений. Понимание истории необходимо для того, чтобы осмыслить настоящее и спрогнозировать будущее, т. к. прошлое содержит ключ к пониманию текущих событий и помогает предвидеть возможные направления развития. Г. Гегель в свое время отметил, что каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния, а «в сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [Гегель, 1993, с. 61–62]. Наука же, как социальный институт или форма общественного сознания, связанная с производством научно-теоретического знания, развивается на фоне определенного социального контекста, представляя собой определенную систему взаимосвязей между научными организациями, членами научного сообщества, формируя строго определенные нормы и ценности. Соответственно, невозможно взять модели организации научных исследований, хорошо зарекомендовавшие себя в совершенно конкретных социоисторических условиях, и перенести их в современную реальность, однако учет и анализ промахов и достижений позволяют определять успешные траектории развития российской науки и минимизировать возможные негативные последствия.

Неоспоримым является тот факт, что создание АН СССР стало грандиозным экспериментом по организации науки континентального масштаба, оставив неизгладимый след в истории мировой науки. Реализованная в СССР модель научной организации, несмотря на все свои противоречия, продемонстрировала возможность эффективной координации научной деятельности на территории, охватывающей шестую часть суши нашей планеты, обеспечив национальную безопасность.

Список литературы / References

Гегель, Г. В. Ф. (1993). *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука.

Hegel, G. V. F. (1993). *Lectures on the Philosophy of History*. St. Petersburg.

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLVI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования академии наук СССР)». (2025). Вып. XLI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, Скифия-принт.

Science and Technology: Questions of History and Theory. (2025). Proceedings of the XLV International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences «Scientific Study and Development of Russia and Adjacent Territories (on the 100th anniversary of the founding of the USSR Academy of Sciences)». (2025). Iss. XLI. St. Petersburg. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Петров Владимир Валерьевич – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0511-857X>.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

После доработки: 17.11.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Petrov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0511-857X>.

The paper was submitted: 31.10.2025

Received after reworking: 17.11.2025

Accepted for publication: 02.12.2025